

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Бенджамин

БЛЭЭК

Тайна Кристин Фоллс

Лауреат Букеровской премии

Бенджамин Блэк

Тайна Кристин Фоллс

Дублин 50-х годов.

Город, тихие улочки которого порой напоминают лабиринт жестоких и мрачных секретов.

Здесь ограбления и убийства происходят каждый день, а человеческая жизнь стоит совсем недорого.

В этом твердо уверен талантливый патологоанатом Квирк, пятнадцать лет назад потерявший жену.

Однажды ночью он застаёт в своем кабинете сводного брата Мэла, поддельвающего свидетельство о смерти молодой женщины.

Квирк выясняет, что диагноз был поставлен абсолютно неверно, и несчастная умерла при родах.

Роковая врачебная ошибка?

Неужели Мэл, известный в городе акушер, пытался спасти свою профессиональную карьеру?

Или дело тут совсем в другом?

Квирк начинает собственное расследование — и вскоре понимает, за всем происходящим стоят богатые и влиятельные люди, которые пойдут на все, лишь бы их тайны никогда не увидели свет...

Содержание

#1.....	0005
Пролог.....	0006
Часть I.....	0008
Глава 1.....	0008
Глава 2.....	0013
Глава 3.....	0031
Глава 4.....	0035
Глава 5.....	0040
Глава 6.....	0047
Глава 7.....	0050
Часть II.....	0051
Глава 8.....	0051
Глава 9.....	0056
Глава 10.....	0060
Глава 11.....	0063
Глава 12.....	0064
Глава 13.....	0067
Глава 14.....	0071
Глава 15.....	0075
Глава 16.....	0078
Глава 17.....	0080
Глава 18.....	0086
Глава 19.....	0093
Глава 20.....	0098
Глава 21.....	0106
Глава 22.....	0111
Глава 23.....	0115
Глава 24.....	0118
Часть III.....	0122
Глава 25.....	0122
Глава 26.....	0126
Глава 27.....	0136
Глава 28.....	0143
Глава 29.....	0148
Глава 30.....	0151
Глава 31.....	0153
Глава 32.....	0159
Глава 33.....	0162
Глава 34.....	0166
Глава 35.....	0169
Эпилог.....	0176
От автора.....	0177

Блэк Бенджамин
Тайна Кристин Фоллс: Роман

Посвящается Эду Виктору

/ Пер. с англ. А. Ахмеровой — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. — 352 с. — (Интеллектуальный детектив). — ISBN 978-5-373-04544-5

Пролог

Она радовалась, что уплывает вечерним кораблем, потому что к утреннему отплытию не была готова физически. В разгар вчерашней вечеринки кто-то из студентов-медиков притащил *флягу* чистого спирта, смешал с апельсиновым соком, и она выпила целых два бокала полученного «коктейля». Во рту до сих пор саднило, в голове словно били барабаны. Она все утро пролежала в постели, чувствовала, что пьяна, а заснуть не могла. То и дело накатывали слезы, и она прижимала к губам платочек, чтобы заглушить всхлипы. Она боялась того, что предстояло сделать, точнее, совершить сегодня. Да, она боялась.

От сильного волнения она не могла стоять спокойно и мерила шагами пирс в Дан-Лэри. Свой багаж она занесла в каюту и вернулась на причал — именно там ей велели ждать. Зачем согласилась, она сама не знала. Ей ведь уже предложили работу в Бостоне, и деньги на горизонте маячили. Наверное, все объяснялось страхом перед старшей медсестрой, страхом сказать «нет», когда попросили взять с собой ребенка. Старшая медсестра вообще умела запугивать, не повышая голос. «Ну, Бренда, — начала она, глядя на нее блестящими глазами навывкате, — ты должна как следует все взвесить, потому что ответственность очень большая». Все еще тогда показалось странным, а сейчас под ложечкой сосало, во рту саднило, да еще вместо формы на ней розовый шерстяной костюм, давно купленный специально для отъезда. Она словно замуж выходит, но вместо медового месяца — неделя заботы о ребенке и никакого мужа рядом. «Бренда, ты славная девушка. — Старшая медсестра растянула губы в улыбке, пугавшей не меньше самого свирепого из ее взглядов. — Благослови тебя Господь!» «Благословение Господне точно не помешает, — мрачно думала теперь Бренда. — И сегодня на корабле, и завтра на поезде до Саутгемптона, и следующие пять дней на корабле, и потом. А что будет потом?» За границу она выезжала лишь раз, совсем маленькой, когда отец вывозил семью на остров Мэн.

Блестящий черный автомобиль пробился сквозь поток спешащих на корабль пассажиров и остановился ярдах в десяти от Бренды. Распахнулась пассажирская дверь, и на пирс выбралась женщина с холщовой сумкой в одной руке и свертком из одеяла в другой. Не молодая, шестьдесят как пить дать, она оделась, словно тридцатилетняя. Узкая юбка серого костюма едва доходила до колен, из-под пояса выпирал живот, голову венчала шляпа-таблетка с синей вуалью, закрывавшей больше половины лица. Явно не привыкшая к каблукам-шпилькам, женщина неуверенно ступала по бетонным плитам пирса. Накрашенные губы улыбались, из-за вуали смотрели маленькие глаза, черные и пронзительные.

— Мисс Ратледж? Меня зовут Моран. — Необычный выговор был таким же фальшивым, как и ее внешность. — Здесь вещи ребенка и документы. — Женщина вручила Бренде холщовую сумку. — Как сядете на корабль в Саутгемптоне, предъявите их начальнику интендантской службы. Его предупредят. — Моран внимательно взглянула на Бренду и прищурилась. — Что-то вы бледны. Хорошо себя чувствуете?

Бренда объяснила, что накануне поздно легла, а так все в порядке. Миссис или мисс, или бог знает кто Моран скупой улыбнулась.

— Отъезд отмечали, да? Вот, не уроните. — Она протянула сверток из одеяла, усмехнулась, но мигом посерьезнела, словно одернув себя. — Прошу прощения!

Больше всего Бренду удивило, что сверток горячий, словно в одеяло завернули раскаленный уголь, только мягкий и шевелящийся. Стоило поднести его к груди, как внутри что-то дернулось, словно большая рыба.

— Ой! — удивленно и взволнованно воскликнула Бренда. Моран заговорила снова, только Бренда не слушала. Из глубины свертка на нее смотрели мутные глазенки и не просто смотрели, а разглядывали со спокойным интересом. Горло судорожно сжалось. «Неужели опять разревусь?» — испугалась Бренда.

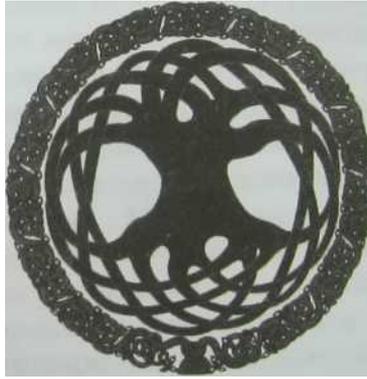
— Спасибо, — только и сказала она, хотя кого благодарит и за что, не знала.

Моран пожала плечами и подняла уголок рта в подобии улыбки.

— Удачи! — пожелала Моран, после чего вернулась к машине, села в салон и захлопнула дверцу. — Ну, дело сделано, Ж проговорила она и принялась наблюдать за Брендой Раттледж, которая неподвижно стояла на пирсе и смотрела на сверток. Холщовая сумка, совершенно забытая, лежала у ног девушки. — Только посмотри на нее! — мрачно проговорила Моран. — Девочкой Марией себя считает!

Водитель молча завел машину.

Часть I

Глава 1

Квирка пугали не мертвые, а живые. В морг он вернулся глубоко за полночь и, увидев Мэлэки Гриффина, содрогнулся от ужаса. Дрожь оказалась пророческой: ужасного впереди было хоть отбавляй. Мэлэки устроился за его рабочим столом. Квирк остановился в темном помещении морга среди каталок с покрытыми простынями трупами и стал за ним наблюдать. Мэл сидел спиной к распахнутой двери, склонившись над досье. Очки в стальной оправе поблескивали в свете настольной лампы, падавшем так, что левое ухо зловеще отливало малиновым. Мэл, как всегда зажатый и неуверенный в себе, заполнял досье. Не будь Квирк пьян, он удивился бы еще больше. В затуманенном сознании с пугающей четкостью возникла картинка из детства. Усердный и сосредоточенный, Мэл сидит за партой в большом, залитом солнцем классе и вместе с пятьюдесятью другими учениками пишет экзаменационное сочинение. Прошла четверть века, а Мэл носил ту же прическу: щедро смазывал волосы бриолином и разделял пробором. Гладкие черные волосы делали его похожим на морского котика.

Мэл почувствовал чье-то присутствие и, подняв голову, взгляделся в темноту морга. Квирк выждал секунду и, пошатываясь, шагнул к освещенному порогу кабинета.

— Квирк! — с облегчением выдохнул Мэл и раздраженно добавил: — Ты меня напугал!

Несмотря на смокинг, Мэл выглядел непривычно неряшливо — расстегнул пиджак и белую рубашку, а галстук-бабочку и вовсе снял. Нащупывая сигареты, Квирк заметил, как Мэл быстро прикрыл рукой досье, и снова вспомнил школьные годы.

— Допоздна работаешь? — поинтересовался Квирк и криво ухмыльнулся. Алкоголь внушал уверенность, что его вопрос — образчик мудрости.

— Что ты тут делаешь? — чересчур громко спросил Мэл, начисто проигнорировав вопрос, и поправил очки, которые сползли на вспотевший нос. Судя по лихорадочным движениям, он сильно нервничал.

— Там вечеринка, — Квирк показал на потолок.

Мэл сделал подобающее авторитетному специалисту лицо и надменно повторил:

— Вечеринка? Какая еще вечеринка?

— Медсестра Бренда Раттледж уезжает.

— Раттледж? — повторил Мэл.

Квирку стало скучно. Он попросил у Мэлэки сигарету, потому что свои у него, похоже, кончились. Мэл просьбу проигнорировал, встал и проворно схватил со стола досье, которое упорно прятал. На обложке крупно написали имя, и Квирк с трудом, но прочел его — Кристин Фоллс. Ручка Мэла осталась на столе — блестящий черный «Паркер» с золотым, разумеется, пером, карата в двадцать два, а то и больше. Любовь к дорогим вещам была одной из немногих слабостей Мэла.

— Как Сара? — спросил Квирк и позволил себе завалиться на бок так, что плечо уперлось в дверной косяк. Голова кружилась. Все дрожало и кренилось влево. Состояние ужасное: Квирк перепил и знал: тут ничего не поможет. Оставалось лишь ждать, когда пройдет похмелье. Мэл повернулся к нему спиной и убирал досье в высокий серый шкаф.

— У нее все хорошо. Мы были на ужине у Рыцарей, и я отправил ее домой на такси.

— У Рыцарей? — выпучив глаза, переспросил Квирк.

Мэл пронзил его пустым апатичным взглядом, лишь стекла очков вспыхнули.

— У Рыцарей Святого Патрика, будто сам не знаешь!

— Да-да, конечно! закивал Квирк с таким видом, словно едва сдерживал смех. — Не обращай на меня внимания! Кстати, что ты делаешь здесь, среди мертвецов?

Мэлэки умел выкатывать глаза и вытягивать и без того длинное худое тело, словно змея, услышавшая дудку заклинателя. Далеко не впервые Квирк подивился густоте его черных волос, гладкости кожи и стальному блеску синих глаз под исцарапанными стеклами очков.

— Нужно было кое-что сделать, — ответил он. — Кое-что проверить.

— Что проверить?

Вместо ответа Мэл взглянул на Квирка, убедился, что тот сильно пьян, и в его холодных голубых глазах мелькнуло облегчение.

— Тебе нужно домой, — только и сказал он.

Квирк хотел поспорить: в конце концов морг — его территория, но снова потерял интерес и под пристальным взглядом Мэла зашагал обратно, петляя среди каталок, с трупами. Посреди помещения он споткнулся и, чтобы не упасть, потянулся к ближайшей каталке. Его угораздило стянуть простыню, и она шипящей белой лавиной сползла с каталки. Холодный липкий нейлон напоминал мантию из бледной человеческой кожи. На каталке лежала молодая стройная блондинка, некогда миловидная. Смерть не пощадила ее, и сейчас девушка была похожа на безликую статую из стеатита. Интуиция или профессиональное чутье патологоанатома подсказало имя блондинки прежде, чем Квирк взглянул на привязанную к ее ноге бирку.

— Кристин Фоллс, — прочел он. — Красивое имя.

Приглядевшись к волосам Кристин, на макушке и висках Квирк заметил отросшие темные корни. Мало того, что мертва, еще и не натуральная блондинка!

Несколько часов спустя Квирк проснулся с острым чувством надвигающейся катастрофы. Почему он лежит в морге, среди трупов? Он продрог до мозга костей, а свернувшийся набок галстук претендовал на роль удавки. Квирк сел

и откашлялся. Сколько же он выпил? Сперва в «Макгонагл», потом на вечеринке Бренды Раттледж. Дверь в его кабинет была открыта. Ему ведь приснилось, что Мэл работал здесь после полуночи? Квирк свесил ноги на пол и бодро вскочил. Голова казалась легкой, словно верхушку черепа отпилили. Квирк поднял руку, поприветствовал каталки на древнеримский манер и, нетвердо ступая, вышел из морга.

Стены коридора были выкрашены в бледно-зеленый, а плинтусы и батареи покрыты бесчисленными слоями чего-то желтого, клейкого, блестящего, больше напоминающего застывшую овсянку, чем краску. Квирк остановился у подножья до нелепого широкой лестницы — в эпоху Регентства здесь располагался клуб для молодых, но состоятельных повес — и с удивлением услышал отголоски вечеринки, доносившиеся с пятого этажа. Он взялся за перила, поставил ногу на первую ступеньку и... замер. Интерны, студенты и соблазнительные медсестры — нет, спасибо, с него хватит. Тем более, он этим молодым людям не нужен. Квирк побрел по коридору. Казалось, за углом караулит похмелье со щипцами и колотушкой наготове. В комнате вахтера у высоких двойных дверей главного входа тихо играло радио. Квирк узнал группу «Инк Споте»[1] и песню «Ложь — это грех». «Святая правда!» — подумал он и начал подпевать.

Вахтера Квирк застал на крыльце: одетый в коричневый пыльник, тот курил сигарету и смотрел на серую зарю, занимающуюся над куполом здания Четырех Судов. Вахтер был шустрым очкариком со спутанными волосами и длинным носом, кончик которого то и дело шевелился. По еще темной улице проехала машина.

— Доброе утро, Вахтер! — поприветствовал Квирк.

— Мистер Квирк, вам прекрасно известно, что вахтер — только должность, а не моя фамилия! — засмеялся вахтер. Прядь тонких каштановых волос, безжалостно зачесанная назад ото лба, делала его лицо раздраженно подозрительным. Эдакий озлобленный крысенок, а не человек!

— Ясно, вы вахтер, но фамилия у вас другая, — проговорил Квирк. Из-за здания Четырех Судов выплыла туча явно с недобрый намерением затмить еще не видимое солнце. Квирк поднял ворот пиджака, вяло гадая, что стало с плащом, в котором много часов назад он начинал попойку, по крайней мере, ему казалось, что начинал. А что стало с портсигаром? — Угостите меня сигаретой? — спросил он вахтера.

— У меня только «Вудбайнс», мистер Квирк, — сказал тот и протянул пачку. Квирк взял сигарету и нагнулся к прикрытой ладонью зажигалке, смакуя слабый, нестойкий запах горящего бензина. Вон он поднял лицо к небу и глубоко вдохнул едкий дым. Как прекрасна первая за день затяжка! Щелк! — Квирк опустил крышечку зажигалки, а секундой позже надсадно закашлялся.

— Господи, Вахтер, как вы такое курите! — пролепетал Квирк. — С этими сигаретами вы со дня на день попадете ко мне на стол. Когда вскрою ваши легкие, увижу нечто похожее на копченую селедку!

Вахтер снова засмеялся, точнее, выдавил из себя хриплое хихиканье, а Квирк довольно бесцеремонно развернулся и зашагал прочь. Спускаясь по ступенькам, он спиной чувствовал отнюдь не доброжелательный взгляд «крысенка»: очевидно, вахтер в мыслях желал ему вовсе не счастья и здоро-

вья. Зато Квирк не почувствовал другой взгляд, меланхоличный, устремленный на него из окна пятого этажа — там горел свет и, судя по мельканию размытых силуэтов, продолжалось веселье.

Тихий летний дождь серебрил деревья на Меррион-сквер. Квирк шагал по улице, высоко подняв воротник пиджака, и старался держаться поближе к ограде, словно она могла его защитить. Для служащих было еще рано; на широкой улице ни прохожих, ни машин, и если бы не дождь, она просматривалась бы до самой Перечницы, которая с другого конца бедной Маунт-стрит всегда казалась Квирку слегка наклоненной. Над частоколом труб вился дымок. Лето почти прошло, в воздухе запахло прохладной осенью. Кто топит печь в такую рань? Неужели еще не перевелись служанки, до рассвета таскающие уголь из подвала? Квирк взглянул на высокие окна и представил: жители этих домов встают и, широко зевая, отправляются готовить завтрак или решают поваляться в теплой постели еще полчаса. Однажды летом, тоже на заре, он услышал, как женщина стонет от удовольствия. Тогда жалость к себе пронзила его острой иглой — он идет по улице один-одинешенек, а все нормальные люди еще в кровати нежатся. Но та боль была сладковатой, ведь втайне Квирк считал свое одиночество признаком исключительности.

В коридоре его дома пахло неизвестно чем. Затхлый запах казался Квирку коричневатым и напоминал о детстве, если первое безрадостное десятилетие его существования можно назвать детством. Квирк поднимался по лестнице, словно преступник на виселицу. Промокшие туфли отчаянно хлюпали. Квирк успел добраться до первого этажа, когда в холле заскрипела дверь, и он со вздохом остановился.

— Вчера опять шумели! — громко возмутился мистер Пул. — Спать не давали!

Квирк обернулся. Пул лишь приоткрыл дверь квартиры и стоял боком — и дома, и на лестничной площадке одновременно. «Любимая поза, — отметил Квирк, — и любимое выражение лица — робкое и при этом вызывающее». Трикотажная безрукавка, галстук-бабочка, твилловые брюки с отутюженной стрелкой и серые тапки — Пул всегда напоминал Квирку отца какого-нибудь летчика-истребителя из фильмов о Битве за Британию[2].

— Доброе утро, мистер Пуд! — с ледяной вежливостью проговорил Квирк. Обычно на Пуле можно было слегка выпустить пары, но сегодня Квирку хотелось разрядиться по полной.

Бледные птичьи глазки Пула мстительно заблестели, зубы заскрежетали, но как всегда беззвучно.

— Всю ночь шумели, не переставая! — с горечью проговорил Пул. Квирк жил на третьем этаже, остальные квартиры пустовали, но Пул регулярно жаловался на шум по ночам. — Без перерыва колотили, бам, бам, бам!

— Ужас! — сокрушенно проговорил Квирк. — Сам я ночевал не дома.

Пул оглянулся, потом снова посмотрел на Квирка.

— Я-то ничего, а вот жена нервничает, — шепнул он. «Что-то новенькое», — подумал Квирк. Маленькую, неприметную миссис Пул с испуганным бегающим взглядом он встречал редко, но точно знал, что она почти глухая. — Я уже пожаловался куда следует, и потребовал принять меры.

— Вот и славно!

Пул прищурился, очевидно, почувствовав иронию.

— Мы еще посмотрим! — угрожающе процедил он. — Посмотрим!

Квирк двинулся дальше и до своей квартиры добрался прежде, чем Пул закрыл дверь.

Гостиная встретила неуютным холодом. Дождь стучал в два больших окна, эдакие остатки былой роскоши. В любую погоду они наполняли гостиную неярким сиянием, которое почему-то угнетало Квирка. На каминной полке стояла серебряная сигаре» ница, Квирк поднял крышку — пусто. Он не без труда опустился на одно колено и, щелкнув зажигалкой, растопил газовый камин. Возмутительно сухой плащ висел на спинке кресла, значит, он его вообще не надевал. Квирк резко поднялся, и перед глазами поплыли цветные пятна. Зрение быстро пришло в норму, и взгляд упал на фотографию в черепаховой раме. Мэлэки Гриффин, Сара, сам Квирк, в ту пору двадцатилетний, и его будущая жена Делия, одетые в белую теннисную форму, шли рука об руку. Ярко светило солнце, Делия смеялась и показывала фотографу ракетку. Где их засняли? К своему ужасу, Квирк не помнил. Вероятно, в Бостоне, но разве там они играли в теннис?

Квирк скинул влажный костюм, надел халат, босой сел перед камином и оглядел просторную комнату — книги, гравюры, турецкий ковер... «Вот она, моя жизнь!» — ухмыльнулся Квирк. Ему чуть за сорок, на десять лет меньше, чем веку. Пятидесятые обещали всем достаток и счастье, но пока только разочаровывали. Квирк взглянул на деревянную фигурку на шарнирах. Высотой около фута, она стояла на низеньком журнальном столике у окна рядом с телефоном и, судя по позе, танцевала. Квирк отвернулся, но потом раздосадованно вздохнув, подошел к столику и изменил позу фигурки — теперь она выражала унылую подавленность, больше соответствующую его утренней хандре и похмелью. Он снова сел в кресло. Дождь перестал, тишину нарушали лишь свист и шипение газового камина. Глаза болели, словно облитые кипятком, Квирк закрыл их и поморщился — воспаленные веки сомкнулись в мучительном поцелуе. Перед мысленным взором возникла запечатленная на фотографии сцена. Солнце, трава, вековые деревья; они гуляют вчетвером, молодые, стройные, улыбающиеся. Где это было? Где? Кто их снимал?

Глава 2

Взять себя за шкурку и притащить на службу удалось лишь после ленча. Когда Квирк вошел в отделение патологоанатомии, его помощники, Уилкинс и Синклер, обменялись апатичными взглядами.

— Доброе утро! — громко сказал Квирк. — То есть добрый день!

Едва он отвернулся, чтобы повесить плащ на вешалку, Синклер подмигнул Уилкинсу, поднес к губам воображаемый стакан и жадно, словно умирающий от жажды, его осушил. Нос крючком, копна черных ниспадающих на лоб кудрей — проказник Синклер недаром считался первым клоуном отделения. Квирк наполнил мензурку водой у одной из стальных раковин, стоящих в ряд у стены за секционным столом, и осторожно, не слишком доверяя своим рукам, прошествовал с ним в кабинет. Он искал аспирин в ящичке стола, по обыкновению удивляясь, откуда там столько хлама, когда взгляд упал на ручку Мэла, лежащую на промокашке. Колпачок снят, на пере засохли чернила — на Мэла совсем не похоже, он свое сокровище где попало не бросает, тем более без колпачка. Квирк нахмурился и сквозь туман похмелья мысленно вернулся в предрассветные часы, когда застал здесь Мэла. Ручка доказывала: это ему не приснилось, но чем лучше вспоминалась та сцена, тем страннее казалась, и дело было не в самом присутствии Мэлэки в его кабинете, где ему находиться не следовало, особенно среди ночи.

Квирк зашел в морг, приблизился к каталке с телом Кристин Фоллс и отдернул простыню. Он искренне надеялся, что помощники не заметили, как он вздрогнул при виде почти лысой старухи с усиками, несомкнутыми веками и тонкими бескровными губами. Старуха скалилась, демонстрируя неестественно белые сверкающие протезы.

Квирк вернулся в кабинет, достал из шкафа досье Кристин Фоллс и сел за стол. Головная боль усилилась, превратившись в мерную пульсацию у основания черепа. Квирк открыл досье. Почерк оказался незнакомым, явно не его, не Уилкинса и не Синклера, а подпись вообще напоминала детские каракули. Девушка была из провинции, то ли из Уэксфорда, то ли из Уотерфорда: жуткий почерк не позволял разобрать даже это. Кристин Фоллс умерла от эмболии легочной артерии. «Слишком молода для эмболии», — рассеянно подумал Квирк. В кабинет, скрипя каучуковыми подошвами, вошел Уилкинс. Он уже справил тридцатилетие, но был неуклюж, словно подросток, а длинное лошадиное лицо и большие уши лишь усиливали впечатление. Зато этот протестант отличался неизменной, сводящей с ума вежливостью.

— Вот, мистер Квирк, это вам медсестра передала. — Уилкинс поставил на стол портсигар Квирка и негромко кашлянул.

— Ах, да... — Квирк безучастно смотрел на плоскую серебряную коробочку, словно ожидая, что она шевельнется. — Которая из медсестер? — уточнил он, откашлявшись.

— Раттледж.

— Понятно...

Уилкинс промолчал: он явно ждал объяснений.

— Вчера на пятом этаже была вечеринка, наверное, там я портсигар и оставил. — Квирк достал сигарету и закурил. — Эта девушка... — отрывисто начал Квирк и показал Уилкинсу досье —... молодая женщина, Кристин Фоллс, куда

делся ее труп?

— Мистер Квирк, как, говорите, звали девушку?

— Фоллс, Кристин. Ее труп поступил вчера вечером, а сейчас его нет. Где он?

— Не знаю, мистер Квирк.

Квирк снова взглянул на раскрытое досье и вздохнул. Перестал бы Уилкинс добавлять к каждой первой фразе раболепное «мистер Квирк»!

— Где документ о передаче тела родственникам?

Уилкинс вышел в морг, а Квирк снова обыскал ящик стола и на этот раз обнаружил аспирин. В пузырьке осталась одна таблетка.

— Пожалуйста, мистер Квирк! — Уилкинс положил на стол тоненький розовый формуляр с нечитаемой закорючкой-подписью, похожей на ту, что стояла в досье. Тут Квирк понял, что странного было в позе Мэлэки: Мэл — правша, а писал левой рукой.

Мистер Мэлэки Гриффин проводил послеобеденный обход родильного отделения. Бодрый, решительный, одетый в полосатый костюм с красным галстуком-бабочкой, он летал из палаты в палату с целым выводком студентов на буксире. На пороге каждой палаты он замирал, выдержав эффектную паузу, произносил: «Добрый день всем! Как самочувствие?» и растягивал губы в широкой, чуть смущенной улыбке. Будущие роженицы, истомившиеся бесконечным лежанием на кровати, суетились — поправляли халаты, приглаживали волосы, заталкивали под подушки зеркальца и пудреницы, принесенные ради этого обхода. Мэлэки считался самым востребованным акушером Дублина. Завтрашним мамочкам очень импонировала его внешняя неуверенности совершенно не соответствующая опыту и блестящей репутации. Когда речь заходила о докторе Гриффине, будущие отцы, навещающие жен, лишь вздыхали. А сколько мальчиков, рожденных в больнице Святого Семейства, отправлялись в нелегкий жизненный путь с дополнительной проблемой, которую, по мнению Квирка, создавало имя Мэлэки!

— Девушки, вы чудо, самое настоящее чудо!

Квирк ждал в конце коридора, с мрачным недоумением наблюдая, как Мэл обходит свои владения. Квирк понюхал воздух. До чего странно быть здесь и вдыхать запах жизни, новой жизни! Мэл вышел из последней палаты и, заметив его, нахмурился.

— Можно тебя на пару слов? — спросил Квирк.

— Сам видишь, у меня обход.

— Только на пару слов...

Мэл вздохнул и жестом отогнал студентов. Они отошли чуть дальше, заложив руки в карманы белых халатов, а некоторые подавили усмешку: все знали, что Квирк и мистер Гриффин друг друга недолюбливают.

Квирк протянул Мэлу ручку.

— Вот, ты вчера оставил.

— Неужели? — бесстрастно спросил Мэл. — Спасибо! — Он спрятал ручку в нагрудный карман. «Как рассудительно!» — подумал Квирк. К любой мелочи Мэлэки относился вдумчиво и осмотрительно.

— Эта девушка... Кристин Фоллс... — начал Квирк.

Мэл хлопнул глазами, глянул на студентов и, поправив очки, снова повернулся к Квирку.

— Я читал досье, которое ты вчера заполнил. Там были какие-то проблемы?

Мэл ущипнул нижнюю губу. Эта привычка осталась у него с детства вместе с ежесекундным хватанием очков, раздуванием ноздрей и щелканьем пальцами. Квирку он казался живой карикатурой на самого себя.

— Я проверял кое-что в истории болезни, — с деланным безразличием проговорил Мэл.

— В истории болезни? — Квирк поднял брови — примерно так плохие актеры изображают удивление.

— Тебе-то что? — Мэл раздраженно пожал плечами.

— Во-первых, та девушка мертва. Ее труп...

Об этом я ничего не знаю. Квирк, мне пора, дела не ждут. — + Он отвернулся, чтобы уйти, но Квирк схватил его за руку.

— Слушай, я к роженицам не лезу, а ты не лезь ко мне в морг, понял? — Квирк выпустил руку Мэла и тот, натянув бесстрастную маску, быстро зашагал прочь. Студенты потянулись следом, словно цыплята за наседкой. Квирк тоже не терял времени — спустился по нелепо широкой лестнице к себе в отделение, перехватив любопытный взгляд Синклера, юркнул в кабинет, сел за стол и снова открыл досье Кристин Фоллс. Почти тотчас ожил телефон, пластиковой жабой примостившийся у его локтя. Резкий, настойчивый звон как всегда напугал Квирка до полусмерти. Едва Квирк услышал голос на том конце провода, его лицо смягчилось.

— В половине шестого? — спросил он, дождался ответа и положил трубку.

Зеленоватый вечерний воздух ласкал приятным теплом. Квирк докуривал сигарету под деревьями на широком тротуаре и наблюдал за девушкой, которая стояла через дорогу на крыльце отеля «Шелборн». Белый сарафан в красный горошек, изящная белая шляпка с пером — девушка смотрела направо, точнее, на угол Килдер-стрит. Ветерок развевал подол ее платья. Квирк невольно ею залюбовался: такая живая, но спокойная, высоко подняла голову, расправила плечи, аккуратно поставила ножки в стильных туфлях, а под мышкой зажала сумочку и перчатки. Как же она похожа на Делию! Мимо проехала оливково-зеленая телега, запряженная гнедым клейдесдалем[3]. Квирк поднял голову и вдохнул предосенний аромат пыли, лошадей, выхлопных газов и, возможно, если включить фантазию, духов девушки.

Квирк перешел через дорогу прямо перед двухэтажным зеленым автобусом, водитель которого возмущенно засигналил. Девушка повернулась на звук и апатично наблюдала, как он шагает по украшенной узорчатой светотенью улице: плащ перекинут через руку, левая ладонь в кармане двубортного пиджака, шляпа лихо сдвинута набок. Какой сосредоточенный! Стопы-то непропорционально маленькие, небось трудно на таких ходить! Девушка спустилась по ступенькам крыльца навстречу Квирку.

— Часто ты так следишь за девушками? — спросила она.

Квирк остановился примерно в футе от нее.

— Как «так»? — уточнил Квирк.

— Как гангстер следит за банком перед ограблением.

— Зависит от девушки. У тебя есть что красть?

— Зависит от того, что тебя интересует.

Целую секунду они молча буравили друг друга взглядами, потом девушка улыбнулась.

— Здравствуй, дядюшка!

— Здравствуй, Фиби! Ну, что у тебя не так?

— А что так? — девушка поморщилась и пожалала плечами.

Они зашли в буфет «Шелборна», устроились в маленьких креслах с золотистой обивкой, пили чай и лакомились крошечными бутербродами и эклерами, красиво разложенными на подставке. В просторном, богато отделанном буфете не осталось свободных мест. Как всегда вечером пятницы из провинции понаехали любители скачек, все до одного в твидовых костюмах и крепкой обуви. Их громкие, резкие голоса раздражали Квирка, а, когда он ерзал, витые ручки кресла мешали ему еще больше. Зато Фиби здесь явно нравилось, в первую очередь, из-за шанса поиграть в степенную молодую особу, дочь известного доктора Гриффина из Радгара. Квирк смотрел на нее поверх чашки и наслаждался ее наслаждением. Девушка сняла шляпку и положила рядом со своей тарелкой. Поникшее перо сделало шляпу похожей на настольную композицию. Густые, цвета воронова крыла, кудри отливали синевой, ярко-голубые глаза, доставшиеся Фиби от матери, возбужденно блестели. Квирк подумал, что она накрасилась слишком сильно — помада на свежем личике выглядела чуть ли не кричащей, — но замечание не сделал. Пожилой мужчина с типично военной выправкой, лоснящейся лысой макушкой и моноклем возмущенно наблюдал за Квирком с другого конца зала. Фиби взяла крошечный эклер, целиком затолкала в рот, выпучила глаза и засмеялась над собой.

— Как твой парень? — спросил Квирк.

— Хорошо. — Девушка пожалала плечами и нервно сглотнула.

— До сих пор на юридическом учится?

— На следующий год станет барристером.

— Ничего себе, это же здорово!

Фиби запустила в Квирка сладкую крошку, и он почувствовал разгневанный взгляд типа с моноклем.

— Хватит издеваться! Ты ведь издеваешься! — Фиби помрачнела и потупилась. — Они заставляют меня бросить его, поэтому я тебе и позвонила.

Кто «они»? — спокойно уточнил Квирк.

Фиби кивнула головой, и парикмахерские локоны подпрыгнули.

— Да все! Папа, разумеется. И даже дедушка!

— А мама?

Мама? — Фиби презрительно фыркнула, поджала губы и заговорила высоким недовольным голосом: «Фиби, ты должна подумать о семье, о репутации твоего отца». Лицемеры! — Девушка обожгла Квирка свирепым взглядом, но вдруг расхохоталась и зажала рот рукой, впрочем, ненадолго. — У тебя такое лицо! — хмыкнула она. — Ты ведь не позволишь дурно отзываться о моей маме, да?

— И что должен сделать я? — вместо ответа поинтересовался Квирк.

— Поговори с ними, — Фиби перегнулась через столик и сложила ладони, как для молитвы. — С папой или лучше с дедушкой. В конце концов, ты дедушкин любимец, а папа обязательно его слушает.

Квирк достал сигареты и зажигалку. Фиби пристально наблюдала, как он стучит сигаретой о ноготь большого пальца. Чувствовалась, она хочет попросить сигарету, но не отваживается. Квирк выпустил к потолку сизую струйку дыма и смахнул крошку табака с нижней губы.

— Надеюсь, ты не всерьез собралась замуж за этого Берти Вустера[4]?

— Если ты о Коноре Каррингтоне, то он предложение мне не сделал. Пока не сделал.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать.

— Неправда!

— Ну, скоро исполнится.

Квирк откинулся на спинку кресла и пристально взглянул на племянницу.

— Слушай, ты часом снова сбежать не надумала?

— Я надумала уехать, а не сбежать! Видишь ли, я уже не ребенок, и на дворе двадцатый век, а не каменный! Если не позволят выйти за Конора Каррингтона, я сбегу с тобой.

Квирк запрокинул голову и захохотал, а маленькое кресло, на спинку которого он нещадно давил, протестующе заскрипело.

— Нет, спасибо!

— Ну, мы же не кровные родственники, так что инцеста не будет...

Тут с Фиби что-то случилось — она закусила губу, потупилась и стала рыться в сумочке. «Плачет!» — ужаснулся Квирк, заметив, как на ладонь девушки упала слеза. Он глянул на военного с моноклем — тот встал и решительно пробирался между столиками. Фиби, наконец, разыскала носовой платок и шумно высморкалась. Военный стремительно приближался к их столику, и Квирк приготовился выяснять отношения. Господи, разве он это заслужил! Через пару секунд военный прошагал мимо, улыбнулся, обнажив лошадиные зубы, и протянул руку кому-то за спиной Квирка: «Тревор! Я сразу тебя узнал...»

Лицо Фиби покрылось пятнами, под одним глазом жирно темнела тушь — получился макияж в стиле Пьеро.

— Ах, дядюшка! — рыдала она, прикрыв рот платком. — Я так несчастна!

Квирк раздавил окурок в пепельнице.

— Ради бога, успокойся! — проворчал он, до сих пор мучаясь от головной боли.

— Не смей затыкать мне рот! — закричала Фиби, свирепо глядя на него сквозь слезы. — Все только и делают, что велят мне успокоиться и рот затыкают! — Фиби закрыла сумку и, вскочив, растерянно осмотрелась, слово забыла, где находится. Квирк, по-прежнему сидя в кресле, велел ей взять себя в руки и вернуться на место, только Фиби не слушала. Посетители буфета, особенно за соседними столиками, не сводили с них глаз.

— Все, ухожу! — объявила Фиби и зашагала прочь.

Квирк оплатил счет и нагнал девушку на крыльце отеля. Она снова промокала глаза платочком.

— Выглядишь ужасно, — процедил он. — Сходи в уборную и приведи себя в порядок.

Фиби на сей раз послушалась и вернулась в отель. Квирк ждал ее на огороженном участке у стеклянной двери и курил очередную сигарету. Парковые деревья отбрасывали резные тени. Осень не за горами... Квирк любовался кровавыми отблесками заката на фасадах кирпичных домов Хьюм-стрит, когда Фиби вышла на крыльцо, остановилась рядом с ним и взяла за руку.

— Отведи меня куда-нибудь! — попросила она. — В злачное место. — Она положила его ладонь себе на талию и хрипло засмеялась. — Хочу быть гряз-

ной!

Они зашагали вдоль парка к Графтон-стрит. На прогулку вышло немало дублинцев: насладиться последними отголосками погожего дня, начавшегося с непогоды, хотелось каждому. Фиби льнула к Квирку, держала за руку, согревала теплом упругого бедра. Квирк чувствовал, как ладно сочленены ее суставы. Вдруг перед его глазами встало бледное, как воск, лицо Кристин Фоллс, лежащей на каталке.

— Как учеба? — спросил он племянницу.

— Наверное, предмет сменю, — пожалала плечами Фибих — История очень скучная.

— Да? Чем теперь займешься?

— Скорее всего, медициной. По семейной традиции. — Квирк не отреагировал, и Фиби снова сжала его ладонь. — Я, правда, собираюсь уехать! Если не позволят жить своей жизнью, соберу вещи и исчезну.

— Как же ты справишься? — Квирк взглянул на племянницу сверху вниз и захохотал. — Твой отец вряд ли станет финансировать тот богемный образ жизни, к которой ты так стремишься!

— Работу найду. В Америке у молодежи это принято. Я переписывалась с девушкой, которая сама зарабатывала себе на колледж. Так и написала: «Зарабатываю себе на колледж», представляешь?

Они свернули на Графтон-стрит и остановились у паба «Макгонагл». Стоило Квирку нажать на высокую дверь с заляпанными витражными панелями, их встретили густой табачный дым, пивные пары и шум. Вечер только начался, а «Макгонагл» уже гудел.

— Ха, и это злачное место?! — воскликнула Фиби и вслед за Квирком прошла к барной стойке. У квадратной деревянной колонны с длинным узким зеркалом обнаружили два свободных табурета. Фиби подняла подол сарафана, влезла на табурет и улыбнулась Квирку. «Да, — сказал он себе, — у нее улыбка Делии». Он сел рядом и увидел за плечом Фиби свое отражение. Пришлось меняться местами: смотреть себе в глаза ему всегда было жутковато.

— Чем тебя угостить? — спросил Квирк племянницу и жестом подозвал бармена.

— А чем меня можно угощать?

— Корневое пиво[5].

— Лучше джин.

— Неужели? — Квирк поднял брови.

Бармен был пожилой, сутулый, с постным лицом.

— Дэви, мне как всегда, а для ее светлости джин с тоником. Больше тоника, чем джина, — попросил Квирк. В старые времена, в пору крепкой дружбы со спиртным, «Макгонагл» был его любимой забегаловкой.

Дэви кивнул, шмыгнул носом и поплелся прочь. Фиби оглядела задымленный зад. Дородная краснощекая женщина в фиолетовом держала высокий стакан стаута[6] в унизанной браслетами руке. Она подмигнула Фиби и улыбнулась, обнажив кривые, желтые от табака зубы. Рядом с ней сидел тощий, как борзая, мужчина с бесцветными сальными волосами.

— Они знамениты? — шепотом спросила Фиби. «Макгонагл» считался меккой непризнанных поэтов и их муз.

— Здесь каждый первый знаменит, по крайней мере, сам так считает.

Бармен Дэви принес напитки. «Странно, что я так и не полюбил виски и спиртное вообще», — подумал Квирк. Даже в самые тяжелые времена сразу после смерти Делии жгучая кислота спиртного казалась отвратительной. Впрочем, поглощать его гигантскими порциями это не мешало. Наверное, он не был прирожденным алкоголиком. Квирк считал, что такие существуют, но сам к ним не относится. Вероятно, это и спасло его в долгие безрадостные годы тоски по умершей жене.

Квирк поднял стакан и наклонил к девушке.

— Ну, за свободу! — проговорил он.

Фиби смотрела на свой стакан: среди пузырьков таяли кубики льда.

— Ты ведь неравнодушен к моей мамочке?

Приторная «мамочка» резанула слух Квирка. Мимо стойки протиснулся худощавый тип с высоким гладким лбом. Квирк тотчас узнал Тревора из отеля «Шелборн», которому пожимал руку военный с моноклем. Да, мир тесен!

— Ты был неравнодушен к ней, — не унималась Фиби. — И в прошлом, и сейчас тоже. Я все об этом знаю!

— Я неровно дышал к ее сестре и женился на ее сестре.

— Это от безысходности! Девушку твоей мечты заполучил папа, а ты выбрал тетю Делию.

— Ты говоришь о покойной!

— Знаю. Я стерва, да? Но правду-то не изменишь. Ты скучаешь по ней?

— По ком? — переспросил Квирк. Фиби стукнула его по запястью, наклонила голову, и перо ее шляпки скользнуло по лбу Квирка. — Двадцать лет прошло, — сказал он и после небольшой паузы добавил: — Да, я по ней скучаю.

Сара сидела на обитой плюшем табуретке и разглядывала себя в зеркало. Может, зря она надела алое шелковое платье? Ее ведь будут рассматривать, как всегда тайком, будут выискивать недостатки, признаки отличия, доказательства, что она не из их круга. Сколько она здесь? Пятнадцать лет? А своей так и не стала, особенно для женщин. Они улыбаются, льстят, безобидной болтовней потчуют, точно зверя в зоопарке кормят. Если начать беседу, они слушают с преувеличенным вниманием, кивают и одобрительно улыбаются, словно перед ними ребенок или слабоумный. От желания говорить «нормально» голос дрожит, корявые фразы текут изо рта бурным, никому не интересным ручьем. Стоит случайно обронить американизм, они хмурятся, изображая непонимание. «Удивительно, после стольких лет ваш акцент так и не исчез!» — удивляются они, словно ее привезли из первой экспедиции к Новому свету вместе с индейкой и табаком. «Да, зря я надела это платье», — со вздохом подумала Сара, но переодеться не было сил.

Из ванной вышел Мэл без пиджака и галстука. В руках он держал запонки.

— Не сможешь с этими чертовыми штуковинами? — взмолился он, вытянул руки, и Сара аккуратно вставила холодные скользкие запонки в манжеты. Друг на друга супруги старались не смотреть — Мэл, поджав губы, апатично разглядывал потолок. Какая мягкая у него кожа на тыльной стороне запястий! Именно мягкость этого высокого, нежного, ранимого мужчины впечатлила Сару двадцать лет назад, когда они познакомились.

— Фиби дома? — спросил Мэл.

— Пока нет, но она не задержится.

— Очень надеюсь, хоть сегодня до этого не дойдет!

— Ты слишком строг к ней.

Мэл поджал губы еще сильнее.

— Лучше проверь, не пришел ли мой отец, — Знаешь ведь, какой он педант!

«Когда же в наших разговорах появилась раздраженность и напыщенность, как у застрявших в лифте незнакомцев?» гадала Сара, спускаясь вниз. Шелковый подол скользил по коленям со звуком, напоминающим приглушенный шепот. Пожалуй, действительно стоило надеть что-то менее драматичное и вызывающее. «"Менее вызывающее" — звучит здорово», — подумала Сара и слабо улыбнулась. Бросать вызов совсем не в ее духе.

В столовой служанка Мэгги выкладывала на стол ложки.

— Мэгги, все готово?

Служанка окинула ее недовольным взглядом, словно не сразу узнав, потом кивнула. Сзади на форменной юбке темнело пятно, от подливы, как искренне надеялась Сара. Мэгги давно следовало отправить на пенсию, но у Сары рука не поднималась уволить ее, как уволила другую служанку. В парадную дверь постучали.

— Я открою, — проговорила Сара. Мэгги кивнула, даже не взглянув на хозяйку: ее вниманием целиком владели ложки.

Едва Сара открыла дверь, судья Гриффин протянул ей букет.

— Гаррет, заходи! — тепло проговорила Сара.

Старик вошел в переднюю, и Сара в очередной раз замешкалась, не зная, как себя вести. Гриффины, в том числе и Гаррет, формальные поцелуи не жалуют. Гаррет показал на букет, который Сара прижала к груди. Цветы были на редкость ужасными.

— Нравятся? — спросил он. — А то я в цветах не разбираюсь.

— Они прекрасны! — Сара опасливо поднесла букет к носу. Астры пахли грязными носками, но она улыбнулась. Букет значения не имел — главное, Гаррет пришел. — Прекрасные цветы! — повторила она.

Гаррет снял пальто и повесил на вешалку за дверью.

— Я первый? — спросил он и, потирая руки, повернулся к Саре.

— Остальные опаздывают.

— Господи! — простонал Гаррет. — Горбатого могила исправит — я как всегда рано!

— Зато успеем поболтать, прежде чем явятся другие гости и украдут тебя.

Гаррет улыбнулся и опустил глаза в собственном старомодно-кокетливом стиле. В который раз Сара удивилась — хотя чему тут удивляться? — что ей так нравится свекор. По лестнице спустился Мэл, строгий и величественный в темном костюме с темным же галстуком. Гаррет взглянул на него без всякого энтузиазма:

— Ах вот ты где!

Отец и сын молча стояли друг перед другом. Поддавшись порыву, Сара шагнула к ним и почувствовала, как бьется невидимый хрупкий занавес.

— Смотри, что принес Гаррет! — она показала жуткий букет. — Чудесные цветы, правда?

Квирк потягивал третью порцию спиртного. Он боком сидел у барной стойки, щурился от табачного дыма и вполуха слушал, как Фиби излагает свои планы на будущее. Он позволил ей еще один джин с тоником — девушка рас-

краснелась, глаза заблестели. Перо на ее шляпке подрагивало в такт взволнованной тираде. Тип с сальными волосами украдкой посматривал на Фиби к вящему раздражению своей толстой спутницы, хотя сама девушка его похотливые взгляды вроде не замечала. Квирк улыбнулся: его почти не смущало удовольствие, которое он получал, сидя здесь с юной, свеженькой племянницей в белом сарафане. Голоса посетителей давно слились в мерный гул и, даже вслушиваясь, он едва разбирал, что говорит Фиби.

Вдруг за спиной закричали:

— Боже всемогущий, это же любимый эскулап мертвецов собственной персоной!

Квирк обернулся и увидел Барни Бойла, пьяного, веселого и угрожающе общительного. Квирк растянул губы в улыбке. Барни — опасный знакомый, в былые времена они нередко вместе напивались.

— Привет, Барни! — настороженно проговорил он.

Барни был в «костюме пропойцы» — мятой, усеянной пятнами черной двойке с полосатым галстуком, который стал поясом, и некогда белой рубашке, распахнутой на груди, очевидно, при потасовке. Фиби очень обрадовалась встрече со знаменитым Барни Бойлом. Он казался — девушка едва не рассмеялась — миниатюрной копией Квирка: на целую голову ниже, зато со сломанным носом и до нелепого маленькими стопами. Бойл схватил ее ладонь и, перевернув, запечатлел на ней смачный поцелуй. У него самого ладони были аккуратные, мягкие и умилительно пухлые.

— Племянница, да? — спросил Бойл Квирка. — Бог свидетель, с каждым днем племянницы становятся все прекраснее, а такую фразу, дорогая моя, — он с восхищением посмотрел на Фиби, — нагрузившись портером, выговорить не так-то просто!

Бойл заказал выпивку и, вопреки протестам Квирка, купил джин для Фиби. стакан пива в одной руке, замусоленная сигарета в другой, он перекатылся с пятки на носок, упиваясь вниманием девушки. Когда Фиби спросила, не пишет ли Барни новую пьесу, он пренебрежительно отмахнулся.

— Пьесы я больше не пишу! — громогласно объявил Бойл, замер в эффектной позе и провозгласил, словно обращаясь к аудитории: — Отныне театру Эбби придется обходиться без плодов моей гениальности! — Он отхлебнул пива, запрокинул голову, широко раскрыл рот и сглотнул так, что было слышно, как завибрировали голосовые связки,? — Я снова пишу стихи! — произнес Барни, вытерев толстые губы тыльной стороной ладони. — На ирландском, волшебном языке, который я выучил в тюрьме, настоящем университете рабочего класса.

Квирк чувствовал, что его улыбка становится все натужнее. Сколько вечеров они с Барни просидели у этой стойки до самого закрытия, а то и после него, глаза в глаза, стакан к стакану, бахвалясь друг перед другом, преумноженными алкоголем успехами, словно безусые юнцы! Только те вечера давно канули в Лету. Барни хотел заказать еще выпивки, но Квирк решительно его остановил: «нет», мол, им с Фиби пора.

— Прости, Барни, в другой раз, — проговорил он и поднялся, не обращая внимания на безмолвное возмущение Фиби.

Бойл смерил его странным взглядом, и во второй раз за вечер Квирк приготовился к драке. Как бы ее избежать, ведь Барни, хоть и коротышка, а драть-

ся умеет, но взгляд Бойла скользнул к Фиби.

— Твоя фамилия Гриффин? — Барни недобро прищурился. — Часом не родственница Гаррету Гриффину, старшему судье и первому шишкарю Дублина?

Одной рукой Квирк безуспешно стягивал с табурета Фиби, дергая ее за локоть, другой сгреб свой плащ и шляпу.

— Нет, они просто однофамильцы, — заверил он Барни, но Бойл не слушал.

— Именно этот хлыщ посадил меня на нары, а ведь я всего лишь боролся за свободу своей страны, — объяснял Барни Фиби. — Да, я был среди ребят, которые в тридцать девятом взрывали снаряды в Ковентри. Вы ведь не знали об этом, а, мисс Гриффин? Видите ли, бомба куда эффективнее пера. — Лоб Барни покрылся испариной, глаза словно ввалились в глазницы. — Когда я вернулся домой, меня не встретили как героя, а упекли на три года за решетку. «Головку остудить», — заявил судья Гриффин. Разумеется, в зале суда все стонали от хохота. Мне в ту пору было шестнадцать. Что на это скажете, мисс Гриффин?

Квирк решительно двинулся прочь, пытаясь стащить с табурета упирающуюся Фиби.

Тип с сальными волосами заинтересованно слушал Барни, а сейчас подался вперед и поднял указательный палец:

— Скажу, что...

— Катись к черту! — процедил Барни, даже не взглянув на него.

— Сам катись! — парировала толстуха в фиолетовом. — Вместе со своим дружкой и его девкой.

Фиби пьяно хихикнула. Квирк как следует дернул ее за руку — она повалилась с табуретки и упала бы на пол, если бы не он не схватил ее за плечи.

— А сейчас, говорят, он добивается титула папского графа! — проревел Барни так, что половина паба слышала. — По крайней мере, думаю, это так называется! — еще громче добавил он.

В просторном зале негромко гудели голоса. Гости, человек двадцать, не больше — мужчины в однотипных темных костюмах и ярко наряженные щечечущие женщины — стояли группами. Сара порхала между ними — здесь руку пожмет, там за локоть тронет — стараясь удержать натужную улыбку. Ей было совестно за то, что она не может полюбить этих людей, в основном, знакомых Мэла и судьи. Помимо священнослужителей — сколько же среди них священнослужителей! — здесь были бизнесмены, юристы, доктора, все состоятельные, дорожащие своими привилегиями и нынешним местом в дублинском обществе. Сара давно призналась себе, что их побаивается, причем всех, а не только пугающих, вроде Костигана. Совсем не таких людей она хотела бы видеть рядом с Мэлом или его отцом. Впрочем, откуда здесь взять других? Круг, в котором они вращаются, очень узок. Это не ее круг. «Я в нем, но не из него, — так говорила себе Сара. Только признаваться никому нельзя. — Улыбайся! Не забывай улыбаться».

Вдруг сильно закружилась голова, и Сара тяжело оперлась на столик для коктейлей. Мэл, наблюдавший за ней с другого конца зала, увидел: у жены то, что служанка Мэгги презрительно называет очередным припадком, и погрузился, словно несчастье жены было болезнью, от которой она — Мэл вздрогнул от кощунственной мысли — рано или поздно умрет. Мэл зажмурился, наслаждаясь мимолетным умиротворением тьмы, затем снова открыл глаза и заставил себя повернуться к отцу.

— Я не поздравил тебя, — сказал он. — Папский рыцарский орден — это здорово.

Судья, набивавший трубку табаком, фыркнул.

— Думаешь? — спросил он с презрительным недоверием и пожал плечами. — Полагаю, я сделал для церкви немало хорошего.

Воцарилась тишина: отец и сын хотели поскорее отделаться друг от друга, только не знали, как. Тем временем Сара взяла себя в руки и, натянуто улыбаясь, подошла к ним.

— У вас обоих очень торжественный вид, — сказала она.

— Я поздравлял... — начал Мэл, но Гаррет, нетерпеливо отмахнулся:

— Не-е-ет, он подлизаться хотел!

Снова возникла неловкая пауза, чем заполнить ее, Сара не знала.

— Прошу меня извинить — откашлявшись, буркнул Мэл и отошел в сторону.

Сара взяла Гаррета под руку и прижалась к его плечу. Как славно от него пахнет — табаком, твидом, сухим, стареющим телом. Порой казалось, свекор — ее единственный союзник, хотя тут же становилось стыдно: зачем и против кого ей нужен союзник? Впрочем, ответ Сара знала. На ее глазах Костиган положил руку на плечо Мэла и стал в чем-то его убеждать. Крепко сбитый брюнет Костиган зачесывал волосы назад и носил очки в роговой оправе, зрительно увеличивающие его глаза.

— Не нравится мне этот человек, — призналась Сара. — Чем он занимается?

— По-моему, что-то экспортирует, — усмехнулся судья. — Среди друзей Мэла мне он тоже нравится меньше всех.

— Нужно спасти Мэла! — проговорила Сара.

— Да уж, это точно не помешает!

Сара укоризненно улыбнулась, отпустила руку тестя и решительно двинулась через зал. Костиган ее не заметил и как ни в чем не бывало втолковывал Мэлу о «наших людях в Бостоне».

Сара и раньше чувствовала: в каждом его слове звучит скрытая угроза, и в очередной раз удивилась, что ее муж дружит с таким человеком. Она коснулась руки Мэла, и тот вздрогнул, словно от ее пальцев било током, а Костиган растянул губы в ледяной улыбке, обнажив серые, покрытые налетом зубы.

— Опять с отцом поссорился? — спросила Сара, утачив мужа подальше от этого жуткого типа, и улыбнулась, чтобы сгладить впечатление.

— Мы не ссоримся, — сухо возразил Мэл. — Я подаю апелляцию, отец выносит решение.

«Бедный мой Мэл!» — чуть не воскликнула Сара, но он опередил ее непростым вопросом.

— Где Фиби?

Сара замялась, а Мэл снял очки и протер стекла.

— Еще не вернулась.

— Что... — начал Мэл, но осекся. К своему огромному облегчению сквозь гул голосов Сара расслышала скрип открывающейся двери и торопливо вышла в переднюю. Фиби передавала Мэгги мужскую шляпу и пальто.

— Где ты ходишь? Твой отец... — зашипела на нее Сара, но тут мужчина повернулся к ней лицом, виновато улыбаясь, и она почувствовала, как к щекам

приливает кровь. — Квирк...

— Привет, Сара! — Улыбка, неловкая поза, — Квирк казался таким молодым и неуклюжим, эдаким белокурым парнем-переростком. — Вот, привел домой заблудшую овцу.

В переднюю вышел Мэл и, увидев Квирка, выпучил глаза, словно в горле что-то застряло. Мэгги, таинственно усмехаясь, беззвучно исчезла на кухне.

— Добрый вечер, Мэл! — проговорил Квирк. — Я уже ухожу.

— Никуда ты не уйдешь! — закричала Фиби. — Конора Каррингтона мне приглашать не позволяют. Хотя ты останься! — девушка обвела родителей вызывающим взглядом, заморгала — перед глазами у нее явно плыло — покачнулась и побрела на второй этаж.

Квирк растерянно искал глазами Мэгги и свою шляпу.

— Пожалуй, мне пора, — буркнул он.

— Нет, подожди! — Сара подняла руку, словно решив его задержать, но коснуться не посмела. — У нас в гостях Гаррет. Если уйдешь, не поздоровавшись с ним, он меня не простит. — Не взглянув на Мэла, Она взяла Квирка за локоть и потащила его в зал. Если Квирк и упирался, то лишь слегка. — Когда ты в последний раз к нам приходил? На Рождество? — частила Сара, не давая ему и слово вставить. — Разве можно так забывать родственников?

Судья Гриффин о чем-то вещал гостям и яростно жестикулировал трубкой. При виде Квирка он вздрогнул — получилось очень наигранно, поднял руки и выпучил глаза.

— Посмотрите, кто пожаловал! — вскричал он и чуть ли не побежал к Квирку. Брошенные гости покорно улыбались.

— Здравствуйте, Гаррет! — проговорил Квирк. Сара отпустила его, он отступил на шаг, но тут его настиг судья и по-дружески двинул в грудь кулаком.

— Я думал, ты не сможешь прийти, негодник эдакий!

Квирк пожал плечами, улыбнулся и закусил губу. Судья почувствовал, что он как здорово заложил за воротник, ну, по крайней мере, прилично.

— Фиби настояла, — пояснил Квирк.

— Ага, она девочка настойчивая.

Сара следила за Квирком и Гарретом с улыбкой, а Мэл — с непроницаемым лицом.

— Кстати, поздравляю, — чуть насмешливо проговорил Квирк, но судья лишь отмахнулся:

— Да ну тебя! Я это всерьез не воспринимаю, хотя, надеюсь, льготный вход в рай орден мне обеспечит.

— Граф Гаррет Гриффин, — проговорил Квирк, — постукивая сигаретой по ногтю большого пальца. — Звучит замечательно!

— Нужно говорить «Гаррет, граф Гриффин», — откашлявшись, поправил Мэл. — Так же как Джон, граф Маккормак.

Воцарилась тишина, к счастью, ненадолго.

Мэлэки, сынок, — с кислой улыбкой позвал судья и обнял Квирка за плечи, — не принесешь нашему измученному жаждой другу выпить?

За выпивкой пошла Сара. Chia боялась, что закричит или истерически захохочет, если задержится в этой компании. Когда она принесла виски, Мэла рядом уже не было, а судья рассказывал Квирку о деле, которое рассматривал много лет назад еще в должности окружного судьи. В истории фигурировал

мужчина, который не то купил козу, не то продал и свалился в колодец. Сара слышала эту историю не раз, но подробности так и не запомнила. Квирка тоже многократно потчевали этой байкой, он кивал и слишком громко смеялся, а за виски Сару не поблагодарил.

— Ну, за высокие звания! — провозгласил Квирк, поднимая стакан.

— Уту, — прогудел старик, — как говорится, из грязи в князи.

В зал спустилась Фиби, бледная и какая-то оцепенелая. Она успела переодеться в широкие брюки и тесно обтягивающий грудь пуловер. Сара предложила ей лимонад, но девушка и ухом не повела, доковыляла до столика для коктейлей и налила себе щедрую порцию джина.

— Эй, Мэлэки! — позвал судья невинным голосом, но так, чтобы слышали все. — Не знал, что этой юной леди позволено крепкий алкоголь. — Гости притихли и как по команде уставились на побледневшего Мэла. Судья, определенно работая на зрителя, прикрыл рот рукой и громко зашептал Квирку: — Хотя, судя по виду, пару-тройку стаканов она уже пропустила.

Мэл подошел к Фиби и заговорил с ней вполголоса, только девушка к нему даже не повернулась: родителей она не видела и не слышала. На миг Мэл застыл, судорожно сжав кулаки — по мнению Квирка, кулаки он сжимал как никто другой — потом развернулся и с мрачной решительностью зашагал к Квирку и судье. Сара рванула было наперерез, но Квирк поднял руку.

— Да, Мэл, признаю, это я подвиг ее на грехопадение. Фиби упростила ответи ее в «Макгонагл».

Бледный, покрывшийся испариной Мэл уже собрался выдать нечто оскорбительное, но вмешалась Сара:

— Как насчет фуршета? — неестественно бодрым голосом спросила она гостей, которые разинув рты следили за семейной ссорой, хотя отчаянно изображали равнодушные. Такое развлечение у Гриффинов — редкость. — Прошу всех пройти в столовую — дрожащим голосом проговорила Сара.

Только Мэл на наживку не клюнул.

— Считаешь забавным водить девушку ее возраста в паб? — спросил он, давась гневом.

Квирк глубоко вдохнул, готовясь ответить, но судья снова обнял его за плечи и фактически заслони от нападков Мэла.

— В «Макгонагл», говоришь? — ухмыльнулся он. — Тысячу лет в том вертепе не бывал...

Есть Квирк не стал, зато влил в себя еще несколько порций виски и неожиданно оказался на кухне с Мэгги. «Как я сюда попал?» — с тупым недоумением думал Квирк. Сознание вернулось к нему в миг, когда он стоял у буфета, любовно прижимая к груди стакан с выпивкой. Вроде совсем недавно был рядом с судьей... Что случилось между тем моментом и этим? Мэгги суетилась, о чем-то рассказывала, видимо, отвечая на какой-то его вопрос. Знать бы на какой именно! Мэгги напоминала сказочную ведьму, морщинистая, сторбленная, с крючковатым носом и спутанной копной мышинных волос. Она даже смеялась хрипло, хотя ее смех вообще слышали крайне редко.

— Кстати, Мэгги, как ваши дела? — спросил Квирк, решив начать разговор с начала.

Мэгги застыла у плиты и насмешливо ухмыльнулась половиной рта.

— Вы ужасный человек. Последние штаны пропъете.

Квирк поднес стакан с виски к глазам и, изображая обиду, стал смотреть то на него, то на Мэгги. Служанка покачала головой и вернулась к своим хлопотам. В кастрюле что-то кипело, она то и дело заглядывала в нее и морщилась. «Как же звали ту ведьму? — подумал Квирк. — Грималкин[7]?» Из зала доносился голос судьи: «...надеюсь, вы верите, что я не считаю себя достойным чести, которую Его святейшество оказал моей семье и мне лично. Вам известно, кто я, каких корней и сколь удачлив был и в общественной, и в личной жизни...»

Мэгги язвительно фыркнула.

— Вы ведь из-за девушки сюда пришли?

— Из-за Фиби?

— Нет! — Мэгги снова фыркнула. — Из-за умершей.

В зале громко зааплодировали: судья закончил говорить. Секундой позже появилась Сара с высокой стопкой грязных тарелок. Увидев Квирка, она застыла как вкопанная, но, взяв себя в руки, поставила тарелки на стол, где ждала своего часа немытая посуда. Сара осторожно поинтересовалась у Мэгги, скоро ли будет готов суп. «Боюсь, сэндвичи уже съедены», — чуть ли не оправдывалась она, но служанка демонстративно склонилась над кастрюлей и что-то буркнула себе под нос. Сара вздохнула и включила горячую воду. Квирк, бессмысленно улыбаясь, наблюдал за ней.

— Прошу тебя не брать Фиби в места, вроде паба «Макгонагл», — не глядя на Квирка, проговорила Сара. — Мэл прав, ходить по забегаловкам ей еще рано.

— Мне и сюда не следовало приходить, — покаянным голосом проговорил Квирк, повесил голову, но краем глаза по-прежнему следил за Сарой.

— Прямо из паба действительно не следовало.

— Я хотел тебя увидеть.

Сара опасливо взглянула на Мэгги и шепнула:

— Квирк, только снова не начинай!

Горячая вода хлестала в раковину мощной струей, окруженной клубами пара. Сара надела фартук, достала супницу, которую, судя по сероватому налету, вниманием не баловали. Сара покачала головой, тщательно вымыла супницу губкой, поставила к плите, и Мэгги налила в нее суп.

— Мэгги, пожалуйста, подайте суп гостям!

Квирк закурил очередную сигарету. Табачный дым, запах супа и пары виски навевали меланхолию. Все это могло принадлежать ему — красивый дом, друзья, служанка и эта женщина в алом платье, туфлях на высоком каблуке и шелковых чулках с идеально прямыми швами. Сара придержала дверь, выпуская Мэгги с тяжелой супницей. Волосы у Сары цвета пшеничного поля под дождем. Он выбрал Делию Кроуфорд, ее сестру, темноволосую, умершую молодой. Или это его выбрали?

— Знаешь, что поразило меня в нашу первую встречу. Ну, в Бостоне, много лет назад? — Ответа Квирк не дождался «— Сара даже не обернулась! — и шепнул: — Твой запах!

— Что?! — в ее смешке звучало недоверие. — Ты имеешь в виду аромат моих духов?

— Нет-нет-нет! — категорично покачал головой Квирк. — Не духов, а твой!

— И чем же я пахла?

— Я уже объяснил, собой.

Теперь Сара обернулась, вымученно улыбаясь, и заговорила хрипло, словно у нее что-то болело.

— Разве не каждый человек пахнет собой?

— Не так, как ты. Нет так выразительно.

Сара поспешно отвернулась к раковине, понимая, что краснеет. Она почувствовала запах Квирка, точнее, не запах, а жар его тела, давящий на нее, словно воздух перед летней грозой.

— Ах, Квирк, ты просто пьян! — воскликнула она с напускной беззаботностью.

— А ты просто красавица. — Квирк качнулся, но тотчас встал прямо.

Сара зажмурилась и... неужели задрожала? Костяшки пальцев, сжимающих край раковины, стали белее мела.

— Не надо, Квирк, — тихо начала она. — Не надо так со мной! Это несправедливо.

Квирк стоял так близко от нее, что, казалось, вот-вот зароется лицом в волосы, поцелует ухо или бледную сухую щеку. Он снова качнулся, бессмысленно улыбаясь. Вдруг Сара повернулась к нему, обожгла злым взглядом, и Квирк испуганно отпрянул.

— Это в твоем духе, да? — сорвалось с ее побелевших губ. — Играешь с людьми, комплименты сыплешь, а сам ждешь реакции, чтобы позабавиться и скуку развеять. — Сара беззвучно заплакала — из закрытых глаз катились слезы, уголки рта скорбно опустились. Дверь кухни распахнулась, вошла Фиби и застыла, глядя на расстроенную мать и Квирка, который незаметно для Сары поднял брови и пожал плечами, дескать, ума не приложу, в чем дело. На лице девушки мелькнуло слабое подобие страха. Промешкав лишь секунду, она беззвучно выскользнула из кухни и так же беззвучно притворила за собой дверь.

Слезы второй за этот вечер женщины быстро отрезвили Квирка. Он предложил Саре носовой платок, но она, порывшись в кармане, достала свой.

— Вот, постоянно ношу с собой. На всякий случай... — Она хрипло засмеялась, высморкала нос, опершись на раковину, подняла голову к потолку и сдавленно застонала. — Господи, господи, стою на собственной кухне и реву. По кому, спрашивается? — Сара взглянула на него и покачала головой: — Ах, Квирк, ты невозможен!

Ободренный залитой слезами улыбкой, Квирк потянулся к ее щеке, но Сара отпрянула, а улыбка погасла.

— Ты опоздал, Квирк, — сдавленно проговорила она. — Опоздал на двадцать лет.

Сара спрятала платок в рукав, повесила фартук на ручку буфета и на секунду застыла, положив ладонь на фартук, словно на детскую головку. В ее опущенных долу глазах не было ни тепла, ни света. Квирк понял, что она сильнее его, куда сильнее. Он снова хотел ее коснуться, но Сара снова отпрянула, и его рука беспомощно скользнула вниз. Сара встряхнулась и вышла из кухни.

Целую минуту Квирк задумчиво смотрел в свой стакан. Почему с людьми всегда получается не так, как должно, и не так, как вполне могло бы? Квирк тяжело вздохнул. Душу терзало опасение, что он походя задел нечто слишком хрупкое для его грубых пальцев. Квирк решительно отставил стакан: бежать

отсюда, немедленно, ни с кем не прощаясь. Он был на полпути к двери, когда она распахнулась настежь, и на кухню влетел Мэлэки.

— Что ты ей сказал? — рявкнул он.

Квирк замялся, с трудом сдерживая смех: Мэл так правдоподобно изображал разъяренного мужа!

— Ну? — снова рявкнул Мэлэки.

— Ничего, — ответил Квирк, стараясь, чтобы прозвучало смиренно, но не как раскаяние.

— Ты настоящий смутьян, — неожиданно мягко и почти спокойно проговорил Мэл, буравя его взглядом. — Врываешься к нам пьяным в день, когда моего отца...

— Слушай, Мэл...

— Никаких «Слушай, Мэл»! — Мэлэки подошел вплотную к Квирку, его глаза едва не вылезали из орбит. На пороге кухни возникла Мэгги — точь-в-точь как Фиби несколько минут назад. Увидев выясняющих отношения мужчин, она, заметно повеселев, ретировалась. — Квирк, тебе здесь не место! — ледяным голосом объявил Мэл. — Возможно, ты считаешь иначе, но ошибаешься.

Квирк шагнул было к двери, но Мэлэки прижал ладонь к его груди и едва не опрокинул. На миг Квирк представил их неумелую драку — они сцепились и, отчаянно пыхтя, тузят друг друга. «Только бы не захохотать!» — подумал он, а вслух сказал:

— Слушай, Мэл, я лишь привел Фиби домой. Не следовало вести ее в паб. Я прошу прощения. Доволен?

Мэлэки сжимал и разжимал кулаки и теперь напоминал раздосадованного злодея из немого кино.

— У тебя нет причин меня ненавидеть, — с чувством добавил Квирк.

— Это мне решать, — парировал Мэлэки, словно читал мысли Квирка, словно об этом уже не раз говорили. — Держись подальше от Фиби! Не позволю превратить ее в копию тебя, понял?

Повисла страшная, звенящая от напряжения тишина. У обоих в висках стучала кровь: у Мэла от напряжения, у Квирка от перепоя.

— Счастливо, Мэл! — с черной иронией сказал Квирк, решительно шагнув к двери. Взявшись за ручку, он обернулся и с нарочитой небрежностью поинтересовался: — Кстати, Кристин Фоллс у тебя наблюдалась?

Мэл заморгал — блестящие веки вяло напоззали на воспаленные глазные яблоки.

— Что?

— Кристин Фоллс, которая умерла от эмболии, у тебя наблюдалась? Поэтому ты вчера ночью рылся в моей картотеке? — Мэлэки молчал. В блестящих, навывкате глазах читалась полная апатия. — Надеюсь, ты не напортачил. Халатность может дорого обойтись.

Квирк стоял в передней, дожидаясь, когда Мэгги принесет плащ и шляпу. Если поспешить, он успеет в «Макгонагл» до закрытия. Барни Бойл еще наверняка там и набрался до поросычьего визга, но с Барни он справится. Тем более, рядом не будет Фиби, и Барни не разозлится. Можно найти женщину и привести к себе, если удастся протащить ее мимо вечно бодрствующего мистера Пула и его бдительноглухой жены... «Вот она, моя жизнь, — с горечью думал Квирк. — Моя беспутная жизнь».

Мэгги принесла вещи, непрерывно бормоча себе под нос. Квирк в очередной раз поинтересовался, как у нее дела, напрочь забыв, что уже спрашивал об этом. Мэгги раздраженно зацокала языком, сказав, что ему нужно, очень нужно пойти домой и проспаться.

В смутных воспоминаниях о сегодняшнем вечере таилось что-то тревожное.

— О какой девушке вы говорили? — спросил Квирк.

— Что? — Мэгги хмуро взглянула на плащ и вручила его Квирку.

«Как же она выразилась?» — Квирк отчаянно рылся в памяти.

— «Вы пришли из-за умершей девушки», — так вы сказали. Кого вы имели в виду?

— Какую-то Фоллс, — пожалала плечами Мэгги.

Квирк уставился на тулью своей шляпы: там темнело жирное пятно. Кристин Фоллс... Снова это имя! Он уже приготовил следующий вопрос, когда за спиной зазвенел капризный голосок:

— И куда ты собрался?

Черт подери, Фиби!

— Домой.

— Сбежишь и оставишь меня с этим сбродом? Даже не мечтай!

С бесцветных губ Мэгги слетело что-то похожее на хихиканье. Фиби покачала головой, якобы возмущенная желанием Квирка ее оставить, сдернула с балясины платок, накинула на плечи и схватила Квирка за руку.

— Веди меня, старичок!

— А если меня спросят, что сказать? — неожиданно всполошилась Мэгги.

— Скажите, я сбежала с матросом, — заявила девушка.

На улице похолодало, и когда они шагали прочь от дома, Фиби так и льнула к Квирку. Старые, выше уличных фонарей, буки с сухо шуршащей листвой, напоминали призраков. Выпитое за долгий вечер виски быстро теряло волшебную силу, и в душу заползала холодная липкая меланхолия. Фиби тоже скисла, а потом вдруг спросила:

— Из-за чего вы с мамой ссорились?

— Мы не ссорились, — возразил Квирк, — а беседовали. Взрослые ведут себя именно так.

— Правда? Вот так беседа! — захихикала Фиби и сильно сжала его руку. — Ты говорил, что по-прежнему ее любишь и сожалеешь, что женился на тете Делии?

— Деточка, ты читаешь слишком много глупых журналов!

Фиби наклонила голову и засмеялась. Подул ночной ветерок, и Квирк ощутил сильную усталость. День получился тяжелый а, судя по тому, как Фиби за него цепляется, он еще не завершен. «Нельзя столько пить», — строго напомнил себе Квирк, хотя другая часть его души насмешливо захихикала.

— Дедушка любит тебя больше, чем папу, верно? — поинтересовалась Фиби и, не дождавшись ответа, спросила: — Каково расти сиротой?

— Потрясающе!

— Вас били в этом, как его, Коннемара...

— В так называемом ремесленном училище Каррикли. Конечно, били, как же иначе?

Глухие удары плетки по обнаженной плоти, серые отблески зари в высоких

окнах, равнодушно взирающих на очередную сцену мучительных унижений... От других мальчишек рослый Квирк отбивался, но как отбиться от братьев?

— Дедушка тебя спас? — Квирк не ответил, и Фиби дернула его за руку: — Ну же, говори!

— Он был в «совете посетителей», — Квирк пожал плечами. — Я ему приглянулся. Бог знает, почему, но Гаррет забрал меня из Каррикли и отправил в нормальную школу. Они с бабушкой Гриффин по сути усыновили меня.

Шагов десять Фиби молчала, а потом спросила:

— Получается, вы с папой были как братья?

— Об этом ему лучше не напоминать, — слабо усмехнулся Квирк. Они остановились на углу, освещенном уличным фонарем. Ночь выдалась тихая, большие дома за изгородями спали, закрытые на все замки, свет в окнах почти не горел.

— Знаешь, кто твои родители, ну, настоящие? — любопытствовала Фиби.

Квирк снова пожал плечами.

— На свете есть вещи пострашнее сиротства, — после небольшой паузы ответил он.

Сквозь листву буков сочился неяркий свет — взошла луна. Квирк содрогнулся от холода. Столько разных концов, столько ошибок! Краем глаза он заметил какое-то движение, а в следующий миг Фиби жадно и неловко целовала его в губы. Ее дыхание пахло джином и чем-то сладким, вроде карамели. Квирк почувствовал упругую грудь девушки, полоски белья и... оттолкнул ее.

— Ты что творишь?! — вскричал Квирк и стал яростно вытирать рот. Фиби потрясенно на него смотрела и дрожала, словно ее ударили. Она хотела что-то сказать, но жалко скривилась, и, чувствуя, что слезы близко, понеслась к дому. Квирк тоже не стал мешкать и зашагал прочь. Он пыхтел, с трудом переставлял ноги, но при этом спешил — спасался бегством.

Глава 3

Квирк предпочитал приходить в «Макгонагл» около пяти вечера, когда там не было никого, кроме завсегдатаев тощего типа, который вечно просматривал результаты скачек и задумчиво гладил ширинку; поэта, который, снискав негромкую славу, залил ее морем виски, а теперь в матерчатой кепке и залатанных сапогах хмуро смотрел на дно вечно пустого стакана. В такое время можно читать некрологи в «Ивнинг мейл» — «Любимая наша мама несла свой крест одна. А мы ведь даже не знали, как сильно ты больна...» — или слушать скабрезные анекдоты бармена Дэйви, которые он рассказывал хриплым шепотом. Диванчик, обтянутый красным бархатом, навевает мысли о поезде, на нем так здорово сидеть, думать ни о чем, наслаждаться виски, сигаретой и долгими часами безделья.

В один из таких вечеров у столика Квирка кто-то остановился. Подняв голову, Квирк увидел Мэла и почувствовал досаду вперемешку с удивлением.

— Мэл?! Боже, что ты здесь делаешь?

Мэлэки без приглашения сел на низенькую табуретку и указал на стакан Квирка:

— Что это?

— Виски, это называется виски. Готовится на спиртовых заводах из отборного зерна, вызывает опьянение.

Мэл жестом подозвал Дэйви, который со скорбным видом склонился над столиком и проворно втянул серебристую соплю.

— Мне как у него, — Мэл показал на стакан Квирка. — Виски, — добавил он таким тоном, словно просил чашу жертвенной крови.

— Отличный выбор, шеф, — кивнул Дэйви и побрел прочь.

Мэл оглядывал паб, неубедительно изображая заинтересованность. Чувствовалось, что ему неловко. Вообще-то ему всегда было неловко, но в последнее время это проявлялось особенно ярко. Дэйви принес виски, но пока Мэл искал бумажник, Квирк уже расплатился. Мэл осторожно глотнул, стараясь не морщиться, и вдруг увидел на столе «Ивнинг мейл».

— Есть что-нибудь интересное? — спросил он.

— В чем дело, Мэл? — засмеялся Квирк. — Что тебе нужно?

Мэл сложил руки на коленях, словно великовозрастный школьник перед строгим учителем. Далеко не в первый раз Квирк подивился, как этот человек стал одним из самых успешных акушеров страны. Неужели секрет во влиятельном отце?

— Надеюсь, ты ни с кем не говорил о той девушке... — Мэл явно решил взять быка за рога. — Ну, о Кристин Фоллс?

— А что? — переспросил Квирк, ничуть не удивленный таким вопросом.

Мэл теребил брюки на коленях и не сводил глаз с лежащей на столике газеты, только вряд ли ее видел. Вечернее солнце отыскало щелку в затонированных фасадных окнах паба «Макгонагл», и на ковре, неподалеку от Мэла и Квирка, подрагивал яркий ромбик света.

— Она у нас работала, — чуть ли не шепотом проговорил Мэл, коснувшись дужки очков.

— У вас с Сарой?

— Да, какое-то время. Убиралась, помогала Мэгги и так далее, — Мэл сделал

еще один осторожный глоток и аккуратно поставил стакан на круглую пробковую подставку. — Если об этом начнут болтать...

— Об этом?

— Ну, о ее смерти и так далее. Не хочу, чтобы об этом судачили, особенно в больнице. Медсестер ведь хлебом не корми, только дай посплетничать.

Откинувшись на спинку диванчика, Квирк наблюдал за свояком. Расстроенный, взволнованный, Мэлэки сидел на краешке табуретки, вытянув длинную шею, словно демонстрировал ходящий ходуном кадык.

— В чем проблема, Мэл? — резко спросил Квирк. — Ты заявляешься в паб, глушишь виски и просишь никому не рассказывать об умершей девушке... У тебя что, рыльце в пушку?

— Какое еще рыльце? — возмутился Мэл.

— Не знаю, это ты мне скажи. Она у тебя наблюдалась?

Мэл пожал плечами вроде бы беспомощно, но в то же время раздраженно.

— И да, и нет. Я... за ней приглядывал. Ее родители, простые крестьяне, точнее, мелкие фермеры, позвонили мне из деревни. Я послал карету «скорой помощи», но, когда они туда приехали, девушка уже умерла.

— От легочной эмболии, — напомнил Квирк, а Мэл поднял голову и смерил его пристальным взглядом. — Так написано в ее досье.

— Да, верно, — вздохнул Мэл, забарабанил пальцами по столу и снова принялся апатично осматривать паб. — Тебе трудно понять, ты же с трупами работаешь. Когда умирает пациент, особенно молодой, кажется, что ты потерял... не знаю... близкого человека. — Мэл снова впился в Квирка взглядом, в котором читалась мольба, но опять-таки с примесью досады: Мэлэки Гриффин не привык отвечать за свои поступки. — Я ведь не о многом прошу — только не болтать о смерти этой девушки в больнице.

Квирк ответил невозмутимым взглядом — получилась эдакая игра в гляделки, и проиграл в ней Мэл. Квирк не поверил в его рассказ о смерти Кристин Фоллс и почему-то нисколько этому не удивился. С другой стороны, он напрочь забыл об этой девушке, и не заговори Мэл о ней, не вспомнил бы. *В конце концов, она — лишь капля в море трупов, с которыми по долгу службы сталкивался Квирк.*

— Выпей еще! — посоветовал он Мэлу, но тот отказался. Ему пора, жена ждет, их пригласили в гости, нужно переодеться, да еще... Мэл осекся и уставился на свои руки с такой отчаянной безысходностью и болью, что Квирку захотелось потрепать свояка по плечу или помочь ему подняться. Однако Мэл, словно прочтя его мысли, быстро встал и ушел.

Квирк задумался. Если честно, его обстоятельства смерти Кристин Фоллс совершенно не тревожили. Скорее интересовало то, почему они так сильно тревожат Мэла. В общем, из паба далеко не трезвый, но и не пьяный Квирк отправился прямо в больницу, спустился к себе в отделение и открыл шкаф, чтобы еще раз просмотреть досье Кристин Фоллс. Только оно исчезло.

Регистратор Маллиган сидел, откинувшись на спинку стула, и перекусывал. Положив ноги на стол, он читал газету и курил, а кружку с горячим чаем устроил рядом на полу. Читал он «Пипл» за прошлое воскресенье, любопытную статейку об эксцентричном богаче из Бермондси — бог знает, где это — и его *молодом, но ловком протезе, успевшем вытрясти деньги из какого-то старика.* К статье прилагалась фотография девицы — аппетитной блондинки в

микроскопическом платье, из которого едва не вываливалась пышная грудь. Чем-то она напоминала медсестру, на днях отбывшую в Америку. — ту, что неровно дышала к боссу. Едва Маллиган об этом подумал, в больницу влетел босс собственной персоной, как всегда шумный и возбужденный. Р-раз — Маллиган убрал ноги со стола, затушил сигарету и спрятал «Пипл» в ящик стола, а на счет два Квирк уже стоял на пороге и неприязненно его оглядывал.

— Нужна информация о вчерашнем выезде бригады «скорой помощи», — с места в карьер начал Квирк. — Имя умершей Фоллс Кристин, вызов поступил не то из Уиклоу, не то из Уэксфорда, откуда-то из тех краев.

Регистратор — теперь сама деловитость — вытащил из шкафа журнал за текущий месяц и, лизнув кончик пальца, стал листать.

— Фоллс... — повторял он. — Фоллс... Пишется Ф-О-Л-Л-С, верно?

Квирк по-прежнему стоял у двери и смотрел на него холодными, как у трески, глазами.

— Да, — кивнул он, — а имя Кристин. Доставлена мертвой.

— Простите, мистер Квирк. Ни одной Фоллс нет, девушки из провинции — тоже, — сообщил Маллиган.

Квирк кивнул и уже развернулся, чтобы уйти, но регистратор окликнул его: — Подождите, вот она, Кристин Фоллс! — он ткнул в страницу журнала. — Если, конечно, вы эту ищете. Девушка местная, а не из провинции. «Скорая помощь» забрала ее без трех минут два из Стоуни-Баттер, дома номер семнадцать по Краймиа-стрит. Хозяйка там... — Маллиган взгляделся в журнал. — Некая Долорес Моран. — Он поднял глаза, весьма довольный собой — «некая Долорес Моран», так ведь принято говорить? — и с полным основанием ждал похвалы или благодарности за внимание и сообразительность. Разумеется, ждал он напрасно. Квирк взял со стола листок бумаги и карандаш, попросил повторить адрес, а когда записал, случайно увидел на полу кружку с чаем.

— Работа кипит? — язвительно спросил он. Маллиган сконфуженно пожал плечами.

— В такое время дел немного...

Квирк ушел, и Маллиган с шумом захлопнул дверь регистратуры. «Остряк хренов! — пробормотал он. — Интересно, кто эта Кристин Фоллс? Почему босс ей так интересуется? Может, какая-нибудь уродка, с которой он спутался? Ага, сам урод и с уродкой спутался». — Маллиган сел за стол и хотел опять взяться за газету, когда дверь снова распахнулась, и на пороге снова возник Квирк.

— Куда увезли эту Кристин Фоллс? — спросил он.

— Что еще?! — забывшись, рявкнул Маллиган, но секундой позже взял себя в руки и вскочил. — Простите, мистер Квирк! Что вы сказали?

— Куда увезли тело умершей?

— Наверное, в городской морг. — Маллиган сверился с до сих пор лежавшим на столе журналом: — Да, верно, в морг.

— Пожалуйста, выясните, тело по-прежнему там или родственники забрали. Если не забрали, попросите, чтобы его вернули сюда.

Глаза Маллигана стали круглыми, как плоски.

— Но ведь мне... Мне запросы придется заполнять... — пролепетал он, хотя понятия не имел, о каких запросах речь: прежде покойников из морга не возвращали.

Увы, Квирка это не волновало.

— Займитесь этим. Возьмите бланки запросов, и я подпишу. — На пороге он обернулся: — Дел-то прибавляется, да?

Впоследствии Квирк недоумевал, почему после смены он задержал Уилкинса. Вообще-то ответ был очевиден: иудея Синклера он больше ценил как специалиста, но доверял протестанту Уилкинсу. Ни единого вопроса Уилкинс не задал, лишь посмотрел на свои ногти и с наигранной неуверенностью попросил дополнительный выходной на следующей неделе. Он, мол, съездит в Лисмор к недавно овдовевшей матери. Просьба была вполне обоснованной, и Квирк, конечно, согласился, хотя они порядком отставали от графика. Высказав ее, Уилкинс сильно упал в глазах Квирка, который теперь жалел, что не обратился к Синклеру. Язвительный клоун Синклер относился к нему с определенной (но совершенно очевидной) долей презрения и об ответной услуге не попросил бы из гордости. Мол, у шефа очередной заскок, только что с него возьмешь?

Кристин Фоллс раскрыла свои секреты довольно быстро. Тело привезли из морга в шесть, а прежде чем пробило семь, Уилкинс вымыл руки и ушел. «Походка у него стелящаяся, бесшумная», — подумал Квирк. В халате и зеленом клеенчатом фартуке он сидел на высоком табурете у большой раковины из нержавеющей стали, курил и размышлял. На улице еще не стемнело, только в этом зале без окон, всегда напоминавшем ему огромную пустую цистерну, время значения не имело — хоть полдень, хоть полночь. Один из кранов безнадежно тек, а люминесцентная лампа мощного светильника над секционным столом мигала и потрескивала. На залитом слепящим зернистым светом столе лежал труп, некогда бывший Кристин Фоллс. Грудь и живот разрезали, словно арбуз, выставив напоказ блестящие внутренности.

Квирку казалось, мертвые тела ему нравятся больше, чем живые. Можно сказать, он восхищался трупами, этими мягкими, покрытыми восковой кожей, внезапно сломавшимися машинами. Искореженные, разложившиеся, Квирк считал их совершенными и прекрасными, как древние мраморные статуи. Наверное, он мало-помалу становился таким, как они, или даже одним из них. Квирк смотрел на свои руки: мягкие, пористые, податливые, они ничем не отличались от рук трупов, с которыми он работал. Неужели мертвые постепенно уподобляют его себе? Как же его завораживала их безмолвная таинственность! У каждого тела имелся секрет — причина смерти его обладателя, и работа Квирка состояла в том, чтобы этот секрет раскрыть. Признаки смерти Квирк считал не менее важными, чем признаки жизни.

Квирк стряхнул сигарету, и струйка пепла с шипением сползла в раковину. Вскрытие лишь подтвердило то, о чем он и так догадался. И что теперь делать с этой догадкой? Да и вообще откуда уверенность, что ему нужно вмешиваться?

Глава 4

Краймиа-стрит ничем не отличалась от других улиц района — два ряда строений с маленькими окнами, завешанными белым тюлем, и узкими парадными дверями. В таких живут ремесленники. Сгущались сумерки, Квирк шел по улице и беззвучно отсчитывал номера домов. Небо еще радовало спокойной голубизной, лишь на горизонте скопились багряные облака. У дома номер двенадцать мужчина в матерчатой кепке и грязной застиранной безрукавке выгребал навоз из перевернутой телеги и укладывал вдоль обочины. Штанины чуть ниже колен он перевязал желтой бечевкой. «Зачем? — подумал Квирк. — Чтобы крысы по ногам не бегали? Да уж, если вдуматься, жизнь патологоанатома не так плоха». Когда Квирк поравнялся с телегой, возчик снял кепку, чтобы освежить вспотевшую голову, плюнул на дорогу и дружелюбно заметил: «Ниче седня вечерок». Ослик стоял, понурившись, и явно мечтал провалиться сквозь землю. Осел, возчик, и куча дымящегося навоза разбудили смутные, мучительно неуловимые воспоминания, воскресить которые никак не получалось. И так со всем детством — в памяти зияла дыра, точнее, вместо самых событий в ней отпечатались их последствия.

К Долорес Моран пришлось стучаться дважды, в итоге дверь лишь приоткрылась, и на Квирка недружелюбно уставился черный глаз.

— Мисс Моран? Долорес Моран?

— Кто это спрашивает?

— Моя фамилия Квирк. Я по поводу Кристин Фоллс.

— Крисси? А что с ней?

— Мы можем поговорить?

Моран задумалась.

— Подождите, — после небольшой паузы сказала она, захлопнула дверь, но минуту спустя вышла с сумочкой. Моран куталась в лисью накидку, на которой были и треугольная голова несчастного зверька, и черные лапки. Цветастое платье явно предназначалось женщине помоложе, равно как и белые туфли на массивном каблуке. Квирк уловил аромат духов и тяжелый, застоявшийся запах табачного дыма. Болосы Моран красила в золотисто-каштановый и фактически нарисовала себе новый рот, кроваво-красные Губки бантиком. Ее черные глаза пугающе напоминали лисьи — такие же маленькие и блестящие.

— Ну, Квирк, пошли. Хочешь поговорить со мной — угости выпивкой.

Долорес привела его в паб «У Морана» — «Не родственники», — сухо пояснила она — полуразвалившуюся, тесную, темную забегаловку с опилками на полу. Несмотря на тепло, в камине тлели торфяные брикеты, сложенные пирамидой, и от тяжелого запаха у Квирка заслезились глаза. Несколько посетителей — только мужчины — сидели за столиками исключительно поодиночке, сгорбившись над стаканами. Увидев Квирка со спутницей, некоторые проявили слабое подобие интереса. Лысый толстяк бармен кивнул Долли Моран и посмотрел на Квирка, оценивая его хорошо скроенный костюм и дорогую обувь. В пабе «У Морана» доктор больницы Святого Семейства, даже скромный патологоанатом, был белой вороной. Долли Моран попросила джинс с содовой. Они выбрали угловой столик. Низенькие трехногие табуретки казались такими хлипкими, что Квирк с сомнением покачал головой — его вес не

выдерживала и мебель попрочнее. Долли Моран положила накидку на стол — дохлая лиса тут же свернулась кольцом. Едва Квирк поднес зажигалку к сигарете Долли, она коснулась его руки и смерила пристальным слегка удивленным взглядом.

— До дна! — скомандовала Долли, глотнула джин и поочередно промокнула уголки нарисованного рта. Чем-то встревожившись, она нахмурила лоб: — Слушай, а ты не легавый?

Квирк засмеялся.

— Нет! — Она взяла его серебряную зажигалку и взвесила на ладони. — Я сразу подумала, что нет.

— Я доктор, — отозвался Квирк. — Патологоанатом. Занимаюсь...

— Я знаю, чем занимается патологоанатом! — огрызнулась Долли, но потом в ее глазах снова вспыхнуло удивление. — Почему интересуешься Крисси Фоллс?

Квирк обвел пальцем край стакана. Глаза дохлой лисы буравили его блестящим черным взглядом.

— Она у вас жила?

— Кто тебе сказал?

Квирк лишь плечами пожал.

— Вы ведь родились здесь, в этой части Дублина? Табуретка выдержала, но Квирку решительно не годилась: он буквально стекал с нее, и чувствовал себя слишком большим и для нее, и для этого мира. Слишком большим, тяжелым, неловким... Почему-то вспомнилась Делия, его покойная жена Делия.

Теперь смеялась Долли Моран.

— Слушай, а ты точно не детектив? — она допила джин и протянула ему опустевший стакан: — Купи мне еще и объясни, почему интересуешься Крисси.

Квирк повертел в руках ее пустой стакан, глядя на тусклые отблески пламени камина.

— Просто любопытно, вот и интересуюсь, — отозвался он.

— Жаль, твое любопытство проснулось лишь сейчас, — в голосе Долли неожиданно зазвенел лед. — Возможно, Крисси была бы еще жива.

— Я же патологоанатом, — мягко напомнил Квирк, по-прежнему разглядывая ее стакан.

— Да, понятно, с мертвяками работаешь, с ними проще! — Долли скрестила ноги и нетерпеливо спросила: — Купишь мне выпивку или нет?

Когда Квирк принес вторую порцию джина, Долли вытащила еще одну сигарету из серебряного портсигара, который он оставил на столе, прикурила с его зажигалки и выпустила к закопченному потолку сизую струйку дыма.

— Я тебя знаю, — объявила она. Квирк, собравшийся сесть, замер на полпути к табуретке. Глаза Долли и дохлой лисы буравили его одинаковыми блестящими немигающими взглядами. — Я работала у Гриффинов, — пояснила она, насладившись его полным замешательством.

— У судьи Гриффина?

— И у него тоже.

— Когда это было?

— Давно. Сперва у судьи, потом у мистера Мэла и его жены, когда они только вернулись из Америки. Смотрела за ребенком, пока они в новом доме об-

живались.

— За Фиби?

Как же он ее забыл? Эх, наверное, образ Долли Моран утонул в море виски, что совсем неудивительно.

Долли Моран улыбалась, явно вспоминая прошлое.

— Как она сейчас поживает?

— Кто, Фиби? Выросла, на следующий год двадцать исполнится. Уже бой-френда завела.

— Не малышка была, а суцая сорвиголова! Но при этом леди, да, маленькая леди.

Квирк чувствовал себя охотником за крупной дичью, который бредет по саванне, стараясь не дышать. Только на кого именно он охотится, кого выслеживает?

— Там вы познакомились с Кристин Фоллс? — как бы между прочим спросил он. — У Гриффинов?

Не в силах расстаться с воспоминаниями, Долорес ответила не сразу, но когда, наконец, встряхнулась, в голосе снова зазвенел лед.

— Я же сказала Крисси! — рявкнула она. — Почему ты зовешь ее Кристин? Ее никто так не звал. Крисси и точка, а я Долли.

Только Квирка свирепыми взглядами не испугаешь.

— Так это мистер Гриффин... то есть доктор Гриффин, Мэлэки... попросил вас за ней ухаживать?

Долли пожалала плечами и опустила голову: злость сменилась угрюмым безразличием.

— Мне заплатили за уход.

— Доктор Гриффин поддерживает с вами связь?

— Только когда я ему нужна! — презрительно фыркнула Долли и глотнула джин. Квирк почувствовал: шанс уходит, дичь ускользает.

— Я вскрывал ее тело, — объявил он. — Тело Крисси... Я знаю, от чего она умерла. — Долли Моран сжалась в комок, скрестила руки на груди и упорно не смотрела на Квирка. — Мисс Моран... Долли... Объясните, что случилось в тот вечер.

Долли покачала головой, но все-таки рассказала.

— Что-то пошло не так. Началось кровотечение, такое, что простыни насквозь промокли. Я перепугалась и побежала звонить, а до ближайшего телефона не то три, не то четыре улицы. Когда вернулась, дела были плохи.

Квирк протянул руку, словно хотел коснуться ладони Долли, но потом отдернул.

— Вы позвонили доктору Гриффину, и он прислал карету «скорой помощи».

Долли расправила плечи, прижала ладони к бедрам и, выгнув спину, жадно глотнула воздух.

— Было уже поздно, я сразу поняла. Ее увезли в больницу. — Долли покачала головой. — Бедняжка Крисси! Девушка она была неплохая. Хотя, может, так лучше? Что ее ожидало в будущем? А ее ребенка?

Пирамида из торфяных брикетов рухнула, и из-под каминной полки повалил густой дым. Квирк отнес стаканы на барную стойку, а по дороге к столику кашлял, очищая горло от дыма.

— Что стало с ребенком? — спросил Квирк.

Долли Моран его словно не слышала.

— Одна девушка родила так же, без мужа и средств к существованию, — проговорила она, глядя в пустоту. — Ребенка забрали и определили в приют. Девушка выяснила, в какой, каждый день ходила туда и через ограду смотрела на детскую площадку, надеялась узнать своего мальчику. Бедняжка годами так ходила, а потом случайно услышала, что ее ребенка давно увезли в другой город. — Какое-то время Долли сидела молча, потом засуетилась и растянула губы чуть ли не в дружелюбной улыбке. — Вы видите с миссис Гриффин, то есть с миссис Мэл? Как у нее дела? Мне она всегда нравилась, мы с ней хорошо ладили.

— Я был женат на ее сестре, — пояснил Квирк.

— Да, я в курсе, — кивнула Долли.

— Она тоже умерла. В смысле, умерла моя жена Делия, сестра миссис Гриффин. При родах, как и Кристин.

— Крисси.

— Да, Крисси. — Квирк снова протянул руку и на сей раз коснулся Долли — осторожно потрогал ее ладонь. Увядающая кожа оказалась прохладной и сухой. — Долли, кто отец? Кто отец ребенка Крисси?

Долли отдернула ладонь и недовольно осмотрела ее, словно ожидая увидеть следы его пальцев, вмятины. Она огляделась по сторонам, прищурилась, быстро собрала свои вещи и поднялась. Неужели забыла, о чем они только что разговаривали?

— Мне пора, — объявила Долли.

Небо потемнело, лишь на западном горизонте осталась малиновая полоса, которую они видели в конце каждой улицы. Ночь выдалась по-осеннему прохладной, и Долли Моран, одетая в летнее платье, зябко куталась в лисью накидку. Она взяла Квирка под руку и чуть ли не льнула к нему, пытаясь согреться. Когда-то она была молодой — подумав об этом, Квирк вспомнил гибкое тело Фиби, прижавшееся к нему на Стивенс-грин.

Парадная дверь дома номер двенадцать оказалась открытой, за ней тянулся узкий, ярко освещенный коридор, заваленный рваными газетами. Мужчина в рубашке с коротким рукавом перекладывал выгруженный на асфальт навоз в тачку. Квирк смотрел на залитый светом вход, газеты на полу, мужчину, сгребającego навоз вилами, и в душе снова зашевелились отголоски потерянных воспоминаний.

— У меня все записано, — проговорила Долли Моран. На улице сильно пахло навозом, но Квирк ощущал аромат джина в ее дыхании. — Ну, о Крисси. Что-то вроде дневника, он у меня в надежном месте. В случае чего найду, куда его отправить, — мрачно заявила Долли, и Квирк почувствовал, что она дрожит. — Если это кого-нибудь заинтересует, — быстро добавила она.

У двери своего дома Долли, близоруко щурясь, долго искала в сумочке ключ и внезапно показалась Квирку настоящей старухой. Он вручил ей визитку.

— Вот мой рабочий телефон, — ткнул пальцем Квирк. — А это домашний. Вдруг пригодится, — улыбнулся он.

Долли наклонила картонный прямоугольник так, чтобы на него падал свет уличного фонаря, и ее черные глаза заблестели, одновременно потускнев.

— «Консультант-патологоанатом», — прочла она вслух. — А ты неплохо преуспел. — Долли открыла дверь и переступила порог, только Квирк с ней

еще не закончил.

— Долли, вы принимали роды Крисси?

Свет она не включила, и во мраке Квирк едва видел ее силуэт.

— Мне это не впервой! — фыркнула Долли. — У Крисси родилась девочка.

Квирк шагнул к ней, но застыл на пороге, словно врезавшись в невидимый барьер. Долли Моран стояла к нему спиной, свет по-прежнему не включала и не желала оборачиваться.

— Что с ней стало?

Когда Долли заговорила, в ее голосе снова зазвенел лед.

— Забудь этого ребенка! — В темной передней требование прозвучало таинственно, даже жутковато.

— А отец девочки?

— И его забудь. Пожалуй, даже в первую очередь.

Долли решительно захлопнула дверь. Квирк отступил на крыльцо и услышал скрежет ключа, потом скрип засова.

Утром Квирк заглянул в регистратуру и велел Маллигану написать в журнале, что «скорая помощь» забрала Кристин Фоллс не из Стоуни-Баттер, а из родительского дома. Маллиган сперва упирался: — «Мистер Квирк, так же не принято!» — но Квирк оказался настойчив. «В журнале должен быть порядок, — парировал он. К чему нам неточности? Грянет проверка — стыда не оберешься!» Регистратор покорно кивнул. Он знал и знал, что знает Квирк: хм, неточности случались и раньше, иногда приходилось тайком переписывать целые страницы. Поэтому Маллиган взял лезвие, тонкое перо и под пристальным взглядом Квирка внес нужные изменения. В новом варианте запись гласила:

Двадцать седьмого августа в 1:37 карета «скорой помощи» забрала Кристин Фоллс из дома номер тридцать семь по Финнанс-террас в Уэксфорде и повезла в дублинскую больницу Святого Семейства. Больная доставлена мертвой. Диагноз — легочная эмболия.

Глава 5

Воскресные утра Квирк считал маленькой компенсацией за детские страдания. В Каррикли и позднее, когда Гаррет отправил их с Мэлом в школу-интернат Святого Эйдана, воскресные утра казались пыткой, не такой, как будни, а совсем другой, пожалуй, даже страшнее. В будни всегда находились занятия — работа, уроки, школьные дела, а воскресенья убивали скукой. Молитвы, месса, нескончаемая проповедь, потом унылый день до вечерней молитвы по четкам, еще одной проповеди и благословения, потом в спальнях гасили свет, и подкрадывалось безрадостное утро понедельника. Сейчас воскресенья наполняли другие занятия, которые Квирк придумывал сам, менял или пропускал по своему усмотрению. Постоянным было лишь одно — покупка воскресных газет у горбатого торговца на мосту Хьюбенд. Если позволяла погода, Квирк усаживался с газетами на старую чугунную скамью у реки, курил и читал, точнее, пробежал глазами строчки, не слишком задумываясь о вчерашних новостях.

Приближение Сары Квирк почувствовал раньше, чем увидел ее на бечевнике. Длинное пальто, шляпа с пером в стиле Робина Гуда, прижатая к груди сумочка — Сара шла, не поднимая головы: во-первых, чтобы не залезть в оставленные вчерашним ливнем лужи, но в основном, чтобы не смотреть в удивленные глаза Квирка. Сара знала, где его искать — что бы ни говорил Квирк, он раб привычек — но уже сожалела о своей затее. Наконец перехватив ее взгляд, Квирк тотчас угадал настроение Сары и навстречу не поднялся — так и сидел с раскрытыми газетами на коленях и наблюдал за ней с лукавой, чуть презрительной улыбкой.

— Что привело тебя сюда из спокойного и безопасного Ратгара?

— Я была на мессе в церкви на Хаддингтон-роуд. Порой хожу туда по воскресеньям чисто... — Сара одновременно вздрогнула, улыбнулась и пожалала плечами, — чисто для разнообразия.

Квирк кивнул, сложил газеты и встал. «Он такой высокий, сильный!» — как всегда подивилась Сара, почувствовала себя на пару дюймов ниже и невольно отстранилась.

— Можно с тобой прогуляться? — Квирк изображал мальчишескую неуверенность, якобы заранее ожидая отказа. «Наивно любить его и не ждать никакой реакции», — подумала Сара.

Они прошли по бечевнику обратно мимо высокой сухой осоки. Воскресенье стало первым по-настоящему осенним днем, небо застилала жемчужная дымка, которая отражалась в воде и делала ее молочно-белой. Затянувшееся молчание прервал Квирк.

— Прости, что испортил вам тот вечер. Мне так стыдно!

— Ну, что было, то прошло. К тому же ты слишком много выпил. Я давно поняла: когда ты осыпаешь меня нежностями и комплиментами, значит, перепил.

— Я извинялся не за это, а за то, что водил Фиби в паб.

— Да уж! — нервно засмеялась Сара. — Мэл жутко разозлился на вас обоих, особенно на тебя.

— Я ей выпивку купил, — раздраженно вздохнув, проговорил Квирк, — а не склонял к проституции! — Пристыженная Сара затихла, но Квирк уже сменил

гнев на милость. — Давно ты стала такой набожной? С каких пор на мессу ходишь?

— Наверное, это от отчаяния. В отчаянии люди всегда обращаются к богу, разве не так?

Вместо ответа Квирк повернулся к Саре и перехватил ее взгляд. Казалось, они стоят у тайной двери. Сара приоткрыла ее и посмотрела на него, гадая, решится ли он войти вместе с ней в темную пещеру. Квирк не решился: в некоторые пещеры входить не стоит. Два лебедя плыли вдоль берега и быстро нагнали их с Сарой, гордо держа головы в черных масках.

— Этот ее парень, Конор Каррингтон... У Фиби с ним серьезно?

— Надеюсь, что нет.

— А вдруг серьезно?

— Боже, Квирк, разве в девятнадцать серьезные отношения бывают?

— У нас были! — парировал он так убежденно, что Сара вздрогнула, но тут же опустила глаза. Она знала: Квирк играет, притворяется, Притворяться он умел очень убедительно, порой даже для самого себя.

— Пожалуйста, не надо!

— Что не надо?

— Сам прекрасно понимаешь!

Лебеди так и плыли параллельно Саре и Квирку. Вдруг одна птица издала негромкий, но пронзительный клич, такой жалобный, что Саре почудилось, будто это ее голос. По воскресеньям лесопилка на другом берегу не работала, но аромат смолы все равно ощущался. Под мостом они остановились и стали смотреть на воду. Удивительно, но лебеди дальше не плыли — застыли неподалеку от берега.

— Мой отец очень болен, — проговорила Сара. — Я хотела заплатить священнику с Хаддингтон-роуд, чтобы отслужил по нему мессу. — Квирк хохотнул, и Сара смерила его серьезным взглядом. — Слушай, ты, правда, не веришь в бога?

— Я верю в дьявола. Это единственное, чему я научился в Каррикли.

Сара кивнула, понимая, что Квирк снова притворяется.

— Каррикли... — задумчиво повторила она. — Ты часто о нем рассказываешь и всегда в одном тоне.

— Такое место не забудешь.

Сара накрыла его ладонь своей, но Квирк не отреагировал, и она отдернула руку. «А вдруг он впрямь притворяется и играет? — мелькнуло в мыслях Сары. — Он, конечно, настрадался, только ведь это дело прошлое».

— Я здесь не случайно, — начала она. — Хотя, думаю, ты сам догадался. Актриса из меня никудышная, зато ты, к счастью, верен своим привычкам. — Сара сделала паузу, чтобы собраться с мыслями, — Квирк, я прошу тебя поговорить с Мэлом.

— О чем? — спросил он, насупившись.

Сара подошла к воде. К ней тут же подплыли лебеди, «написав» на безмятежной глади реки красивую букву «V». «Ждут, что хлебом покормлю, — подумала Сара. — Даже неудивительно: от меня все чего-то ждут».

— Хочу, чтобы вы с Мэлом перестали ссориться и... объявили перемирие, — Сара смущенно засмеялась: фраза вышла напыщенной и помпезной.

Квирк так и буравил ее взглядом, но хмуриться перестал.

— Это Мэл прислал тебя сюда? — подозрительно спросил он.

Теперь удивилась Сара.

— Разумеется, нет. С какой стати?

Только Квирк был непреклонен.

— Передай своему мужу, — начал он с ледяным спокойствием, — я сделал для него все, что мог.

Лебеди, точно магнитом прикрепленные к своим отражениям, медленно поворачивались из стороны в сторону и теряли терпение. Раз ничего съестного не принесла, зачем эта женщина в малиновом пальто и шляпе с пером стоит у воды? Только Саре было не до лебедей. Она смотрела на Квирка, совершенно не понимала, о чем он говорит, но чувствовала, что и не должна понимать. Что же Квирк сделал для Мэла? Он оказал Мэлэки услугу? Уму непостижимо!

— Квирк, я очень тебя прошу... Умоляю... — «Господи, как унижаться приходится!» — потрясенно думала Сара. — Поговори с ним!

— Тогда сделай милость, объясни, о чем?

— О чем угодно, о Фиби, например. Хочешь, верь, хочешь, нет, но Мэл к тебе прислушивается.

Лебедь снова издал пронзительный клич, на сей раз явно выражая Саре свое недовольство.

— Наверное, это самка, — вслух предположил Квирк и, заметив, как нахмурилась сбитая с толку Сара, показал на лебедей. — Говорят, они на всю жизнь спариваются. Думаю, кричит самка, — Квирк криво улыбнулся. — Хотя, возможно, и самец.

Сара пожалала плечами: какая, мол, разница.

— Ему сейчас очень нелегко, — сказала она.

— Из-за чего это?

По голосу чувствовалось: Квирку скучно. Терпение, мягкость, милосердие, никогда не входили в небольшое число его добродетелей.

— Мэл мне не доверяет — призналась Сара. — Уже довольно давно.

Она снова приоткрыла невидимую дверь в темную пещеру, и Квирк снова отказался войти.

— Думаешь, мне доверится? — нарочито резко спросил он.

— Мэл — хороший человек, Квирк, — Сара умоляюще протянула к нему руки. — Пожалуйста, ему нужно выговориться!

Квирк поднял широкие плечи и резко опустил. Когда он так делал, казалось, его торс состоит не из плоти и костей, а вырезан или вытесан из материала гораздо плотнее.

— Хорошо, Сара! — голос Квирка пропитали раздражение и усталость. Лебедям наконец надоело ждать, и они, презрительные и грациозные, поплыли прочь. — Хорошо. — Голос Квирка стал еще раздраженнее. — Хорошо.

Квирк пригласил Мэла на ленч в «Джаммет». Он прекрасно понимал, что ресторан выбрал, желая хоть слегка повредничать. Роскошь Мэл любил, а вот к изысканным блюдам особой тяги не испытывал, да и среди обшарпанного великолепия ресторана чувствовал себя неудобно. Он ерзал на неудобном стуле, узком и высоком, как его тело. Длинная шея торчала из расстегнутого ворота белой рубашки, пальцы — Квирк всегда подозревал, что у убийц именно такие, тонкие и красивые — впились в край стола, словно Мэл мог в любую се-

кунду вскочить и броситься вон. Явился он в обычном полосатом костюме с галстуком. Несмотря на элегантность, костюм Мэла не красил. Казалось, его в спешке одевал кто-то другой — Мэл смахивал на сорванца, наряженного матерью на конференцию. К столику подлетел подобострастный метрдотель и предложил мсье Квирку и его гостю аперитив. Мэл тяжело вздохнул и взглянул на часы. Квирку нравилось видеть свояка, фактически, брата во взвинченном состоянии. Это было частью мести, компенсации за преимущества, которыми тот обладал. Если бы его попросили перечислить эти преимущества, Квирк не назвал бы ни одного, за исключением очевидного, то есть Сары.

Квирк заказал дорогой кларет и устроил целый спектакль — крутил его в стакане, вдыхал аромат, смаковал и одобрительно кивал сомелье, а Мэл, кипя от раздражения, отвернулся. Сам он вино даже не попробовал, заявив, что во второй половине дня у него прием. «Отлично! — рявкнул Квирк. — Мне больше достанется!» Пожилой официант в блестящем черном фраке обращался к ним с приторной торжественностью распорядителя на похоронах. Квирк выбрал заливного лосося и жареную куропатку, а Мэл — куриный суп и омлет. «Ради бога, Мэл!» — процедил Квирк.

Разговор совершенно не клеился. Посетителей было раз, два и обчелся, поэтому любое произнесенное нормальным голосом слово слышалось на другом конце обеденного зала. Говорить пытались о больнице. Квирк с трудом сдерживался, чтобы не зевнуть. Восхищала и страшно раздражала поглощенность Мэла (вполне возможно, притворная) повседневной жизнью больницы Святого Семейства и тонкостями ее управления. У самого Квирка одно название больницы, казавшееся ему слишком пафосным, ничего, кроме отвращения, не вызывало. Он слушал, как Мэл разглагольствует о «финансовом положении больницы» и спрашивал себя, не стоит ли относиться к жизни серьезнее. Впрочем, Квирк понимал: этим вопросом он себе льстит, я, мол, не зануда, как Мэл. Своюка он давно считал загадкой, но не такой, которую хочется разгадать. Мэлэки для него был живым сфинксом, огромным, непоколебимым и нелепым в своей неестественности.

А вот как относиться к истории Кристин Фоллс? Дело ведь не в профессиональной халатности: халатным Мэла не назовешь, тогда в чем? Если бы речь шла о любом другом мужчине, у Квирка не возникло бы сомнений. Девушки вроде Крисси Фоллс — ловушки для неосторожных мужчин, только Мэл — воплощение осторожности. Впрочем, сейчас, наблюдая, как он привередливо, микроскопическими порциями хлебает суп — руки Мэла изяществу вопреки казались медленными и неловкими, хотя в родильной палате ходили легенды о том, с какой скоростью он хватается за щипцы — Квирк подумал, что все эти годы недооценивал свояка или, точнее сказать, переоценивал. Что скрывает худое скуластое лицо, особенно бледно-голубые глаза навывкате? Какие черные желания в них таятся? Стоило об этом подумать, в душе проснулась гадливость: не станет он размышлять о тайных пристрастиях Мэлэки! Девушка умерла при родах, и Мэл спрятал ужасные подробности — наверняка этим все и ограничилось. Такое случается и, похоже, чаще, чем ему кажется. Вспомнилось, как Сара стояла у воды и смотрела на лебедей невидящими, полными тревоги глазами. «Ему сейчас нелегко»... Нелегко из-за Кристин Фоллс? Если так, значит, Саре о ней известно? Что именно известно Саре? Квирк решил, что поступил правильно: в журнале регистрации теперь порядок, а трус Мал-

лиган рта не раскроет. Девушка мертва — о чем еще беспокоиться? Кроме того, у него теперь есть преимущество над занудой Мэлом. Вряд ли он им воспользуется, но ведь главное — иметь, пусть даже при мысли об этом преимуществе становится совестно.

Лосось оказался пресным и немного склизким, а куропатка, наоборот, сухой. Молодая полная женщина за соседним столиком восхищенно смотрела на Мэлэки и что-то говорила своей спутнице. «Наверняка очередная пациентка, побывавшая в опытных руках доброго доктора Гриффина», — подумал Квирк, спрятав улыбку и, не давая себе времени передумать, сказал:

— Вообще-то я здесь по просьбе Сары.

Мэл, вещавший о бюджете больницы на следующий год, осекся и застыл, уставившись на последний кусочек омлета. Голову он склонил набок так, словно плохо слышал или в ухо попала вода.

— Что? — без всякого выражения выдавил он.

Квирк сунул в рот сигарету, поэтому отвечать пришлось уголком рта.

— Сара попросила меня с тобой поговорить. — Он выпустил к потолку колечко дыма, неожиданно получившееся идеальным. — Если честно, я здесь только ради нее.

Мэл медленно и аккуратно отложил столовые приборы и прижал ладони плашмя к столу, будто собирался вскочить.

— Прежде ты Саре отказывал!

Квирк вздохнул: соперничество продолжалось с самого детства — он якобы развеселый, а на самом деле раздосадованный против мрачноватого зануды Мэла.

— Сара считает, у тебя проблемы, — коротко пояснил Квирк, нервно крутя сигарету.

— Она так сказала? — с неподдельным интересом спросил Мэл.

— В общем, да, только другими словами. — Квирк раздраженно вздохнул, подался вперед и для пущевого эффекта понизил голос: — Скажу тебе кое-что. Речь о той девушке, Кристин Фоллс... Я забрал ее тело из морга и сделал вскрытие.

Мэл беззвучно выдохнул — со стороны казалось, большой воздушный шар проткнули крошечной булавкой. Молодая пышка за соседним столом опять на него взглянула и тут же перестала жевать: так сильно ее испугало лицо доктора Гриффина.

— Зачем ты это сделал? — тихо спросил Мэл.

— Затем что ты мне соврал, — ответил Квирк. — Кристин жила не в деревне, а в Стоуни-Баттер у Долли Моран. И умерла она не от легочной эмболии. — Квирк покачал головой и едва не засмеялся. — Подумать только, легочная эмболия! Неужели трудно было придумать что-то более убедительное, а Мэл?

Мэлэки медленно кивнул и, перехватив взгляд молодой пышки, растянул губы в слабейшей улыбке, которая, по мнению Квирка, больше подходила гробовщику, чем человеку, помогающему детям появиться на свет.

— Ты никому об этом не обмолвился? — Мэл едва шевелил губами и смотрел не на Квирка, а в глубь обеденного зала.

— Еще раз повторю: зла я тебе не желаю и не забыл, что однажды ты оказал мне услугу и сохранил все в тайне.

«Похоронный» официант собрал грязную посуду. Он предложил кофе, но

ни Мэл, ни Квирк не отреагировали. Мэл боком сидел на узком стульчике и, скрестив ноги, барабанил пальцами по столу.

— Расскажи мне про ту девушку, — попросил Квирк.

— Рассказывать особо нечего, — пожал плечами Мэл. — Кристин гуляла с каким-то парнем и... — Мэл поднял руку и резко опустил. — Дальше сам знаешь. Разумеется, нам пришлось ее уволить. «Нам» царапнуло Квирку слух, но он ничего не сказал. — Я заплатил этой Моран, чтобы за ней ухаживала. Потом среди ночи раздался звонок, я послал туда карету «скорой помощи», но было уже поздно.

Квирку показалось, между ними на стол упало что-то вялое и безжизненное, как рука Мэла.

— А что с ребенком стало? — спросил Квирк. Мэл лишь головой покачал, и воцарилась тишина. — В ту ночь ты не подделывал досье Кристин Фоллс, — с неожиданной уверенностью проговорил он. — Ты заполнял его! А потом, когда я пристал с расспросами, вынес из отделения и уничтожил.

Мэл вытянул ноги и с негромким, усталым ропотом повернулся к столу.

— Слушай... — начал он, осекся и вздохнул, словно объясняя очевиднейшие вещи. — Я для семьи постарался.

— Для чьей семьи?

— Для семьи Кристин Фоллс. Бедняги дочь потеряли. Зачем им знать о ребенке?

— А как насчет отца? — спросил Квирк и встретил недоуменный взгляд Мэлаки. — Отца ребенка, бойфренда Кристин.

Мэл посмотрел направо, потом налево, на одну сторону столика, потом на другую, словно имя тайного соблазнителя Кристин было написано где-то здесь, у всех на виду.

— Это молодой парень... — он снова замялся. — Мы даже имени его не знали.

— Почему я должен тебе верить?

— Почему меня должно волновать, веришь ты мне или нет? — недобро засмеялся Мэл.

— А ребенок?

— А что с ней?

Квирк буквально впился в Мэла взглядом.

— С ней? — тихо переспросил он. — Мэл, откуда ты знаешь, что это девочка?

Мэл демонстративно отвел взгляд.

— Где она?

— Нигде. Она родилась мертвой.

Обескураженный и сбитый с толку, Квирк допил остатки кларета и попросил счет. От вина гудела голова.

Нассау-стрит встретила его неярким солнцем и мягким теплом. Желудок Квирка судорожно сжался, явно помятуя лососину. Мэл застегивал пальто. Судя по отсутствующему виду, мыслями он был уже в больнице — надевал стетоскоп и подстегивал ленивых студентов. Квирк снова почувствовал досаду.

— Кстати, у Долли Моран все записано. То есть про Кристин Фоллс, ее ребенка, отца ребенка и бог знает кого еще.

Мимо проехал автобус, слегка покачиваясь из стороны в сторону. Мэл за-

мер, его пальцы застыли на последней пуговице пальто.

— Откуда знаешь? — спросил он так, словно новость особо его не заинтересовала.

« — Со слов Долли, — ответил Квирк. — Я был у нее, и она мне сказала. Видимо, она вела дневник, или что-то подобное. Вроде бы не в ее стиле, и вот, пожалуйста.

— Ясно, — медленно кивнул Мэл. — И что она хочет сделать с этим своим дневником?

— Долли не сказала.

По-прежнему задумчивый Мэл по-прежнему кивал.

— Что же, успехов ей!

Они расстались. Квирк зашагал к Доусон-стрит, потом свернул к Сент-Стивенсгрин, наслаждаясь нежарким, ласкающим лицо солнцем. Его тоже ждала работа, но он решил прогуляться, чтобы проветрить голову. Снова и снова вспоминался разговор с Мэлом, казавшийся теперь чуть ли ни смешным: похоже, так действовал кларет. Обрюхатить старина Мэл ту девушку, вот был бы номер! У Квирка такие проколы тоже случались, а однажды он даже воспользовался услугами университетского приятеля, работавшего в лондонской клинике с сомнительной репутацией. В общем, после той скверной истории девушка с Квирком больше не разговаривала. Однако он сомневался, что Мэл наступил на те же грабли. Неужели вслед за Квирком, жалеющим об этом день и ночь, он совершил ошибку, которой избежал бы любой первокурсник медицинского факультета? Тем не менее пугающий факт оставался фактом: Мэл подделал досье девушки, умершей при родах. Что значат для Мэла близкие Кристин Фоллс, раз он пошел на такой риск, чтобы спасти их от позора, о котором никто посторонний бы не узнал? Он уничтожил настоящее свидетельство о смерти? Или его вообще не существовало? Нет, Мэл явно спасал свою шкуру... Кристин Фоллс скорее всего была его пациенткой — не любовницей же! — и ошибку он совершил врачебную, усердию и осторожности вопреки.

В конце Доусон-стрит Квирк перешел доршу и через задние ворота попал в парк. Ароматы листьев, травы и влажной земли напомнили о жене: она давно мертва, но ее образ ничуть не потускнел. Даже странно... Неужели он любил ее больше, чем осознавал? Неужели любил настоящую, неповторимую Делию, а не то, что она для него значила? Квирк нахмурился: в полном смятении, он не понимал, в чем тут смысл, но смысл наверняка был.

Он снова заглянет к Долли Моран, снова спросит, что стало с ребенком, и на сей раз выбьет из нее правду. У ворот университета Квирк сбавил шаг. Из здания вышла Фиби со стайкой подруг. Пальто она расстегнула, словно демонстрируя стройные ноги в гольфах и туфлях без каблука и клетчатую юбку, застегнутую на боку декоративной булавкой, а блестящие волосы цвета воронова крыла — от матери достались — убрала в хвост. Не заметив Квирка, она улыбнулась подругам, уже без них свернула за угол и перебежала через дорогу. Голова опущена, учебники прижаты к груди — Квирк собрался ее окликнуть, но тут высокий худой парень в темном костюме и пальто Кромби шагнул ей навстречу. Фиби эдакой кошечкой-скромницей прильнула щекой к его плечу. Молодые люди взялись за руки и зашагали к Хэтч-стрит, а Квирк, понаблюдав за ними с минуту, двинулся в обратном направлении.

Глава 6

Кто они, Долли Моран поняла сразу. Она их уже встречала, слышала, что о них говорят соседи, и догадывалась, чем они занимаются. Однако сейчас, сама не зная почему, Долли чувствовала: сегодня они пришли из-за нее, из-за нее стоят на углу, делая вид, что просто убивают время. Неужели темноты дожидаются? Долли заметила их, когда собралась за молоком и вечерними газетами — уже надела шляпу и пальто, но, увидев их, застыла на лестнице, как вкопанная. Первый — тощий брюнет с сальными патлами, растущими на лбу мыском, странным ярко-красным румянцем и крупным крючковатым носом. Второй — толстяк с грудью колесом, огромным животом, круглой, как футбольный мяч, головой и жесткими волосами до плеч, заплетенными в тонкие косички. Долли сильнее пугал тощий. Они демонстративно не смотрели в ее сторону, хотя на улице больше не было ни души. Долли словно примерзла к крыльцу, держа дверь полуоткрытой. Что теперь делать? Запереться в доме или пройти мимо них, не удостоив взглядом, она, мол, не боится? Только Долли боялась, очень боялась. Лучше вернуться в дом — она с поразительной четкостью представила, как переступает порог, как запирает дверь — и ждать их ухода.

Их появлению Долли не удивилась. Испугалась — это да, причем сильно, но не удивилась, особенно после того, как к ней снова постучался Квирк, который пытался выяснить, что стало с ребенком Крисси. Долли его непустила, подумав, что он пьян, и разговаривала с ним через почтовый ящик. Разве теперь она сможет посмотреть ему в глаза? Тогда, в пабе, лесть и джин сделали свое дело, и она наболтала лишнего и о Крисси, и об остальном. Сегодня Долли на вопросы отвечать не желала, и Квирк разозлился. Он решил, что ребенок Крисси умер, и хотел узнать, где его похоронили. Долли не сказала ни слова — она стояла у двери, прижимала ко рту палец и, зажмурившись, безостановочно качала головой. Те двое уже были на углу? Они видели Квирка? Слышали, что он спрашивал про ребенка? Под конец Квирк сорвался на крик, поэтому услышать не составило бы труда. Ничего не добившись, Квирк ушел, а Долли через какое-то время взяла себя в руки и собралась за молоком и газетами. Тогда она и увидела их на углу.

Теперь Долли, все еще в пальто и шляпе, стояла в гостиной второго этажа и, прильнув щекой к оконной створке, смотрела за край шторы на улицу. Они так и скучали на углу. Толстый прикрывал ладонью зажженную спичку, а тощий наклонился, чтобы прикурить от ее огонька. В висках Долли стучал пульс, каждый вдох сопровождала дрожь, унять которую не получалось. Долли спустилась в свою тесную кухоньку, где всегда пахло сыростью и газом, и застыла у покрытого клеенкой стола. Нужно сосредоточиться и что-то придумать. На полочке у плиты притаилась эмалированная жестянка с надписью «Сахар». Долли сняла ее и, подняв крышку, вытащила школьный блокнот в ярко-оранжевой обложке. Скорее в гостиную! Долли сунула блокнот за каминную решетку, а вот спичек не обнаружила. Она снова зажмурилась, но и сомкнутые веки не потушили огненную вспышку злости. Перед глазами возникло бледное лицо Крисси: как она металась на подушках, как звала маму, как истекала кровью, а помочь было некому... Нет, во второй раз она Крисси не подведет!

Почта закрывалась в пять, и Долли знала: нужно торопиться. Конверт нашла лишь старый, из-под документов на тонтину, но решила: сойдет. Клей почти стерся — клапан прилепился лишь лейкопластырем, а адрес она вообще едва написала: от спешки дрожали руки. Однако спешке вопреки Долли панически боялась момента, когда настанет пора открыть дверь и выйти на улицу. Вдруг они до сих пор скучают на углу? А если выбрать другую дорогу — в противоположную сторону, через Арбор-Хилл? Тогда она потратит куда больше времени, не успеет на почту, да и они вполне могут пуститься в погоню.

Долли распахнула дверь и, выбравшись на крыльцо, едва заставила себя посмотреть на угол. Они исчезли! Долли оглядела Крайм-стрит от начала до конца, но заметила лишь старуху Таллон: та приоткрыла дверь и высунула нос на улицу, якобы чтобы узнать погоду. Тихий, спокойный вечер. Так и должно быть: все тихо-спокойно. Старуха Таллон спрятала нос и беззвучно закрыла дверь. Видела она тех двоих на углу? Она же никого и ничего не пропускает! Но даже если и видела, чем поможет? Долли закусила нижнюю губу и стиснула сумку. Следы навоза у двенадцатого дома напомнили о бархатных сумерках, когда она шла здесь под руку с Квирком. Не стоит ли ему позвонить? Он же сам предлагал... На миг в сердце затеплилась надежда. Только... нет, Квирку она позвонит в последнюю очередь.

На почту Долли попала за пять минут до закрытия, но молодой клерк за решетчатой перегородкой уже решил, что работать хватит, и встретил ее недовольным взглядом. Только в Стоуни-Баттер все такие — Долли привыкла к недовольным взглядам и даже к оскорблениям, которые бормочут сквозь зубы, когда проходишь мимо. Ни то ни другое ее совершенно не волновало. Едва конверт упал в ящик, на душе полегчало, как от исповеди, хотя, когда в последний раз исповедовалась, Долли уже не помнила.

Долли решила заглянуть в паб и выпить джин с содовой, всего лишь порцию. В итоге она выпила три сразу, потом еще одну в более спокойном темпе, потом еще одну на посошок. Возвращаясь домой в дымчатом сумраке, Долли гадала, не поспешила ли отправить конверт. Вдруг страшные двое совсем не те самые? А даже если те, вдруг они следили не за ней? В Стоуни-Баттер что только ни случается — и кражи, и драки, иной раз люди с выбитыми зубами среди улицы валяются. Если это все ее домыслы и придумки... Господи, что она наделала?! Может, стоит вернуться на почту и затребовать конверт обратно? Нет, там уже, конечно, закрыто, молодого клерка и след простыл, а все письма достали из ящика и увезли. Джин обжог горло не хуже огня. Вдруг... вдруг письмо уже доставили? «Пусть страдают, — злорадно подумала Долли. — Пусть узнают, каково жить в наших краях!»

Пять порций джина сделали свое дело, и в замочную скважину Долли попала не сразу. В передней гулял сквозняк, тянуло откуда-то из глубины дома. Долли это заметила, но особого значения не придавала. На кухне негромко играло радио — «Инк Споте» пели «Ложь — это грех», но Долли решила, что в спешке забыла его выключить. Она повесила пальто на крючок и прошла в гостиную — там тоже царил непривычный холод. «К зиме надо купить электрокамин, — подумала она. — Такой, в котором горит красный огонек, и кажется, что пылают дрова». Долли опустилась на колени и закладывала дрова в топку, гадая, где же спички, когда услышала их. Обернулась — они стояли у двери на кухню. Все вокруг замедлилось, словно поезд, в котором она ехала, сбавил ско-

рость до минимума. В состоянии шока Долли подмечала любопытнейшие детали: на толстяке свитер ручной вязки, при электрическом свете его волосы отливают рыжим; у тощего нос красный, как с мороза, между перепачканными табаком пальцами зажата не просто сигарета, а самокрутка. Еще она с поразительной четкостью увидела то, что не могла видеть в принципе, — разбитое стекло в двери черного хода — и почувствовала, как в брешь льется прохладный ночной воздух. Зачем же они включили радио? Почему-то сильнее всего пугало именно его пение, фальцеты тех черных ребят. «Добрый вечер!» — любезно проговорил тощий. Сперва Долли ощутила лишь щекотку в низу живота, но потом по ногам хлынул обжигающий поток густой жидкости, и на коврике перед камином расплылось темное пятно.

Такси, древний «форд», отчаянно хрипя, трясся по темным, погруженным в тишину, улицам. К такому Квирку следовало привыкнуть давно — звонок в ночи, поездка по спящему городу, «скорая» на обочине дороги, несколько патрульных машин, крыльцо, на котором маячат крупные мужчины с незапоминающейся внешностью. Один из них, в длинном плаще и мягкой фетровой шляпе, вышел ему навстречу.

— Мистер Квирк, это вы? — с радостью и удивлением спросил он.

Инспектор Хакетт! Настоящий увалень с веселыми внимательными глазами. Это он позвонил среди ночи.

— Здравствуйте, инспектор! — Квирк пожал широкую, как лопата, руку — Мисс Моран здесь? — Он внутренне поморщился: так глупо прозвучал вопрос.

В глазах Хакетта вспыхнул огонек.

— Кто, Долли? — переспросил он. — Да-да, она здесь.

Хакетт провел Квирка в переднюю буквально на цыпочках, чтобы не мешать двум экспертам-криминалистам, снимавшим отпечатки пальцев. Квирк с ними не раз пересекался, хотя имена так и не запомнил. Они кивнули ему, таинственные и чуть самодовольные, как все эксперты, по лицам которых кажется, что они смеются над известной лишь им шуткой. В гостиной царил хаос: стулья опрокинули, диван выпотрошили, ящики вытащили из стола, документы изорвали в клочья и разбросали по полу. Молодой, облаченный в форму полицейский с прыщами, выпуклым кадыком и чуть позеленевшим лицом сторожил кухню. За его спиной царил еще больший беспорядок, особенно вопиющий в безжалостном свете голой лампы. Запах, стоявший на кухне, Квирк знал так хорошо, что едва его почувствовал.

— А вот и ваша мисс Моран! — с легкой иронией воскликнул Хакетт.

Лодыжки Долли стянули чулками, запястья — электрическим проводом. Она лежала на правом боку, намертво прикрепленная к опрокинутому на пол кухонному стулу. Одну руку она как-то ухитрилась высвободить... Поза Долли потрясла Квирка до глубины души. Прижатые к груди колени, вытянутая вперед рука — не человек, а манекен!

— Вы позвонили мне на домашний номер, — начал склонившийся над трупом Квирк. — Вам его в больнице дали?

Хакетт показал прямоугольник из белого картона, который держал на ладони, словно фокусник карту.

— Очевидно, ее вы здесь оставили во время прошлого дружественного визита, — насмешливо предположил он.

Глава 7

Молодая монахиня с лошадиными зубами распахнула дверь и отступила в сторону, жестом пригласив войти. Длинная узкая комната разбудила смутные воспоминания, и на миг Бренда ощутила себя девчонкой, дрожащей на пороге кабинета матери-настоятельницы. Массивный стол из красного дерева, шесть стульев с высокой спинкой, на которых никто никогда не сидел, вешалка без одежды... В нише статуя Богоматери. Размером в три четверти человеческого роста, несчастная в своем бело-синем одеянии, она держала большим и указательным пальцами лилию, символ невинности. В другом конце комнаты под потемневшим от времени портретом какого-то святого мученика стоял антикварный столик, а на нем — лампа, книга записей в кожаном переплете и два телефонных аппарата — зачем два? Молодая монахиня незаметно исчезла, беззвучно притворив дверь за спиной Бренды. Завернутая в одеяло малышка спала, и Бренду окружала тишина. «Что это за деревья? — гадала она, глядя в окно. — Может, они только кажутся незнакомыми? Здесь ведь все такое!»

Дверь, которую Бренда сразу не заметила, распахнулась настежь, будто за ней дул сильный ветер. Вошла монахиня, высокая, не по-женски широкоплечая, с узким, мертвенно-бледным лицом. Черная ряса с шумом колыхалась. Она протянула руки навстречу Бренде и улыбнулась. При этом на ее лице мелькнуло удивление, словно улыбка была на нем редкой гостьей.

— Мисс Раттледж, я сестра Стефания. — Монахиня сжала в ладонях свободную руку Бренды. — Приветствую вас в Бостоне и в приюте Пресвятой Девы Марии!

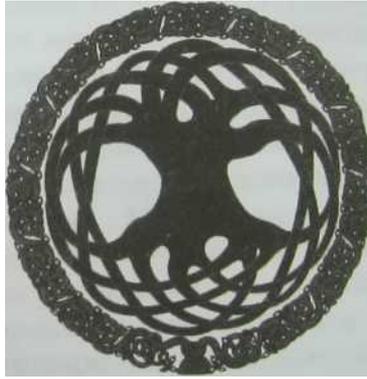
От сестры Стефании, как и от других монахинь, пахло чем-то несвежим, и Бренде вспомнились истории, которыми в приюте потчевали подружки. Мол, монахини никогда не раздеваются догола и даже моются в специальных купальниках.

— Я очень рада, что приехала, — проговорила Бренда и внутренне поморщилась: ну откуда в ее голосе столько смирения?! Она давно не ребенок, нечего бояться настоятельницы! Бренда расправила плечи и смело взглянула в холодное сияющее лицо монахини. — В Бостоне очень красиво. — Последняя фраза прозвучала глупо и неубедительно. Малышка сучила ножками, словно требуя, чтобы ее представили. Вот тебе и характер! Ледяной взгляд монахини скользнул по свертку.

— А это, наверняка, тот ребенок, — проговорила она.

— Да, — ответила Бренда и осторожно отодвинула край одеяла, чтобы показать красное личико с голубыми, постоянно испуганными глазками и крошечным розовым ротиком. — Это маленькая Кристин.

Часть II

Глава 8

«Правильно ли я платье выбрала? — гадала Клэр Стаффорд. — Монахинь ведь не поймешь». Платье было зеленое с белой оторочкой подола и фестончатым вырезом, возможно, слишком обнажающим шею и веснушчатую грудь. Пожалуй, она задрапирует шею зеленым шарфом, а снимать его не станет, и жакет тоже, если позволят. Мнением Энди интересоваться не хотелось: обычно он вообще не замечает, в чем она, но в самый неподходящий момент бац, и ляпнет какую-нибудь глупость, чаще всего, мерзкую. Например, однажды он заявил, что Клэр похожа на шлюху. Такое до самой смерти не забудешь! В ту пору они жили в меблированных комнатах на Скрантон-стрит. Клэр надела джинсы и белые сабо, а алую блузку повязала узлом на талии. Энди тогда только вернулся из долгой поездки в Олбани, злой от жары и усталости. Он прошагал мимо Клэр на крошечную кухню, достал из холодильника пиво и, оглянувшись, процедил: «Милая, ты похожа на десятидолларовую шлюху!» Такие оскорбления Клэр прежде слышала лишь от отца, но заплакать не решилась: Энди разозлился бы еще сильнее. Даже смертельно обиженная, она невольно им любовалась: он стоял у холодильника в ковбойских сапогах, рабочих брюках и испачканной белой толстовке, кожа на сильных руках так и сияла, смоляная прядь упала на лоб. Клэр в жизни не видела парня красивее!

Сегодня Энди надел любимые ковбойские сапоги, темные брюки со стрелкой, к ним — белую рубашку с шерстяным галстуком и пиджак спортивного кроя в светло-коричневую клетку с широкими лацканами. Клэр сказала, что он прекрасно выглядит, а Энди обжег ее хмурым взглядом и заявил, мол, чувствует себя клоуном Бозо[8]. Пока шли по подъездной алее к монастырю, он то и дело поправлял ворот рубашки, поднимал подбородок и вздыхал. Чувствовалось: Энди сейчас молча щурится на осеннее солнце. С каждым их шагом ровный, без выступов, фасад приюта казался все выше. Клэр тоже немного боялась, но вовсе не места: приют Пресвятой Девы Марии она знала, как свои пять пальцев.

Дверь открыла молодая монахиня, представившаяся сестрой Анной. Если бы не лошадиные зубы, она наверняка считалась бы красавицей. Из широкого фойе Анна коридором повела их в кабинет сестры Стефании. Знакомые запахи — мастики для полов, карболового мыла, казенной еды, младенцев — разбудили в душе Клэр целый сонм воспоминаний. Она была здесь счастлива, точнее, не несчастна. Где-то наверху дети нестройным хором пели гимн.

— Вы ведь здесь работали? — любопытствовала сестра Энн. Ее выговор Клэр определила как южно-бостонский. На Энди молодая монахиня почти не смотрела, замороженная, как догадалась Клэр, красотой молодого ковбоя. — Нравится быть домохозяйкой? — вполне добродушно спросила сестра Энн.

— Ну, я очень скучаю по приюту! — засмеялась Клэр.

Едва они с Энди переступили порог кабинетах сестра Стефании оторвалась от стопки документов, которые лежали перед ней на столе. «Занятость изображает! — подумала Клэр, но тут же одернула себя: Зачем думать о человеке плохо»

— Вот ты и пришла, Клэр! И Энди с тобой!

— Доброе утро, сестра! — отозвалась Клэр, а Энди молча кивнул. За его откровенно угрюмым видом скрывалась тревога и неуверенность. На миг Клэр неожиданно для нее самой захлестнула волна ликования: здесь и сейчас главная она, а не он!

Сестра Стефания предложила им сесть. Один стул уже приготовили, и Энди придвинул для себя второй из того же комплекта.

— Вы оба наверняка очень волнуетесь, — начала монахиня. Она сложила руки замком, подалась вперед и ободряюще улыбалась то Клэр, то Энди. — Не каждый день родителем становишься!

Клэр кивнула и заставила себя улыбнуться. Энди закинул ногу на ногу, и стул под ним жалобно застонал. Как же ответить сестре Стефании? Она говорит странные вещи, пожалуй, слишком откровенно. За годы, проведенные в приюте — после того, как мама умерла, а отец сбежал, Клэр сперва работала на кухне, потом в яслях — она так и не прониклась взглядами сестры Стефании, да и других монахинь тоже. В чем их призвание, Клэр не поняла. Однако монахини были к ней очень добры, а она — обязана им всем, то есть всем, кроме Энди. Стройного, темноглазого, с гнусавым выговором, опасного мужа она нашла сама. Запретам совести вопреки, услужливая память воскресила картинку, точнее, его отражение в зеркале, которое Клэр увидела сегодня, когда он одевался. Гладкая, медового цвета спина, мускулистый живот, а еще ниже... Ее муж — само совершенство!

Сестра Стефания открыла папку из коричневого картона, лежавшую перед ней на столе, и надела очки с такими острыми дужками, что Клэр подумала: «Двойной укол себе делает!», но тотчас покраснела: какие странные мысли! Сестра просмотрела документы, то и дело останавливаясь, чтобы прочесть внимательнее, потом подняла голову и впиалась взглядом в Энди.

— Энди, вы ведь понимаете ситуацию? — спросила она медленно и четко, словно обращаясь к ребенку. — Это не удочерение, по крайней мере, не в общепринятом смысле. Клэр подтвердит: у нас в приюте свои правила. Я люблю повторять: Господь — наш единственный законодатель. — Сестра вскинула брови и посмотрела в пространство между Клэр и Энди, словно ожидая восторженной реакции на шутку. Клэр растянула губы в вежливой улыбке, а Энди заерзал, закинув сначала правую ногу на левую, потом левую на правую. С тех пор, как они вошли в этот кабинет, Энди не проронил ни слова. — Еще вы должны знать, что когда настанет пора, вопрос об образовании ребенка будет решать мистер Кроуфорд и его люди. Разумеется, они обратятся к вам за советом, но окончательное решение будет за ними.

— Да, сестра, мы понимаем, — отозвалась Клэр.

— Это очень важно, — произнесла сестра тем же серьезным, неумолимо строгим голосом. Клэр казалось, она слушает не живого человека, а радио или магнитофонную запись. Еще она считала, что у сестры Стефании (выросшей на юге Бостона) британский выговор. По мнению Клэр, именно так говорят англичанки — четко и правильно. — Порой молодые люди забывают, откуда ребенок и кто решает его судьбу.

Повисла напряженная тишина. Со второго этажа снова донеслось детское пение: «Святая благодать любви Господней...» Клэр почувствовала, как мысли начинают роиться, еще немного, и разлетятся по сторонам, как осколки перегоревшей лампы. «Господи, пожалуйста! — беззвучно взмолилась она. — Спаси меня от мигрени!» Клэр велела себе сосредоточиться. Все, о чем говорила сестра Стефания, она уже слышала и искренне считала, что сегодняшняя встреча — лишь формальность: надо же в последний раз обсудить все условия, тогда потом недоразумений не возникнет. Сестра прочла в досье что-то еще и опять взглянула на Энди.

— Тут еще один момент... Ваша работа, Энди. Вы ведь часто бываете в разъездах, причем в длительных?

Энди с опаской посмотрел на монахиню, заговорил было, но сбился и, прочистив горло, начал снова.

— Обычно уезжаю на пару дней, ну, или до границы. Если через Великие озера переправляемся, выходит чуть больше недели.

— Так далеко! — потрясенно воскликнула сестра. Судя по виду, ответ ее расстроил.

— Но я каждый день звоню домой, правда, дорогая? — Энди повернулся к Клэр и впился в нее взглядом, словно запрещаая возражать. Клэр и не думала возражать, хотя со звонками было не совсем так. Как красиво говорит Энди! «Пра-авда, дорога-ая?» — наверное, именно так шепчут ветра на западных равнинах.

Сестра Стефания, видимо, тоже уловила дикую мелодичность ветра в его голосе — теперь она прочистила горло.

— Тем не менее, — проговорила монахиня и не повернулась к Клэр, а, скорее, отвернулась от Энди, — порой тебе бывает трудно. —

— Так ведь теперь легче станет! — не подумав, выпалила Клэр и тут же прикусила язык. Нужно было сказать, что жизнь с Энди — сплошное удовольствие. Только бы потом он ей это не припомнил! — Ну, то есть с ребенком-то веселее, — проблеяла она.

— А вот переедем, Клэр подруг заведет, станет еще веселее! — заверил Энди. Он уже пришел в себя и, растянув губы в кривоватой улыбочке под Джона Уэйна[9], играл в бравого ковбоя. «Сестра Стефания — женщина, — с легкой горечью подумала Клэр, — а из женщин Энди при желании веревки вьет».

— А если вам найти другую работу? — проговорила монахиня, словно рассуждая вслух. — Водители везде нужны. Можно ведь в таксисты перепрофилиться.

Энди тотчас перестал улыбаться и сел прямо.

— Из «Кроуфорд транспорт» я ни ногой, — проговорил он. — Клэр у вас больше не работает, теперь малыш появится — нам... нам нужны деньги. В «Кроуфорд транспорт» платят и за сверхурочные, и за дальние поездки, например, на Великие озера или в Канаду.

Сестра Стефания откинулась на спинку стула, переплела пальцы и посмотрела на Энди, словно определяя, звучит ли в его голосе, искренняя тревога или скрытая угроза.

— Впрочем, — она чуть заметно пожала плечами и снова уткнулась в документы, — я могла бы поговорить с мистером Кроуфордом...

— Да, было бы здорово! — Энди сам чувствовал, что перебил монахиню слишком опрометчиво. Та осадила его гневным взглядом, и он, захлопав ресницами, вжался в кресло. Энди заставил себя успокоиться и снова растянул губы в ковбойской ухмылке. — То есть было бы славно работать поближе к дому, жене и ребенку.

Сестра Стефания все буравила его взглядом. Казалось, накрывшая кабинет тишина скрипит. Клэр вдруг поняла, что все это время сжимала в руке носовой платочек, а сейчас, разжав кулак, увидела влажный комок. Сестра Стефания хлопнула папку и встала.

— Ладно, пойдемте, — проговорила она и вывела Клэр и Энди из кабинета. В конце коридора сестра остановилась и распахнула дверь в длинную узкую комнату с низким потолком и ослепительно белыми стенами, заставленную рядами кроваток. — Вы ведь здесь впервые? — спросила она Энди. — Монахини в белых рясах сновали меж кроваток. Некоторые держали в руках запеленатых малышей, причем не опасно, а с непринужденностью, приходящей лишь с опытом. В улыбке сестры Стефании появились сила и страсть. — Это ясли, сердце приюта Пресвятой Девы Марии, наша радость и наша гордость.

Потрясенный Энди чуть не присвистнул. Они с Клэр словно попали в фантастический фильм, к маленьким инопланетянам на тарелочках. Сестра Стефания выжидающе на него смотрела.

— Столько малышей... — проблеял Энди, на большее его не хватило.

Звонкий смех монахини прозвучал не горестно, а безумно.

— Э-эх, это лишь капля в море детишек, нуждающихся в нашей помощи и защите.

Энди неуверенно кивнул. Обо всех этих потерянных, брошенных, требующих внимания, сжимающих кулачки, сучащих ножками младенцах думать совершенно не хотелось. Монахиня завела их в ясли, и Клэр превратилась в настоящую крольчиху, с волнением озирающуюся по сторонам. «У нее даже ноздри дрожат!» — с отвращением подумал Энди.

— А наша... — начала Клэр, но как закончить, не придумала. Впрочем, сестра Стефания ее поняла.

— На последнем, перед началом новой жизни, медосмотре.

— Хотела спросить, — робко начала Клэр, — если мать...

Сестра Стефания подняла длинную белую ладонь, тише, мол, тише.

— Понимаю, Клэр, ты хочешь узнать о ее прошлом хоть что-то, однако...

— Нет, нет, я только...

— Однако, — неумолимо продолжала монахиня, в голосе которой звенел дед, — существуют правила, и их нужно соблюдать.

Скомканный платочек в кулаке Клэр стал горячим, как вареное яйцо. Она решила настоять.

— Я только хотела спросить... — Клэр судорожно глотнула воздух. — Что сказать ей, когда вырастет?

— Ах, это! — монахиня зажмурилась и пренебрежительно покачала голо-

вой. — Разумеется, когда придет время, ты решишь, стоит ли говорить ей, что вы с Энди не ее биологические родители. А подробности... — Сестра Стефания открыла глаза и почему-то обратилась к Энди. — Поверьте, некоторые вещи лучше не знать. А вот и сестра Ансельм!

К ним приближалась низкорослая коренастая монахиня. С правой стороны ее тела было что-то не так — она двигалась судорожно, волоча ногу, как мать — непослушного ребенка. Широкое лицо казалось мрачным, но не злым. На шее у нее был стетоскоп, на руках — ребенок, туго завернутый в белое хлопковое одеяло. Клэр вздохнула с облегчением и тепло поприветствовала монахиню: как бы ей жилось в приюте, без опеки сестры Ансельм?

— Ну, а теперь самое главное! — с преувеличенной бодростью проговорила сестра Стефания.

Все остановилось, как во время таинства, когда священник подносит прихожанам гостии[10]. Себя Клэр видела будто издалека: вот она протягивает руки и забирает ребенка. Какой он тяжелый и при этом легче пушинки, почти невесомый. Сестра Стефания что-то говорила, а Клэр заглянула в нежно-голубые глаза малышки: они словно смотрели в другой мир. Клэр повернулась к Энди, но не смогла сказать ни слова. Она чувствовала слабость и приятную боль: ей казалось, она действительно стала матерью, действительно родила ребенка.

— Это Кристин, — представила сестра Стефания, — ваша дочь Кристин.

Проводив Стаффорд до парадной двери, сестра Стефания не спеша вернулась в свой кабинет, села за стол и закрыла лицо руками. Она позволила себе маленькую слабость, буквально минуту отдыха. Пристроишь очередного ребенка — накатывает оцепенение, тяжесть. Нет, не грусть и не сожаление: глубоких чувств к этим несчастным созданиям, находившимся под ее опекой считанные дни, монахиня не испытывала, лишь тягостную пустоту, которая потом быстро заполнялась. Именно так: они ее опустошали.

Сестра Ансельм вошла, не удосужившись постучать, добрела до ближайшего к письменному столу окна, вытащила из кармана подрясника пачку «Кэмела» и закурила. Сколько лет пролетело, а из-под облика благочестивой монахини то и дело проступала несчастная Пегги Фаррелл, страх и ужас Самнер-стрит. Ее отец был портовым грузчиком. Микки Фаррелл из ирландского графства Роскоммон пил, избивал жену, а зимней ночью столкнул дочь с лестницы, оставив калекой на всю жизнь. «Надо же, как четко я все это помню! — подумала сестра Стефания. — А ведь зачастую свое имя едва вспоминаю». Она искренне надеялась, что Пегги, то есть сестра Ансельм, явилась не лекции читать, и, решив подстраховаться, сказала:

— Ну вот, сестра, еще одного пристроили!

Сестра Ансельм раздраженно выпустила к потолку сизую струйку дыма.

На родине этой крошки полно таких же.

«Эх, не пронесло!» — с досадой подумала сестра Стефания и демонстративно сосредоточилась на лежащих перед ней документах.

— Значит, хорошо, что праведницы, вроде нас, устраивают их судьбу?

Только от сестры Ансельм так легко не отделаться! Это же Пегги Фаррелл, которая вопреки всем трудностям с отличием закончила медицинскую школу и попала в престижнейшую Массачусетскую больницу, но потом сестра Хаус,

тогдашняя настоятельница, вернула ее в приют.

— Мать-настоятельница, я должна заметить... — начала сестра Ансельм, всегда произносившая титул сестры Стефании с преувеличенным пиететом, то есть насмешливо. — Выходит, современные ирландки глубоко аморальны, раз к нам попадает столько... столько плодов их маленьких неприятностей.

Сестра Стефания приказала себе молчать, но напрасно: Пегги Фаррелл умела ее провоцировать еще в пору, когда они, дочь не слишком успешного адвоката и дочь грузчика, вместе играли на парадном крыльце дома на Самнер-стрит.

— Ну, не все они результаты маленьких неприятностей, как вы изволили выразиться, — возразила она, принципиально не отрывая глаз от документов.

— Тогда, черт подери, материнская смертность там столь же велика, сколь низки моральные принципы незамужних женщин! Иначе откуда все эти ничейные дети?

— Сестра, не нужно так говорить! — спокойно попросила сестра Стефания. — Мне очень не хотелось бы накладывать дисциплинарные взыскания!

Повисла тишина, которую нарушила сестра Ансельм. С недовольным ворчанием она отлепилась от подоконника, затушила сигарету и, сильно хромя, вышла в коридор. Оставшись одна, сестра Стефания заворуженно наблюдала, как из торопливо раздавленного бычка в стеклянной пепельнице змеится бледно-голубой дым.

Глава 9

Квирку нравилось, что в отделении патолого-анатомии царит вечная ночь. Порой казалось, это единственное, что ему нравится в своей работе. Вообще-то Квирк не особенно любил ночь — «Я не извращеннее других патолого-анатомов!» твердил он в пабе, вызывая взрывы хохота. Скорее, его привлекал покой, даже уют отделения, притаившегося почти на два этажа ниже шумной городской улицы. Еще казалось, он посвящен в некое древнее таинство и обладает секретным знанием, которое можно использовать лишь под покровом тьмы.

Вскрытие Долли Моран Квирк поручил Синклеру, сам не зная почему, но уж точно не потому что не мог заставить себя резать тело знакомого. Синклер рассчитывал лишь помогать Квирку, но тот вручил ему скальпель и сказал: «Действуй!» Молодой человек испугался: вдруг это какая-то проверка или ему намеренно приготовили ловушку, чтобы уличить в некомпетентности? Но Квирк ушел в свой кабинет, бормоча, что у него завал с отчетами и прочей канцелярщиной, и Синклер с энтузиазмом взялся за работу. На деле Квирк надменно проигнорировал стопку документов, требовавших его внимания, и целый час просидел, закинув ноги на стол, курил и размышлял. Из секционного зала доносилось насвистывание Синклера, который орудовал пилой и скальпелем.

По причинам, большинство которых анализировать не хотелось, Квирк решил, что убийство Долли Моран с историей Кристин Фоллс не связано. Подозрительно, конечно, что Долли погибла через несколько часов после его второго появления на Краймиа-стрит. Она знала об угрожающей ей опасности? Поэтому не впустила его? Тогда через дверь она выдала Квирку нечто, до сих пор не выходящее у него из головы. Квирк прильнул ухом к почтовому ящи-

ку — плевать ему на бездельников-соседей, подсматривающих из-за тюлевых занавесок! — и потребовал правду о ребенке Кристин Фоллс. «Что с ним стало?!» — вопрошал он с непонятной сейчас злостью, хотя, наверное, свою роль сыграл выпитый в «Джаммете» кларет. «Ничего тебе не скажу! — ответила Долли Моран. "Вдруг она сквозь отверстие в гробу шептала?" — подумал Квирк. — Я и так лишнего наговорила». Что же из сказанного в грязном дымном пабе Долли сочла «лишним»? А когда он корячился у почтового ящика, за ним следили?

«Я влез не в свое дело!» — с горечью подумал Квирк. В знакомом ему мире люди не ломают друг Другу пальцы и не прижигают запястья сигаретами. Его приятелей не забивают до смерти на собственных кухнях. Много ли ему известно о Долли Моран? Лишь то, что она любила джин и много лет назад работала у Гриффинов.

Квирк принялся расхаживать у стола, но в кабинете ему было слишком тесно, впрочем, как и везде. Собственное тело представлялось огромным трагикомическим волчком, неутомным и лишь поэтому сохраняющим равновесие. От малейшего прикосновения такой волчок раскачивается, бьется о мебель, потом останавливается в темном углу. Своего тела Квирк всегда стеснялся. Он с детства был сущим увальнем и невольно раздражал сперва приютских, потом школьных хулиганов, потом качков на танцах и забулдыг в пабах перед закрытием. В серьезных драках он пока не участвовал, а чужую кровь лил только за секционным столом, зато целыми реками.

Увиденное на кухне Долли Моран потрясло Квирка до глубины души. За годы службы он сталкивался с множеством трупов, порой изуродованных еще сильнее, но жуткий, пафосный театр, который устроили у Долли, вызывал злость вперемешку с чем-то вроде жалости. Несчастную привязали к стулу, опрокинутому у кухонного стола; голова Долли оказалась в липкой луже ее собственной крови — если доберется до того, кто это сделал, он... он... Воображение пасовало. Что же он придумает? Он ведь не мститель! «С мертвяками работаешь, — сказала Долли. — С ними проще».

Синклер постучал в стеклянную дверь кабинета и вошел. Квирк ценил его за основательность — «Парень трудится, что твоя пчелка!» — уверял кто-то из уборщиков — и аккуратность — на клеенчатом фартуке и зеленых лабораторных туфлях не было ни пятнышка. Квирк достал из шкафа виски и немного плеснул в стакан. Обычай пить после вскрытия он ввел много лет назад. Сейчас маленькая церемония превратилась в своеобразные поминки.

— Ну что? — спросил Квирк, протягивая Синклеру стакан.

Синклер ждал, что шеф и себе нальет, только Квирку не хотелось поминать Долли, останки которой отлично просматривались сквозь стеклянную дверь: вон они, на столе, еще блестящие от слизи.

— Ничего особенного, — пожал плечами Синклер. — Травма от удара тупым предметом, интрадуральная гематома. Вероятно, убивать ее не собирались — погибшая опрокинула стул и разбила голову о каменный пол. — Синклер посмотрел на виски, которое едва пригубил: его очень смущало воздержание Квирка. — Вы ведь ее знали, да?

Квирк испугался. Разве он говорил Синклеру о встречах с Долли Моран? Что отвечать теперь? Неприятные мысли прервались: у двери кабинета, как раз за спиной Синклера, возникла фигура в непромокаемом пальто и шляпе.

Квирк распахнул дверь — инспектор Хакетт, как всегда в отличном настроении, протиснулся бочком, словно зритель, опоздавший к началу спектакля. Он был таким же мощным, как Квирк, но фута на полтора ниже, и, очевидно, ничуть из-за этого не переживал. Квирк давно привык к уловкам, которые люди среднего роста использовали, оказываясь рядом с ним, — они слегка подавались назад, энергично расправляли плечи, вытягивали шею, а Хакетт словно не знал о них. Инспектор испытующе смотрел на Квирка, точно это он, Хакетт, имел превосходство в росте, точно это он был здоровяком, пусть даже неуклюжим и немного смешным. Рот инспектора напоминал кривоватую полосу, нос — мятую, побитую плесенью картофелину, а бархатные карие глаза — объективы камеры, которая ловит и фиксирует все. Под пристальным взглядом Хакетта Синклер поставил на стол стакан с почти не тронутым виски, пробормотал извинение и ушел. Повернувшись к стеклянной двери, Хакетт наблюдал, как молодой человек пересекает секционный зал, на ходу снимает фартук, ловко накидывает простыню на тело Долли Моран и скрывается за зеленой вращающейся дверью.

— Поручили работу подчиненному? — спросил инспектор, повернувшись к Квирку.

— Ему нужна практика, — ответил Квирк, тщетно разыскивая в ящике стола сигареты. Хакетт вытащил свои. Оба закурили, и Квирк пододвинул пепельницу. Квирку казалось, он начинает шахматный матч, в котором будет и игроком, и фигурой. Непринужденные манеры и тягучий выговор Хакетта его бдительность не усыпляли: он уже видел инспектора в действии.

— Ну, каково заключение? — спросил Хакетт.

Квирк повторил ему то, что слышал от Синклера. Инспектор кивнул и опустился на краешек стола — с его габаритами это было непросто — а шляпу так и не снял. После недолгих колебаний Квирк сел в свое кресло. Хакетт задумчиво смотрел на оставленный Синклером стакан с виски: на самом дне сияла крошечная звездочка ослепительно белого света.

— Хотите выпить? — предложил Квирк.

Инспектор не ответил, зато задал свой вопрос:

— Ее подвергали насилию?

— Насилию? — коротко хохотнув, переспросил Квирк. — Если имеете в виду сексуальное, то нет, не подвергали.

Хакетт смерил его пустым, ничего не выражающим взглядом, и дружеской непринужденности как ни бывало. Казалось, невидимый болт, отвечающий за поддержание комфортной атмосферы, с силой затянули.

— Я имел в виду именно это, — тихо сказал инспектор; смеяться над ним явно не следовало. Свет настольной лампы падал на него сверху и превращал лицо в маску с выступающим подбородком, раздутыми ноздрями и пустыми темными глазницами. Услужливая память Квирка с путающей четкостью воскресила жуткую картинку: на полу лежит женщина, на запястьях следы ожогов, в свете голой лампы кровь вокруг головы кажется почти черной. — Значит, они приходили не развлекаться, — резюмировал Хакетт.

Квирка аж передернуло.

— Неужели вы это предполагали? — раздраженно спросил он. Инспектор пожал плечами. — Что значит «они»? Сколько было убийц?

— Двое. Предвосхищая ваш вопрос, скажу: мы определили это по следам в

саду. Соседи, разумеется, ничего не видели и не слышали. Хотя, готов спорить, старая карга из дома напротив каждый шорох слышит. Впрочем, ясно: в чужие дела никто не лезет. Связывали бедную Долли, наверняка, тоже двое. Предполагаем, что в то время она была в сознании. Если сами не пробовали, поверьте на слово: связать ноги женщине ой, как нелегко! Даже немолодые, вроде Долли, куда сильнее, чем кажутся. — Квирк пытался рассмотреть эмоции, скрытые в плохо освещенном лице-маске, но не смог. — Случайно не знаете, что искали убийцы? — чуть ли не задумчиво поинтересовался Хакетт. — Очевидно, что-то важное: они дом наизнанку вывернули.

Квирк докурил сигарету, и когда Хакетт предложил вторую, взял почти без колебаний. Сизый дым стелился над столом, как ночной туман — над морем, в ушах Квирка звучал голос Долли Моран: «У меня все записано...»

— Понятия не имею, что они искали, — проговорил Квирк, как самому показалось, слишком громко. Лицо Хакетта еще больше уподобилось маске. Над головой, где-то на верхних этажах больницы, раздался грохот. «Вот так дела! — подумал Квирк, на миг забыв о Долли. — Чего только не услышишь!» Хакетт явно принял грохот за сигнал к действию, отлепился от стола, подошел к двери и уставился на накрытый простыней труп Долли Моран. Люминесцентные лампы мощного светильника источали белый свет, похожий на пульсирующий туман.

— Получается, Долли знала ту девушку, как бишь ее... — продолжил разговор Хакетт, словно никакой заминки не было.

— Кристин Фоллс, — подсказал Квирк, чересчур поспешно, как сам тотчас почувствовал.

— Да, верно, — не обернувшись, кивнул Хакетт. — А теперь скажите: вы часто даете визитки друзьям и подругам умерших?

Квирк не знал, что ответить, а отвечать следовало. Свой голос он услышал будто со стороны.

— Меня заинтересовала та умершая, ну, Кристин Фоллс.

Хакетт не обернулся и тогда, он заворуженно смотрел на секционный зал, слово там творилось нечто невероятно интересное.

— Почему? — только и спросил он.

Квирк пожал плечами, хотя отвернувшийся детектив не мог этого видеть.

— Из любопытства. В нашем деле оно не редкость: работаешь с мертвыми и задаешься вопросом: как же они жили. — Объяснение прозвучало фальшиво, только что с этим поделаешь? Хакетт наконец обернулся. «Сказать ему, что ли? Пусть снимет чертову шляпу!» — подумал Квирк.

— От чего же умерла она? — с дружелюбной полуулыбкой поинтересовался Хакетт.

— Кто?

— Та девушка, Кристин Фоллс.

— От легочной эмболии.

— Сколько ей было лет?

— Немного, только эмболия и молодых не щадит.

Хакетт задумчиво рассматривал носки своих ботинок. Плечевые накладки пальто сошлись на спине: он заложил руки в карманы синего, застегнутого на все пуговицы пиджака.

— Ладно, — он взялся за дверную ручку, — мне пора.

Изумленный Квирк вскочил, оттолкнув кресло.

— Вы ведь сообщите мне... Сообщите, если что-то выясните? — спросил он дрожащим от отчаянья голосом.

Детектив снова обернулся, и на его грубом лице расцвела улыбка.

— Мы многое выясним, мистер Квирк! — бодро и радостно пообещал он. — Очень-очень многое. — С той же улыбкой он скользнул за дверь и прикрыл ее за собой быстрее, чем Квирк выбрался из-за стола.

Чуть ли не машинально Квирк взял стакан Синклера и осушил. Затем он подошел к шкафу, вытащил бутылку и налил себе новую порцию. «Мэл Гриффин! — с горечью и досадой подумал он. — Ты никогда не узнаешь, какую услугу я тебе оказал!»

Глава 10

Вообще-то Клэр мечтала о чем-нибудь приличнее верхнего этажа двухквартирного дома на Фултон-стрит, но это, тем не менее, было на порядок лучше всех мест, где они жили после свадьбы — их иначе, чем ночлежками не назовешь. «А самое главное, — повторяла себе Клэр, — дом мой, то есть наш, полностью выплаченный! Мы не должны банку ни цента и можем обустроить его так, как захотим». Дом был серый дощатый с крутой скатной крышей и большим крыльцом с качелями. Им с Энди принадлежали три комнаты на втором этаже, а еще кухонька и ванная. «Какая светлая у нас гостиная! — радовалась Клэр. — А арочное окно в торцевой стене совсем как в алькове церкви, и выходит на старое ореховое дерево, по ветвям которого скачут белки». Помощник мистера Кроуфорда прислал маляров из мастерской в Роксбери, и Клэр позволили выбрать цвета. В итоге гостиная стала солнечно-желтой, кухня, разумеется, белой, а ванная — голубой. Подходит ли для детской ярко-розовый, Клэр не знала, но вот краска высохла, и получилось очень симпатично. Этим утром из магазина обещали доставить кровать, после обеда — вещи со старой квартиры (у приятеля Энди был пикап), а пока Клэр наслаждалась простором пустых комнат. Сколько в них воздуха, сколько света, как здорово скрипит под ногами кленовый пол!

— Ах, Энди! — воскликнула она. — По-моему, это лучший дом на свете, и, подумать только, он наш!

Энди стоял, опустившись на одно колено, и чинил разболтанную розетку.

— Ага, — не оборачиваясь, проговорил он. — Старик Кроуфорд — добрейшей души человек.

Клэр подошла к мужу, прижалась к его спине и обняла за плечи, жадно вдыхая металлический мужской запах. Запах Энди всегда казался ей синим, как музыкальные автоматы, разлитое машинное масло или гибкий лист прокатной стали.

— Да ладно тебе, хватит хмуриться! — Клэр разомкнула объятия и ласково погладила широкую грудь Энди. Она хотела добавить, что он чудо как хорош в темных брюках и пиджаке спортивного кроя, но тут в колыбели проснулся ребенок. Клэр тайком радовалась тому, как плач ребенка — Кристин, нужно привыкать к ее имени — как плач Кристин, тоненький, но громкий, словно голос флейты или другого инструмента с высоким звучанием, на нее действует. Сердце билось и быстрее, и сильнее, словно внутри стучал кулачок. — Что случилось, малышка? Ну, что случилось? Нравится этот красивый домик? Он

на-а-аш!

«Видела бы меня мама! — думала Клэр. — Папа лишь рассмеялся бы и вытер губы рукой, словно они испачкались».

Клэр улыбнулась Энди и жадно втянула воздух.

— Ты только понюхай! Запах свежей краски!

Не без труда удерживая равновесие, Энди обул сперва один ботинок, потом другой.

— Я проголодался. Пошли, купим по Гамбургеру!

Клэр согласилась, хотя уходить из новой квартиры желания не было: нужно же привыкнуть, пропитаться волшебной атмосферой! Короткий коридор тянулся от кухоньки к застекленной двери, за ней пролет шатких ступеней спускался на задний двор — этим входом они и будут пользоваться. Энди шел по лестнице первым и придерживал за локоть Клэр, прижимающую к груди ребенка. Искреннее желание помочь — вот что она больше всего ценила в муже. Энди помогал не только ей, но и другим — старикам, детям, женщинам с тяжелыми сумками, однорукому инвалиду, который работает на заправке у шлагбаума, и даже неграм.

За лето задний двор высох — трава под ногами хрустела и превращалась в пахнущую древесной золой пыль. Бурые, под цвет травы, сверчки стрекотали, поджимали задние ножки и прыгали в разные стороны. В этой части двора было лишь узловатое персиковое дерево и задушенная сорняками грядка, на которой когда-то давно выращивали овощи.

— Да! — горестно засмеялась Клэр. — Тут надо как следует все изменить.

— С чего ты решила, что это наше, и менять можно? — спросил Энди. Он смотрел на дом, и Клэр, обернувшись, увидела на крыльце высокую женщину с худым лицом и неопределенного цвета волосами, стянутыми на затылке в тугой узел. Одетая в платье и длинный коричневый фартук, она внимательно за ними следила.

— Здравствуйте! — шагнув к ней, Клэр протянула правую руку, а в левой крепко держала ребенка. Именно так Клэр решила заводить знакомства — действовать тут же, пока не вмешались скромность и застенчивость. Протянутую руку женщина проигнорировала, и Клэр быстро ее опустила. — Я Клэр Стаффорд.

Женщина оглядела ее с головы до ног и, очевидно, осталась невысокого мнения.

— Беннетт, — произнесла она и сжала губы в тонкую бесцветную полоску.

«Ей лет тридцать пять, — догадалась Клэр, — а выглядит старше. Интересно, мистер Беннетт дома? Он, вообще, существует?»

— Рада познакомиться! — вежливо проговорила Клэр. — Мы сегодня заезжаем. Сейчас поднимались, смотрели, что и как.

— Да, я слышала ребенка.

Клэр подняла завернутую в одеяло малышку.

— Это Кристин! — На ребенка женщина внимания не обратила — прищурившись, она смотрела на Энди, который стоял среди высохшей травы. Руки в задних карманах джинсов, голова чуть наклонена набок — не парень, а картинка. Клэр заметила, что взгляд Беннетт потеплел. Это мой муж Энди, — сказала она и понизила голос до заговорщицкого шепота. — Он немного расстроен, считает, что квартира не очень... — Клэр тотчас поняла, что сделала ошиб-

ку.

— Неужели? — холодно переспросила женщина. — Он что, привык к классу люкс?

Очевидно, Энди на расстоянии почувствовал, что Клэр нужна помощь. Широко улыбаясь, он подошел к женщинам.

— Здравствуйте, мисс...

— Беннетт, — подсказала женщина. — Миссис Беннетт.

— Ну вот! — Энди всплеснул руками в притворном отчаянии и одарил новоиспеченную соседку бархатным взглядом карих глаз. Клэр наблюдала с изумлением, в котором растворилась капелька ревности. Воистину, обаяние Энди не знало границ, как бы бессовестно он ни врал. — Я бесконечно рад знакомству! — Он поднялся на крыльцо, и Беннетт позволила ему пожать свою руку, предварительно вытерев ее о фартук.

— Взаимно! — отозвалась она.

На глазах у Клэр Энди сжал ладонь Беннетт, потом выпустил, и бесцветные губы соседки дрогнули в улыбке.

Повисла тишина, и Клэр почувствовала ледяное дыхание приближающейся мигрени: первые спазмы были слабыми, как раскаты далекого грома. Ребенок согнул ручку и уперся в одеяло, словно тоже хотел — не ребенок, а Кристин, не хотел, а хотела! — к той костлявой неприветливой женщине. Клэр крепче прижала теплый сверток к груди.

Энди хлопнул ладонями по бедрам.

— Ну, нам пора на ленч! — объявил он и выдержал паузу. Однако если хмурая Беннетт рассчитывала, что ее тоже пригласят, то крупно ошиблась. — Пойдем, милая, нужно перекусить. Сейчас принесу бумажник. — Он побежал вверх по деревянной лестнице, перескакивая через две ступеньки сразу. Клэр улыбнулась миссис Беннетт и пошла следом.

' — Надеюсь, ваш ребенок не рева, — проговорила соседка. — А то домик маленький, стены тонкие.

Глава 11

Квирк давным-давно не заходил в больничную часовню и не понимал, что делает в ней сейчас. Двери из коридора, ведущего в отделение рентгенологии, казались совершенно неуместными — вычурные ручки и две узкие панели витражного стекла, установленные несколько лет назад на средства некой богатой леди в память о ее безвременно умершей дочери. В часовне всегда царил холод, причем холод особенный, у Квирка он совершенно необъяснимо ассоциировался с лилиями в вазе, каждое лето красовавшимися на алтаре часовни в Каррик-ли. Квирк тогда не мог избавиться от ощущения, что букет тот же, и лилии чудесным образом не вянут. Однажды он решился сунуть палец в нежный белый колокольчик и до сегодняшнего дня не забыл ощущение чего-то липкого и прохладного, как кожа покойника. Часовня Святого Семейства маленькая, без альковов и колонн — не спрячешься от неусыпного ока масляной лампы в ярко-красном абажуре, денно и нощно горящей перед дарохранильницей. В часовне, возле статуи Святого Иосифа, Квирк в тот день увидел Мэла, коленопреклоненного, со сложенными для молитвы ладонями и низко опущенной головой. Квирк тихо устроился на скамье неподалеку от Мэла, который даже не обернулся, словно не заметил его присутствия, но через минуту перекрестился и со вздохом сел на скамью. Оба помолчали, потом Квирк обвел рукой статую, алтарную лампу, сам алтарь, застланный белой, с золотой вышивкой тканью, и спросил:

— Скажи, Мэл, ты во все это веришь?

— Стараюсь, — немного поразмыслив, ответил Мэл и искоса взглянул на свояка. — А во что веришь ты?

— Меня отучили верить много лет назад.

— Обожаешь рассуждать на такие темы и красиво выражаться? — фыркнул Мэл, снял очки и сильно потер сперва правый глаз, потом левый. — Что ты хочешь?

Теперь задумался Квирк.

— Чтобы ты рассказал мне о гибели Долли Моран.

В глазах Мэла не отразилось ни капли изумления.

— Очевидно, мне известно куда меньше твоего, — проговорил он. — Я не из тех, кто намеренно сует нос туда, где его почти наверняка оторвут.

— Это угроза? — недоуменно спросил Квирк и засмеялся.

Мэлэки сидел с каменным лицом.

— Квирк, ты не знаешь, что творишь. Думаешь, что знаешь, но это не так.

— Я знаю, что Кристин Фоллс умерла не от эмболии, как ты левой рукой написал в досье, — более-менее спокойно начал Квирк. — На самом деле она умерла при родах. Ребенок родился мертвым, как ты и говорил, но я знаю, что он исчез, точнее, ему помогли исчезнуть. Еще знаю, что рассказал тебе о дневнике Долли Моран, а днем позже ее пытали головорезы, череп раскололи. Убеди меня, Мэл, что эти факты не связаны, мои подозрения необоснованны и ты не нажил проблем на свою голову! — Квирк искренне себе удивлялся: откуда эта злость? Против какой несправедливости он протестует? По отношению к Долли Моран, Кристин Фоллс, ее ребенку или по отношению к себе? Только кто обошелся с ним несправедливо, кто его обидел? Не он умер при родах, давась кровью и собственным криком, не ему прижигали запястья, и голову рас-

кололи не ему. Мэла гневная тирада не впечатлила: вместо ответа он коротко кивнул, словно подтвердилось что-то важное, поднялся и шагнул к двери. Темный костюм делал его похожим на священника, а синий галстук вполне мог быть воротничком прелата-ультрамонтана. Во взгляде, которым он смеялся Квирка, читалось изумление вперемешку с презрением и жалостью.

— Послушай моего совета, Квирк, — проговорил он. — Не суйся в это дело.

Квирк, не поднявшись со скамьи, покачал головой.

Не могу. Я вляпался в это дело по самое некуда, впрочем, как и ты.

Мэлэки вышел из часовни. Через какое-то время поднялся и Квирк. Красное всевидящее око у алтаря шевельнулось и словно подмигнуло. Квирк содрогнулся. Как там у Йейтса[11]? «Увидел я холодное бездушное небо...»

Глава 12

Больше всего Энди Стаффорд любил ночные перегоны, причем не только потому что платят за них больше, а машин на шоссе меньше. Купол мрака прорезали фары мощной машины, и Энди казалось, он управляет не просто двенадцатиколесной фурой «Кроуфорд транспорт», груженной кровельной дранкой или чугунными чушками. Во время ночных перегонов Энди чувствовал себя вольной птицей: в целом мире существовали лишь он, дорога да певцы в стиле кантри, заунывно выводящие по радио свои рулады о похотливых псах, одиночестве и любви. Частенько на затерянной между городами автозаправке или на пороге придорожной забегаловки он подставлял лицо свежему, пахнущему шалфеем ветерку и читал в нем послание, прилетевшее откуда-то с запада — из Нью-Мексико, Колорадо, Вайоминга или даже со Скалистых гор. В тех местах Энди не бывал, и в душе просыпалась сладкая тоска по другой жизни: вон она, совсем рядом, за золотой линией горизонта.

Энди свернул на платную дорогу, пересек Бруклин, потом малонаселенный юг Бостона. На Фултон-стрит он заглушил мотор и почти беззвучно спустился под горку к дому. Колеса негромко шелестели по асфальту. Миссис Беннетт — «Зовите меня просто Кора!» — уже ворчала, что грузовик стоит прямо под окнами, но жаловалась, разумеется, Клэр, а не самому Энди. Когда он вылез из кабины, затекшие плечи и руки болели, джинсы больно впились в промежность. Ни в одном из соседних домов свет не горел. Где-то неподалеку нехотя залаяла собака, но скоро затихла. До рассвета оставался примерно час, ночная прохлада еще не отступила, но Энди решил немного посидеть на крыльце и посмотреть на звезды. Руки он скрестил на затылке — затекшие мышцы шеи быстро расслаблялись. Качели на скрипучих цепях напомнили ему родной Уилмингтон. Мальчишкой он вечера просиживал на крыльце и курил сигареты, украденные из кармана отцовского комбинезона. Едкий дым отравлял свежий прохладный воздух, а дешевое пиво, кукурузное виски, сок соседских девчонок и прочие запрещенные удовольствия казались кусочком «настоящей взрослой» жизни, совсем не такой, как в Уилмингтоне, штат Делавэр. Энди негромко засмеялся. В Уилмингтоне он мечтал попасть в большой город, а сейчас, поселившись в Бостоне, мечтает о Уилмингтоне. Впрочем, ему вечно на месте не сидится, «хорошо там, где нас нет» — его девиз.

Энди поднялся, обогнув дом (он уже знал, где находится спальня Кору Беннетт), подошел к двери черного хода, взошел по деревянным ступенькам наверх и шмыгнул за стеклянную дверь. Мерзкий запах краски, порой вызываю-

щий тошноту, еще не выветрился. К нему примешивались запахи ребенка — молока и грязных пеленок. Свет Энди не включил: в восточных окнах небо уже посерело, и в предрассветной дымке виднелись зловещий шпиль церкви Святого Патрика на Брустер-стрит и последняя утренняя звезда, сидящая прямо на его флюгере. Чем светлее становилось за окном, тем больше мрачнел Энди. Уже не в первый раз он спросил себя, долго ли выдержит в этом городе, пока тяга к перемене мест не станет нестерпимой.

В гостиной Энди разулся и скинул рабочую рубашку. Застыв с поднятыми вверх руками, он понюхал свои подмышки. Вспотел он сильно, но в душ не пошел. Впрочем, Клэр сама говорила, что любит его запах. В одних носках Энди прокрался в спальню. Плотные закрытые шторы не пропускали ни лучика встающего солнца. Энди разглядел силуэт спящей Клэр, а ее дыхание не услышал: спада она спокойно, и ему это нравилось. Только когда мучили мигрени, она не спала совсем. Тише мыши Энди пробирался по еще не знакомой спальне — будить Клэр пока не хотелось — у кровати скинул остаток одежды и осторожно приподнял уголок одеяла.

— Привет! — шепнул Энди и, опершись коленом о матрас, нагнулся к спящей жене. — *Как тут моя малышка?*

Малышек было две, и голоса два, один из них принадлежал Клэр. «Что такое?..» — сонно пробормотала она. Второй голос гулил, а потом Энди услышал деловитое причмокивание.

— Господи, боже мой! — пробормотал он и испуганно отпрянул.

Ребенок! Разумеется, это он лежал рядом с Клэр и сосал кулачок. Клэр осторожно отодвинула девочку и села, сбитая с толку и испуганная.

— Энди, это ты? — спросила она, откашлявшись, и взяла Кристин на руки.

— А кого ты ждала, черт подери? — Он чуть не вырвал у нее горячий, насквозь промокший сверток. — Кого-то другого?

Клэр поняла, что он задумал, и попыталась забрать малышку.

— Кристин плакала, — жалобно объяснила она. — Я хотела ее успокоить...

Но Энди не слушал — он чуть ли не выбежал из спальни. В полумраке его быстро движущаяся фигура казалась призрачной. Клэр со стоном откинулась на подушки и вцепилась себе в волосы. Хотелось узнать, сколько времени, но часы на тумбочке смотрели в другую сторону. Наверное, у Кристин Промок подгузник — на подоле ночной рубашки расплывалось темное пятно. Ее нужно было снять, но Клэр не решалась встретить Энди голой, ведь для того, что он, наверняка, захочет, уже слишком поздно (или еще слишком рано), к тому же она смертельно устала: малышка будила ее дважды... Влажное пятно Энди либо не заметил, либо проигнорировал, а ночную рубашку снял сам — рывком усадил Клэр, поднял ей руки, стащил одежду и швырнул на пол.

— Послушай, милый..? — начала она.

Энди не слушал. Он вытянулся на ней — его колени казались ледяными — и силой раздвинул ей ноги. От него пахло пивом, а губы были жирными. Клэр замерзла, поэтому, нащупав покрывало, прикрыла им ритмично изгибающуюся спину Энди. Усталая и сбитая с толку, никакого удовольствия она не получала. Клэр казалось, что она медленно тонет.

— Детка... — хрипло и как-то обреченно шептал Энди, и Клэр еще плотнее прижимала его к себе. — Ах, детка...

Голос Кристин она слышала раньше, чем Энди; тонкий, требовательный,

всепроникающий крик рассек полумрак с неумолимостью стрелы. Энди застыл, потом растянулся на Клэр и поднял голову.

— Господи! — снова простонал он и с силой ударил кулаком подушку рядом с головой Клэр. — Господи, боже мой!

Не успела Клэр испугаться, как он захохотал.

Утром настроение Энди не изменилось. Клэр вешала белье на веревку, которую он натянул между толстыми ветвями дерева и стойкой лестничных перил — миссис Беннетт по этому поводу еще не возмущалась — когда он подкрался сзади, с криком схватил за талию, оторвал от земли и закружил. Счастливому или хотя бы довольному виду мужа Клэр бы обрадовалась, только разве можно считать довольным человека с диким взглядом затравленного зверя? Энди и дышал так, словно несся во весь опор и лишь сейчас остановился. Когда он опустил Клэр на землю, дыхание сбилось и у нее. Указательным пальцем он оттянул воротничок ее блузки.

— Так, а это у нас что? — На шее Клэр краснел засос величиной с серебряный доллар. — Откуда он взялся?

— На заре ко мне в кровать проскользнул огромный старый дикарь. Неужели ты его не слышал?

— Нет, детка, я спал как младенец, ты же меня знаешь. — Энди крепко обнял Клэр за плечи. Объятия показались Клэр железными. — Скажи, что еще он с тобой делал? — потребовал Энди, горячими iу-бами прильнув к ее уху.

Клэр негромко засмеялась, а Энди с силой прижал ее к себе. Стоило приоткрыть рот, он впился в нее поцелуем. Откуда-то, возможно со Скалистых гор, прилетел ветерок. Играя сырыми простынями, он на миг завернул в них Клэр и Энди. Молодые люди целовались, не замечая в окне первого этажа бледное лицо с тонкими губами и внимательным, ничего не упускающим взглядом.

Глава 13

Квирк шел по Рэглен-роуд навстречу осенней ночи.

Вокруг фонарей висели нимбы тумана, из труб вился дымок, на зубах хрустел уголь. Он мысленно репетировал предстоящий разговор — почему-то его заранее хотелось назвать размолвкой — на котором сам настоял, о чем жалел уже сейчас. При желании разговора еще можно было избежать. Квирк еще мог развернуться и уйти, как привык уходить от неприятностей. Одним разом больше, одним меньше, и никто ему не помешает. Он запросто мог разыскать телефон — в сознании звучал голос Долли Моран: «До ближайшего телефона не то три, не то четыре улицы» — и сочинить какой-нибудь предлог, например, сказать, что проблема, которую он собирался обсудить, разрешилась сама. Какие бы мысли ни крутились в голове, ноги несли вперед, и вот уже они, ворота в сад судьи Гриффина, неприятно пахнущий осенней сыростью. По стоптанным ступенькам Квирк поднялся на крыльцо. Из окна передней лился тусклый свет, остальные были темными, и в душе Квирка вспыхнула надежда: вдруг старик забыл о договоренности и как всегда по вечерам уехал в клуб на Стивенс-грин? Квирк дернул шнурок звонка и услышал в передней его дребезжащий звон. На миг его надежды вспыхнули с новой силой, но потом донесся фирменный шорох шагов мисс Флинт. Квирк растянул губы в улыбке: они с мисс Флинт давно враждовали. Экономка открыла дверь, и Квирку показалось, она едва сдерживает гримасу гадливости. Маленькая, с птичьим лицом, мисс Флинт, сколько знал ее Квирк, стриглась одинаково — жесткие не седеющие волосы лежали наподобие каски. Квирк давно подозревал, что это парик.

— Мистер Квирк, — сухо, с чуть заметным недружелюбием проговорила экономка. Вежливая, ничего не скажешь, подчеркнуто, мстительно вежливая.

— Добрый вечер, мисс Флинт, судья дома?

Экономка отступила на шаг и открыла дверь еще шире.

— Да, он вас ждет.

В спертom воздухе прихожей слабо чувствовался затхлый стариковский запах. В люстре горела слабенькая, ватт в шестьдесят, лампочка, и абажур напоминал Квирку высохшую человеческую кожу, какой он ее себе представлял. Сердце болезненно сжалось. При жизни бабушки Гриффин он был здесь счастлив. В передней вечно гремели крики, они с Мэлом в коротких брюках с выбившимися рубашками и школьными галстуками играли в вышибалы на лестнице... Да, он был здесь счастлив!

Мисс Флинт взяла у Квирка пальто и шляпу и, скрипя по паркету и плитке каучуковыми подошвами уродливых, как у тюремной надзирательницы, туфель, повела его в глубь дома. Уже в который раз Квирк подумал, что экономке наверняка известны многие семейные секреты. Во время редких визитов Мэла она и его буравит своим взглядом-прожектором?

Судья Гриффин слышал звонок и уже ждал на пороге логова, как он любовно именовал кабинет. Он был не ниже Квирка, но с годами ссутулился. Серый кардиган, домашние тапочки, обеспокоенный взгляд — Квирк подумал, что недалек тот день, когда у парадной двери его встретит заплаканная мисс Флинт в траурной повязке. Квирк быстро шагнул навстречу судье и снова растянул губы в улыбке.

— Заходи, дружище! — судья замахал рукой. — В коридоре холодно, как в могиле.

— Чай вам принести? — предложила мисс Флинт.

— Нет! — резко ответил судья, положил руку на плечо Квирка и увел его в кабинет. — Чай! — презрительно хмыкнул он, с шумом захлопнув за собой дверь. — Бог свидетель, эта женщина... — Судья подтолкнул Квирка к стоящему у камина креслу. — Садись, грейся! Выпьем что-нибудь покрепче чая.

Судья повернулся к буфету и разыскал бутылку виски. Квирк оглядывал знакомый с детства кабинет вот старая, обтянутая кожей кушетка, вот антикварный письменный стол, вот портрет бабушки Гриффин кисти Шона О'Салливана, совсем молодой, с локонами, безмятежно улыбающейся. В логово судьи допускались далеко не все, а Квирк, прибежал сюда еще полудиким, не оклемавшимся от Каррикли мальчишкой. До отъезда в школу Святого Эйдана долгими зимними вечерами Квирк сидел в кресле у камина (возможно, этого же самого), занимаясь математикой или латынью, а судья, в ту пору еще барристер, за столом готовил записку по очередному делу. Мэл делал домашнее задание за белым кухонным столом, а бабушка Гриффин отпаивала его теплым молоком, кормила цельнозерновым печеньем и ежеминутно спрашивала, не болит ли живот: Мэлэки считался слабеньким.

Судья вручил Квирку стакан с виски и устроился в кресле напротив.

— Ты ужинал? — спросил он.

— Да, все в порядке.

— Неужели? — судья пронзил Квирка испытывающим взглядом. На слухе Гаррета Гриффина возраст еще не сказывался, и он явно уловил тревшу в голосе Квирка, когда тот позвонил ему и сказал, что хочет поговорить. Целую минуту оба молча смаковали виски. Квирк хмуро смотрел на огонь, судья — на него. От едкого, как кошачья моча, запаха кокса у Квирка защипало в носу.

— Итак, — чересчур громко и бодро начал судья, — что за насущную проблему ты хотел обсудить? Ты часом ни в какую передрыгу не попал?

Квирк отрицательно покачал головой.

— Дело в одной девушке... — начал он и осекся.

— Ну-ну! хохотнул судья.

— Нет, все не так, как вы подумали, — слабо улыбнулся Квирк, снова покачал головой и взглянул в трепещущее сердце пламени. «Не тяни резину, выкладывай!» — Девушку звали Кристин Фоллс. Она умерла при родах, а пока ждала ребенка, за ней ухаживала женщина по фамилии Моран. Вскоре после смерти Кристин Фоллс Моран убили. — Квирк остановился и жадно вдохнул воздух.

Судья в замешательстве захолопал глазами и кивнул.

— Моран, — повторил он. — По-моему, я читал 'о ней в газетах. — Бедняжка! — Судья взял стакан Квирка и, очевидно, не заметив, что виски в нем еще осталось, подошел к буфету.

— Мэл сделал в досье Кристин Фоллс не совсем корректную запись.

— Что значит, не корректную? — не оборачиваясь, уточнил судья.

— Роды там вообще не упоминаются.

— Хочешь сказать... — судья через плечо взглянул на Квирка, — хочешь сказать, что он намеренно искажил факты?

Квирк промолчал. Судья так и стоял, глядя на Квирка. Вдруг рот судьи без-

вольно открылся, и он издал что-то среднее между жалобным стоном и гневным криком. Зазвенело стекло, зажурчало льющееся на пол виски. Судья тихо выругался, проклиная дрожащие руки.

— Извините! — пробормотал Квирк.

Судья поставил бутылку вертикально, наклонил голову и замер на целую минуту. Виски мерно капало на пол.

— К чему ты ведешь? — спросил он, сильно побледнев.

— Сам не знаю, — признался Квирк.

— Мэла могут уволить? — спросил судья, наконец вернувшись в кресло с двумя полными стаканами.

— Не думаю, что до этого дойдет. Вряд ли здесь можно вменить профессиональную небрежность или преступную халатность.

— Халатность в докторском халате — вот тебе пример дурацкого каламбура! — невесело засмеялся судья, а после небольшой паузы раздраженно покачал головой, — Откуда Мэлэки знал ту *девушку*? Она у него наблюдалась?

— Не совсем. По его словам, он за ней приглядывал. До беременности та девушка какое-то время работала у них в доме.

— Что?

— Сара наняла Кристин Фоллс в помощь Мэгги, но вскоре девушка, э-э-э, нажила себе проблемы. — Квирк посмотрел на судью: тот потупился и качал головой, напроць забыв о виски. — Мэл заявил, что сделал ту запись из желания пощадить семью Кристин, дескать, зачем им знать о ребенке?

— С каких пор Мэлэки волнуют чувства посторонних?! — прохрипел судья. — Он же доктор, клятву Гиппократа дал, значит, должен спокойно и беспристрастно делать свое дело. Идиот безответственный! От чего умерла та девушка?

— От послеродового кровотечения — потеряла слишком много крови.

Повисла тишина. Гаррет Гриффин смотрел на Квирка так же, как, вероятно, некогда смотрели на него самого подсудимые, надеющиеся на снисходительность.

— Так Кристин умерла в доме Долли Моран? — уточнил он, потупившись. — С этой особой Мэл тоже знаком?

— Он нанял ее ухаживать за Кристин.

— Вот так знакомые у моего сына! — На скулах судьи заходили желваки. — Ты ведь с ним об этом говорил?

— Мэл темнит. Ты же его знаешь.

— Вот уж не уверен! — воскликнул судья. — Он случайно не обмолвился о делах в Бостоне?

— Нет, — покачал головой Квирк. — А что там за дела?

— Какая-то благотворительная кампания. Кроме Мэла в ней участвует Костиган и члены ордена Рыцарей Святого Патрика. Якобы они помогают католическим семьям. Финансирует кампанию твой тесть Джош Кроуфорд.

— Нет, Мэл ничего об этом не говорил.

Судья залпом выпил виски.

— Давай сюда стакан! Еще одна порция явно не помешает! — Судья снова подошел к буфету. — Сара в курсе?

— Сомневаюсь. — Квирку вспомнилась воскресная сцена у канала: Сара смотрела на лебедей невидящими глазами и просила поговорить со своим му-

жем, «хорошим человеком». Откуда ему знать, что Саре известно, а что нет? — Я сам в курсе лишь потому, что случайно увидел, как Мэл заполняет досье.

Квирк вскочил. Духота кабинета, чадящий камин, запах пролитого виски вдруг показались невыносимыми, да еще обожженный спиртным язык саднило. Судья обернулся и, прижимая к груди два полных стакана, удивленно на него взглянул.

— Мне пора, — объявил Квирк. — Нужно кое с кем встретиться.

Он лгал, и судья явно расстроился, но возражать не стал.

— Не хочешь? — Гаррет Гриффин протянул стакан с виски, но Квирк покачал головой. Судья поставил оба стакана на полку буфета. — Ты точно ужинал? По-моему, ты совсем себя не бережешь!

— В городе что-нибудь перехвачу.

— Флинт омлет тебе сделает... — судья горестно покачал головой. — Да уж, звучит не бог весть как соблазнительно! — У двери кабинета он застыл, явно озаренный какой-то идеей. — Уже выяснили, кто убил эту Моран?

— К ней в дом кто-то ворвался.

— Грабители?

Квирк пожал плечами, а потом сказал:

— Вы знали ее. Ну, Долли Моран, — Квирк пристально посмотрел на судью. — Сперва она работала у вас с бабушкой, а после рождения Фиби — у Мэла и Сары. Поэтому Мэл и обратился к ней, когда Кристин Фоллс понадобился уход.

Судья долго смотрел в одну точку и хмурился, потом вскрикнул, как в самом начале разговора, только не гневно, а с горечью.

— Боже милостивый, так это... Долорес? — Гаррет споткнулся на ровном месте, и Квирк схватил его за руку. — Мне ведь даже в голову не пришло... Бедная, бедная Долорес!

— Извините, — сказал Квирк. Казалось, с начала разговора он только и делал, что извинялся.

Они вышли в коридор. Гаррет брел, словно во сне, его руки висели безжизненными плетями, и Квирк вдруг увидел, как похожи отец и сын.

— Долли была очень верной, — проговорил Квирк. — Ничьи секреты не выдала. Жаль, Мэл уже не может сказать ей спасибо.

Старик его будто не слышал.

— Кто ведет расследование?

— Детектив по фамилии Хакетт.

— Я его знаю, — кивнул судья. — Парень разумный и здравомыслящий. Если беспокоишься, давай поговорю с ним или попрошу кого-нибудь замолвить словечко.

— Я не беспокоюсь, — покачал головой Квирк. — По крайней мере, не за себя.

Они уже стояли у входной двери, и Квирк вдруг понял, что острее всего чувствует стыдливое удовольствие. Вспомнился случай из детства: Гаррет вызвал его в свое логово и, поставив перед столом, устроил целый допрос о какой-то проделке — окне, выбитом метким выстрелом из рогатки, или окурках, спрятанных в жестянке из-под какао на полке с постельным бельем. «Кто стрелял из рогатки? — вопрошал Гаррет. — Кто курил?» Сперва Квирк твердил, что ничего не знает, но в итоге поддался давлению и сказал, что напроказничал Мэл,

хотя судья, вероятно, был в курсе с самого начала. Сейчас он чувствовал почти то же самое, ту же смесь вины, радости и самодовольства, только раз в сто сильнее. Тогда Гаррет церемонно поблагодарил его, молодец, мол, правильно поступил, но даже мальчишкой Квирк заметил в его глазах странный огонек. Что это было, досада или презрение?

— Про ложную запись в досье известно только мне, — начал Квирк. — Хакетту я ничего не сказал.

Судья в очередной раз покачал головой.

— Мэлэки Гриффин, ты полный идиот! — пробормотал он и положил руку Квирку на плечо. — Я, конечно, понимаю, почему тебя заинтересовал эта Фоллс. Бедняжка погибла так же, как Делия.

— Нет-нет, я думал о Мэле, — возразил Квирк, — о всей нашей семье!

Судья явно не слушал.

— Молодец, что пришел ко мне, — не убирая руки с плеча Квирка, произнес он. — Правильно сделал! — «Еще хорошим мальчиком назови!» — беззвучно подсказал Квирк. — Думаешь, мне стоит с ним поговорить?

— С Мэлом? — переспросил Квирк. — Нет, по-моему, об инциденте лучше забыть.

— А ты, — судья впился в него взглядом, — ты сможешь забыть?

Как ответить, Квирк не решил, потому что раздался скрип каучуковых подошв — апатичная мисс Флинт принесла пальто и шляпу. Интересно, долго она подслушивала, притаившись в темной передней?

Глава 14

Энди мечтал о машине, но не о развалюхе, которую дождливым утром собрал пьяный негр из Детройта. Нет, его сердцем владел «порше», причем конкретной модели — «спайдер-550». Именно такой попал на глаза, когда Клэр потащила его в Коммон-парк «гулять с дочкой». Прежде чем увидеть, Энди услышал дикий рев «порше», на миг превративший Коммон-парк в саванну, а дубы — в пальмы. Откликнувшись на рев всем существом, Энди свернул за угол и... чуть не обмер от восхищения. Красавец «порше» стоял у светофора на пересечении Бикон-Хилл и Чарльз-стрит. Маленький, несмотря на грозный голос, ярко-алый, с шинами футовой толщины и такой низкой посадкой, что непонятно, как человеку нормального роста уместиться за рулем. Откидной верх опустили, если бы оставили, Энди бы не так терзался, но его опустили. Вел «порше» бостонский парень, судя по внешности и одежде, отчаянно косивший под англичан с разворотов дорогих журналов — холеный, набриолиненный, в синем блейзере с двумя рядами пуговиц, из-под которого проглядывали белая рубашка-поло и золотистый шарф. Сопровождала его сногшибательная красотка с высокими скулами и тонким прямым носиком, немного похожая на индианку, но, судя по медовому цвету кожи, огромным голубым глазам и белокурым волосам, определенно из «бостонских браминов». Ярко-алую помаду точно подбирали под цвет машины. Хрупкой полупрозрачной ручкой девушка перекинула волосы через плечо, и Энди на миг заметил синеватые впадинки бритых подмышек. Перехватив его голодный взгляд, она посмотрела на него с насмешливым изумлением, словно говоря: «Эй, красавчик, раздобудь себе университетский диплом, богатого папочку, годовой доход тысяч в двести и машинку не хуже этой, тогда, может, девушка вроде меня поз-

волит угостить ее "Манхэттеном" в баре "Ритц-Карлтона".

В ту субботу он ездил в кембриджский центр подержанных автомобилей, там продавали, правда, не «спайдер-550», а «порше-356». Блестящий, словно черный жучок, он притаился между жутких развалюх местного производства, но одного взгляда под капот хватило, чтобы понять: «жучок» заезжен чуть ли не до дыр, вероятно, даже в аварии побывал. Впрочем, кого обманывать? «Жучок» ему не по карману, даже если цену в десять раз снизят. В Кембридж Энди добирался с пересадкой и обратно с пересадкой, поэтому, когда вернулся домой, развлекать гостей желания не испытывал.

Злой как черт — надо же, ншу стереть угораздило! — Энди свернул на Фултон-стрит и увидел у дома «олдсмобиль». Не «порше», конечно, но новенький, блестящий и, главное, откуда он? Энди разглядывал машину, когда из-за дома показались Клэр и рыжий священник со шляпой в руке. Неизвестно, почему Энди заикнулся на шляпе, но именно она окончательно выбила его из колеи. Вроде бы обычная шляпа, черная, фетровая, но священник держал ее за тулью, как епископы, ну, или эти... кардиналы, свои красные четырехугольные «горшки» во время мессы. «Горшки» называются как-то по-особому, слово наминало Энди итальянский пистолет, но он не мог его вспомнить и злился еще больше.

Священников Энди не жаловал. Его родители были католиками, ну, вроде того, и каждый год на пасху мать завязывала со спиртным, чтобы вместе с детьми съездить на автобусе в Балтимор на торжественную мессу в соборе Пресвятой Девы Марии. Как же Энди ненавидел эти поездки! Ненавидел скучную тряску в автобусах «грейхаунд», бутерброды с колбасой, которые приходилось лопать до возвращения домой, толпы богатых ирландцев в соборе, от которых несло капустой и беконом; воющих у алтаря чудиков, в одежде, сделанной точно из серебра или золота с вышитыми малиновыми буквами, крестами и посохами. Все казались такими благочестивыми и праведными, что Энди тошнило, да еще бормотали молитвы на латыни, а он ни слова не понимал. В общем, нет, священников Энди Стаффорд не жаловал.

Этот, по фамилии Харкинс, был мерзким ирландцем до мозга костей и корней жирных рыжих волос. Он пожал Энди руку, улыбнулся, оскалив желтые зубы, а сам исподтишка оглядывал его зелеными, по-кошачьи хитрыми глазами.

— Раз знакомству, Энди! Клэр столько о вас рассказывала, — проговорил Харкинс. «Неужели?» — подумал Энди и попытался перехватить взгляд жены, но та не сводила глаз с рыжего ирландца. — Я проезжал мимо и решил вас навестить.

— Да-да, конечно! — закивал Энди, а про себя добавил: «Если ты приехал случайно, почему Клэр в нарядном платье, да еще с прической?»

— Нашу малышку благословит Его Святейшество! — восторженно объявила Клэр. На Энди она так и не взглянула, и тот недоумевал: «Какую лапшу навешал ей на уши этот небесный лоцман?»

— Вы повезете ребенка в Италию? — подначил Энди Харкинса, который захохотал, только в зеленых глазах вспыхнул огонек.

— В этом случае Магомет придет к горе, — ответил он. — Впрочем, я далеко не уверен, что архиепископу понравится такое сравнение. Его милость благословит Кристин от имени Папы. — Энди хотел заговорить, но Харкинс не поз-

волил, причем демонстративно, повернувшись к Клэр: — Ну, мне пора. Дела, увы, не ждут.

— Спасибо, что заглянули к нам, святой отец.

Харкинс подошел к машине, распахнув дверцу и, бросив шляпу на пассажирское сиденье, уселся за руль.

— Благослови вас Господь! Следуйте избранному пути, — сказал он Энди, непонятно что имея в виду, захлопнул дверцу и завел машину. «Всего шесть цилиндров!» — злорадно отметил Энди. Когда «ол-дсмобиль» тронулся — судя по цвету и запаху выхлопных газов, в двигателе сторало масло, — Харкинс оторвал руку от руля и словно написал что-то в воздухе. Это благословение? Архиепископ что-то подобное сбациает?

— Что он хотел? — спросил Энди, повернувшись к Клэр. Та до сих пор махала вслед Харкинсу.

— Не знаю. Наверное, сестра Стефания попросила нас проведать.

— Она нам не доверяет?

Только Клэр сразу догадалась, что на уме у Энди. Господи, он чуть ли не к телеграфному столбу ее ревнует!

— Энди, он священник и просто к нам заглянул.

— Надеюсь, он не зачастит. Не люблю священников. Матушка говорила, они к несчастью.

Эх, будь Клэр посмелее, она сказала бы, что думает о матушке Энди!

Они обогнули дом и поднялись по лестнице.

— Миссис Беннетт сейчас нет, — объявила Клэр. — Она заходила спросить, не нужно ли мне что в магазине. Думаю, на самом деле милая соседка хотела увидеть тебя! — с улыбкой поддразнила Клэр.

Энди промолчал. Они с Корой Беннетт вовсю переглядывались. Худое лицо, недовольно поджатые губы — красавицей ее не назовешь, хотя фигурка очень даже ничего, даром что вечно скрыта фартуком, а в глазах неутолимый голод. Энди задал пару вопросов о мистере Беннетте, но ответа не получил. «Наверное, сбежал, — решил он. — Если бы умер, Кора так и сказала бы». Он уже не раз убеждался, что жены идеализируют покойных мужей до тех пор, пока не появится достойный кандидат на вакантное место.

Энди прошел прямо на кухню, желая узнать, что будет на обед. Клэр сказала, что из-за приезда отца Харкинса об этом еще не думала. И, вообще, ей больше нравится, когда говорят ленч, «обед» в середине дня звучит слишком банально.

— Хочешь сказать «по-ирландски»? — ехидно поинтересовался Энди, с шумом захлопнув дверцу буфета.

— Нет, я имела в виду совсем другое, и тебе это прекрасно известно. — Клэр выросла в деревне к югу от Бостона. Аккуратные частоколы, белые каркасные домики, белый шпиль церкви, тянущийся выше кленов, — очевидно, Клэр считала, все это дает ей право важничать и считать себя без пяти минут аристократкой из Новой Англии, только Энди знал, кто она такая. Ее предки, немецкие иммигранты, разводили свиней, но в тяжелые времена заложили свои участки и в итоге их потеряли. Обеднев, они перебрались на север штата, попытались открыть кормовой склад, но прогорели и на нем. Сейчас, на кухне, Клэр шагнула к Энди, заставила обернуться и положить ей руки на талию, а сама прижала ладони к его груди и широко улыбнулась. — Энди Стаф-

Глава 15

Больничные запахи Сара ненавидела: они воскрешали страшные детские воспоминания об удалении миндалин. Мерзкие запахи она чувствовала даже на одежде Мэла: либо эфира и дезинфицирующего средства, либо повязок — их никакой химчисткой не вывести. Сара никогда об этом не говорила и не жаловалась — что люди подумают: жена доктора и не любит больничные запахи! но Мэл наверняка замечал, как она морщится, ведь сейчас, возвратившись домой, он сразу уходил наверх и переодевался. Бедняга Мэл, всем помогает, обо всех заботится, и никто спасибо не скажет! Однако пиетету вопреки запах одежды мужа по-прежнему напоминал Саре о боли и страхе перед докторским скальпелем.

Едва Сара вошла в регистратуру больницы Святого Семейства, от ненавистного запаха закружилась голова. На миг захотелось развернуться и сбежать, но она заставила себя приблизиться к столу драконши-регистратора — какая женщина по доброй воле наденет очки в прозрачной розовой оправе? — и спросила, на месте ли доктор Квирк. «Вы имеете в виду, мистер Квирк?» — рявкнула она. Разумеется, Сара знала, что нужно говорить «мистер». Вот ее и наказали за пренебрежительность: напрасно она предполагала, что обслуживающий персонал знает лишь слово «доктор». Никогда ей не усвоить правила, никогда!

Вскоре Сара сидела на жесткой скамье у стены и ждала. Квирк пообещал драконше, что спустится сию же секунду. Сара наблюдала за потоком хромых и искалеченных, перебинтованных детей, стариков с отрешенными лицами и будущих мамочек с огромными животами, истерзанных еще не родившимися детьми. Как же Мэл терпит этих женщин изо дня в день, из года в год? Квирку проще: его подопечные уже мертвы. Сара одернула себя: в последнее время мысли у нее одна мрачнее другой.

Квирк был в расстегнутом зеленом халате. Он сразу извинился за задержку: один из его помощников заболел и в отделении запарка. Сара заверила, что дело у нее не слишком срочное, она заглянет в другой раз, хотя про себя удивилась: откуда запарка, трупы-то никуда не денутся. Квирк отговорку не принял: раз пришла, они побеседуют. Сара чувствовала, что он гадает, зачем она явилась. Квирк вечно все просчитывал.

Они пришли в больничную столовую и устроились за пластиковым столиком у высокого, но грязного окна. Рядом с кухней урчали титаны с кипятком и стеклянные прилавки с засохшими треугольными сандвичам и и маленькими упаковками кексов, которые, словно по злой иронии, назывались «Мраморными». Квиркушел за чаем, а Сара с тоской подумала, что все на свете больницы запущенные, грязные и мрачные. Окно смотрело на низкое блочное здание цвета запекшейся крови. На крыше, очевидно, залитой битумом, Сара заметила кривую вытяжную трубу с козырьком, из нее валил дым, стелющийся на сильном октябрьском ветру. Сара удивилась густоте черного дыма и незаметно для себя стала гадать, что сжигает персонал больницы. Квирк принес две кружки переслащенного, разбавленного молоком чая, который даже пробовать не хотелось. Сара почувствовала слабость и легкость, в последнее время навещавшие ее все чаще, словно душа вылетала из тела и устремлялась в свободное плаванье. Кажется, так в старых книгах описывают депрес-

сию? Неужели у нее серьезные проблемы со здоровьем? А вдруг... вдруг это смерть приближается? Наверное, смерть помогла бы решить многие проблемы. Нет, вряд ли она отделается так быстро и легко...

— Думаю, речь пойдет о Мэле? — спросил Квирк.

Сара испытующе на него взглянула. Что ему известно? Ей бы хотелось это выяснить, очень хотелось, но озвучить вопрос не хватало пороуху. Вдруг Квирку известно больше, чем ей, вдруг он посвящен в секреты, еще ужаснее, чем тем те, что узнала она? Сара попыталась сосредоточиться, отчаянно собирая разбегающиеся мысли. О чем он спросил? Ах, да, пойдет ли речь о Мэле. На этот вопрос можно не отвечать.

— Фиби собирается замуж за того молодого человека. — Сара опасливо взяла кружку за ручку — она оказалась липкой. — Разумеется, это исключено.

Судя по напряженному лицу, Квирк спешно менял тактику: все внимание теперь не Мэлу, а Фиби.

— Исключено? — переспросил он.

— Да, — кивнула Сара, — но она, конечно же, слушать ничего не хочет.

— Тогда пожелай ей удачи! Скажи, что целиком и полностью одобряешь ее затею. Фиби мигом передумает.

Это предложение Сара тоже пропустила мимо ушей.

— А ты с ней не поговоришь?

Квирк откинулся на спинку стула, высоко поднял голову и искоса взглянул на Сару.

— Ясно, — кивок получился медленным и очень серьезным. — Хочешь уговорить меня уговорить Фиби бросить неудобного вам бойфренда.

— Квирк, она так молода!

— Мы тоже были молоды.

— У нее вся жизнь впереди.

— И у нас была.

— Да, и разве мало ошибок мы наделали?! — бросилась в атаку Сара, только ее запала надолго не хватило. — Кроме того, ничего не выйдет, об этом позаботятся.

— Кто позаботится? — вскинул брови Квирк. — Мэл? Думаешь, он разрушит счастье дочери?

Качать головой Сара начала, еще не дослушав, хотя глаз так и не подняла.

— Квирк, ты не понимаешь. Против нее целый мир, а не только Мэл. Когда против тебя целый мир, выиграть невозможно.

Квирк посмотрел в окно: по горизонту плыли чернильные облака, значит, будет дождь. Он притих, и, сощурившись, взглянул на Сару — та отвела глаза.

— В чем дело? — спросил он.

— В каком смысле? — с напускной небрежностью спросила Сара. Только Квирк наседал, давил, и она чувствовала себя зайцем, загнанным огромным, неутомимым псом.

— Что-то случилось? — не унимался он. — Вы с Мэлом...

— Не хочу говорить о Мэле! — выпалила Сара с такой скоростью, что целое предложение вышло похожим на одно слово. Она положила руки рядом с перчатками и, глядя на ладони, проговорила: — Тут еще мой отец... — начала она, и Квирк обратился в слух. Сара, как замороженная, разглядывала свои перчатки. — Он пригрозил вычеркнуть Фиби из завещания.

Квирк едва не расхохотался. Завещание старика Кроуфорда — это не шуточки, что дальше-то будет? Вдруг перед глазами с омерзительной четкостью встало лошадиное лицо помощника Уилкинса, который ждал его в отделении: Синклера в очередной раз свалил стратегический грипп. При мысли о возвращении в мир мертвых, свой вроде бы мир, Квирка бросило в дрожь.

— А как насчет судьбы? Что если он поговорит с Фиби или с Мэлом, а заодно и с твоим отцом? Может, он призовет их всех к порядку и заставит найти компромисс? — Сара взглянула на него, как на неразумного ребенка. — Нет, решение наверняка существует. Еще раз предлагаю, скажи, что ты двумя руками за этот брак, вперед, мол, доченька! Уверен, Берти Вустер мигом получит от ворот поворот!

Сара даже не улыбнулась.

— Не хочу, чтобы Фиби связывала себя ранним браком, — покачала головой она.

— Ранним браком? — Квирк скептически улыбнулся. — О чем ты? Я думал, дело в том, что Каррингтон — протестант.

Сара снова потупилась и покачала головой.

I — Жизнь на месте не стоит. Очень скоро все изменится.

— Да-да, лет через сто жизнь станет прекрасной и удивительной.

— Нет, — упрямо возразила Сара, — все скоро должно измениться, — повторила она. — Ровесницы Фиби смогут сами принимать решения, быть собой, жить! — Сара засмеялась, смущенная своими же пафосными словами, посмотрела на Квирка и неуверенно подняла одно плечо. — Квирк, пожалуйста, поговори с ней.

Квирк подался вперед так резко, что толкнул стол, и перчатки Сары сдвинулись, наехав друг на друга. «Они как живые, испуганно от него отпрянули и сжались в комок, — подумала Сара. — Словно невидимка руки заломил».

— Извини, у меня нет времени на молодого оболтуса, по которому сохнет Фиби. Желает за него выйти — как говорится, семь футов под килем, — раздраженно начал Квирк. Сара хотела возразить, но он предостерегающе поднял руку, тише, мол! — Впрочем, если попросишь поговорить с ней ради себя — не ради Мэла, твоего отца или кого-то еще, а ради себя самой — я поговорю.

Повисла такая тишина, что стало слышно, как в окно стучит дождь.

Сара со вздохом поднялась и взяла перчатки, прогнав своего невидимого наперсника.

— Что же, я попробовала, — с грустью проговорила она, вероятно, обращаясь к себе. — Спасибо за чай! — Две кружки так и стояли на столе, полные чуть заметно колыхающейся серой жидкости со сморщенной пенкой. — Мне пора.

— Попроси меня!

Квирк не поднялся, он сидел чуть боком, прижав одну руку к спинке стула, другую — к залепленному жиром столу. Откуда в нем столько жестокости? Почему он вечно с ней играет?

— Сам знаешь, не могу.

— Почему?

В коротком смешке Сары звенело раздражение.

— Потому что я стану твоей должницей!

— Нет!

— Да! — выпалила Сара не менее категорично, чем Квирк. — Пожалуйста,

поговори с Фиби, ради ее счастья.

— Нет, — решительно возразил Квирк, — только ради тебя.

Глава 16

Дело было в субботу. День понемногу уступал свои права вечеру, и Квирк гадал, не пора ли выбрать себе другой паб. Когда он нырнул в «Макгонагл» с поднятым воротником и зажатой под мышкой газетой, по улицам мел октябрьский суховей. Паб фактически пустовал, но едва Квирк устроился в кабинке, у окошка для подачи еды возник Дэви и протянул стакан виски. «Подарок от джентльмена в синем костюме», — он показал большим пальцем в сторону барной стойки. Квирк глянул за дверь и увидел его: костюм из блестящей синей ткани с металлическим отливом, очки в роговой оправе, черные волосы, зачесанные назад от выпуклого лба, массивный зад, с трудом уместившийся на табурете. Тип в синем перехватил взгляд Квирка, поднял стакан в безмолвном салюте и улыбнулся, обнажив нижние зубы. Лицо показалось знакомым, только откуда? Квирк отвернулся и, прижав ладони к коленям, уставился на свой стакан: вдруг виски сейчас закипит, польется через край, и кабинку заполонит едкий черный дым?

Минуту спустя в дверях появился тип в синем.

— Мистер Квирк? Моя фамилия Костиган. — Он протянул руку, и Квирк осторожно ее пожал. Ладонь оказалась чуть влажной, а пальцы — толстыми и грубыми. — Мы встречались у Гриффинов, на приеме в честь старшего судьи. Ну, когда объявили, что Его святейшество пожаловал ему графский титул.

Вы позволите? — он показал на место рядом с Квирком.

Вот так совпадение: Квирк как раз думал о Саре. Ее лицо, как бледный лик Офелии, затмевало газетные страницы с их путанными рассказами о страшных событиях: янки испытывают новую бомбу, больше и страшнее прежних, русские как обычно грозят своими ржавыми саблями. Квирк до сих пор гадал, зачем Сара явилась в больницу и что от него хотела. Люди вечно что-то у него просят и куда чаще такое, что он дать не может. Так вышло и с Сарой, и с Фиби, и даже с бедной Долли Моран: помочь им он не сумел.

Квирк часто вспоминал первое самостоятельное вскрытие. В то время он работал под началом государственного патологоанатома Торндайка, но старик понемногу впадал в слабоумие, и однажды Квирка срочно вызвали его заменить. Вскрывать пришлось тоже старика, крупного седовласого джентльмена, погибшего в аварии: машину, пассажиром которой он был, занесло на обледенелой дороге и швырнуло в овраг. В тот день дочь везла его в дом престарелых, оттуда как всегда забирала на выходные. Дочь, сама уже довольно пожилая, вела машину очень осторожно, но на обледеневшем участке не справилась с управлением. В результате дочь и ее машина отделались парой царапин, а старик умер на месте, «мгновенно», как написали в газетах. Квирк частенько размышлял, как такое «мгновение» воспринимают умирающие. Впрочем, того старика сгубил банальный сердечный приступ. В секционном зале помощник Квирка проворно, но без особых церемоний раздел труп, и из кармана жилета выпали красивые старинные часы «Элгин» с римскими цифрами и секундной стрелкой на дополнительном циферблате. Часы остановились в пять двадцать три, одновременно — Квирк ничуть не сомневался — с сердцем несчастного старика. Вероятно, когда умерла Делия, с ним самим случилось то

же самое — чудесный прибор, который настраивал его на нужный лад и примирал с окружающими, вдруг остановился и ремонту не подлежал.

— Прекрасный был день! — вспоминал Костиган. — Мы все так радовались за судьбу! Титул папского графа, то есть, фактически, папского рыцаря — редкая честь. Я сам рыцарь, — он показал значок на лацкане пиджака, маленькую золотую «П», обвивающую посох. — Разумеется, орден куда скромнее. А вы, мистер Квирк, не хотите к нам присоединиться? В смысле, к Рыцарям Святого Патрика? Вам ведь наверняка предлагали. Мэлэки Гриффин уже с нами.

Квирк не ответил. Его завораживали, чуть ли не гипнотизировали всепоглощающие глаза Костигана, увеличенные линзами очков, точнее, спрятанные за ними, как пираньи — за стеклом аквариума.

— Славные люди, Гриффины, — продолжал Костиган, ничуть не обескураженный упрямым безмолвием Квирка. — Впрочем, вы в курсе, вы же их родственник.

Ответа Квирка он не сразу, но дождался:

— Моя жена была сестрой Сары, то есть миссис Гриффин.

Костиган кивнул и, очевидно, решил изобразить участливость.

— Слышал, ваша супруга умерла, — скорбно проговорил он. — Во время родов, да? Настоящая трагедия. Вы, наверное, тяжело переживали утрату.

Квирк выдержал очередную паузу. Глаза-пираньи словно читали каждую его мысль.

— Это было очень давно, — отозвался он, стараясь говорить бесстрастно.

Костиган снова кивнул.

— Тем не менее удар страшный, — снова кивнул Костиган. — Думаю, единственный способ пережить его — постараться забыть трагедию, то есть выбросить ее из головы. Понимаю, это нелегко: умерла не только молодая жена, но и неродившийся ребенок. Только ведь жизнь продолжается, правда, мистер Квирк? — Казалось, в кабинке беззвучно шевелится кто-то большой и опасный. Костиган показал на стакан с виски. — Вы даже не попробовали! Сам я полный трезвенник. — Он коснулся другого значка на лацкане, означающего, что он член общества борьбы за трезвость.

Квирк откинулся на спинку скамьи. Бармен Дэви топтался у окна для подачи еды — протирал стаканы и подслушивал.

К чему вы ведете, мистер... Простите, как вы сказали, ваша фамилия? — спросил Квирк.

Второй вопрос Костиган проигнорировал и снисходительно улыбнулся детской выходке.

— Веду я к тому, мистер Квирк, что некоторые вещи лучше забыть и не тревожить лишним вниманием.

Лоб Квирка покрылся испариной. Он сложил газету, зажал под мышкой и встал. Костиган наблюдал за ним с живым, как казалось со стороны, интересом, чуть сдобренным изумлением.

— Спасибо за виски, — поблагодарил Квирк, хотя к выпивке даже не прикоснулся. Костиган снова кивнул, на сей раз коротко, словно банальная фраза требовала его согласия. Он с места не поднялся, но возвышавшийся над ним Квирк почувствовал себя маленьким и ничтожным.

— Всего доброго, мистер Квирк, — с улыбкой проговорил Костиган. — Не сомневаюсь, мы еще встретимся.

На Графтон-стрит дул сильный порывистый ветер, субботние посетители магазинов шагали, низко опустив головы. У Квирка сбилось дыхание, душу обжигал нет, не страх, а нарастающая тревога, словно плотный гладкий остров, на котором он так удобно устроился, вздрогнул в знак предупреждения и... вынырнув из-под воды, оказался головой кита.

Глава 17

Энди Стаффорд никогда не считал себя умником.

Нет, он был далеко не идиот, но и не гений тоже, скорее, счастливый представитель золотой середины. Энди знал и пустоголовых парней, и чересчур мозговитых — и тем и другим приходилось несладко, а он чувствовал себя ребенком, который спокойно стоит на середине качелей, вместо того, чтобы глупо качаться вверх-вниз. Раз не глуп, как же он согласился на удочерение? Как сразу не просек, насколько затея Клэр подмочит его репутацию?! Насмешки начались однажды вечером в баре «Фоли», и Энди не сомневался: теперь им не будет конца.

Энди только вернулся из рейса и заглянул в бар по дороге домой, где теперь постоянно пахло мокрыми пеленками. Как всегда по пятницам в баре былолюдно. По пути к стойке Энди прошел мимо столика, за которым сидели шестеро, такие же дальнобойщики, как он и, можно сказать, знакомые. Один, дюжий детина с длинными баками по фамилии Маккой, после того фильма прозванный Настоящим, сказал что-то ему вслед, и все сидящие за столом громко заржали. Энди купил пиво и, прижав локти к барной стойке, лениво оглядел бар, как бы между прочим посмотрев на столик Маккоя. «Спокойно, — велел он себе, — без глупостей!» Разве он уверен, что смеялись над ним? Впрочем, сейчас Маккой ухмылялся именно ему, да еще крикнул:

— Привет, чужак!

— Привет, Маккой! — откликнулся Энди. Звать его Настоящим он не желал: глупо как-то. Впрочем, сам Маккой кличкой гордился, словно она делала его настоящим героем или кинозвездой. — Как дела?

Маккой сделал затяжку, сел поудобнее и, запрокинув голову, выпустил к потолку струйку дыма. Он явно готовил очередную хохму.

— Что-то тебя не видно в последнее время. Переехал на Фултон-стрит и нос задрал?

«Спокойно, — снова велел себе Энди. — Без паники», а вслух сказал:

— Ну, знаешь ведь, как оно бывает.

Маккой ухмыльнулся еще шире и смерил Энди насмешливым взглядом. Дружки ухмылялись вместе с ним и явно ждали продолжения.

— Я тут говорил ребятам, у вас на Фултон-стрит случилось чудо.

Энди выдержал небольшую паузу.

' — Какое еще чудо? — тихо спросил он.

Маккой уже откровенно ржал.

— Твоя благоверная родила, не успев забеременеть. Разве это не чудо?

Дружки сдавленно захихикали. Энди уставился в пол, потом взял свое пиво, подошел к столу и застыл перед Маккоем, одетым в джинсовый комбинезон и клетчатую рубаху. Энди знобило, словно он покрывался холодным потом, хотя кожа была совершенно сухой. Его захлестнуло знакомое, но совершенно необъяснимое чувство — счастье вперемешку с непонятым, пропи-

танным радостью страхом.

— Прикуси язык! — процедил он.

— Неужели ты хочешь сделать со мной то, что со своей благоверной не смог? — Маккой изобразил удивление и поднял руки.

Дружки благоразумно отползли в сторону: р-раз — Энди выплеснул пиво в лицо Маккою, расколотил край стакана о стол и прижал «розочку» к его жирной шее. По бару быстро растеклась тишина. Женский смех оборвался. Перед мысленным взором Энди возникла четкая картинка: за его спиной бармен нащупывает спрятанную за стойкой битву.

— Опустит стакан! — Маккой корчил из себя храбреца, а в глазах плескался страх. Энди подбирал остроумный ответ, ну, что-нибудь про Ненастоящего Маккоя, когда кто-то шарахнул его по виску, сильно, но неловко — в ушибленном ухе загудело. Энди оглушили, а перепуганный Маккой так резко отпрянул от «розочки», что стул перевернулся, и дюжий детина рухнул на пол. Вопреки боли и гулу в ухе, Энди чуть не захохотал: круглая голова Маккоя с грохотом ударилась о паркет, ноги поднялись так, что подошвы ботинок теперь смотрели в потолок. Трое или даже четверо обошли Энди с тыла. Он хотел поцарапать их «розочкой», но упустил момент. Один из нападавших схватил его за пояс, другой — за руки и вывернул запястья, словно шею курице. Энди бросил стакан, но не от боли, а из страха пораниться. Тем временем Маккой поднялся, и с самодовольной улыбкой подошел к обезвреженному противнику. «А он, оказывается, левша», — рассеянно отметил Энди, глядя на занесенную руку, сжатую в кулак. Трое или даже четверо держали его в железных тисках, чтобы Маккой мог спокойно прицелиться и нанести первый удар под дых.

Очнулся Энди в узком, пропахшем мочой и кислым пивом коридоре. Он лежал на спине и смотрел в окно на полоску неба, темноту которого разбавляли звезды и бегущие облака. Во рту чувствовался мерзкий привкус крови и рвоты. Ныла каждая клеточка тела, настойчиво требуя внимания. Над ним кто-то склонился и спрашивал, хорошо ли он себя чувствует. Энди расхохотался бы, но сейчас не рискнул. Это же бармен! Приличный парень, семьянин, он не любит поднимать шум, вот только имени его Энди не помнил. Бармен хотел вызвать такси, но Энди покачал головой, медленно сел, а потом с помощью Пита — вот как звали этого парня! — встал. Энди сказал, у него машина перед главным входом, да и, вообще, уже поздно, жена ждет, а чувствует он себя нормально. Пит зацокал языком: мол, «нормально» больше похоже на сотрясение мозга, но, видя, что Энди не слушает, показал на стальную дверь в конце коридора. За дверью начинался переулок, вдоль бара тянувшийся к пустынной улице и стоянке, на которой тосковала фура. Она взглянула на Энди с укоризной: где, мол, тебя носит? Энди казалось, распухший мозг давит на череп, а мышцы живота — первый удар Маккой нанес именно туда — превратились в кулачки.

Ближе к полночи Энди свернул на Фултон-стрит и остановился у дома. На втором этаже было темно, зато в спальне Кору Беннетт из-под жалюзи пробивался лучик света. Энди подозревал, что одинокая Кора спит при свете. Когда он выбрался из кабины, в ноющем от боли теле еще не стих жар и трепет драки. Ночной воздух обжигал холодом, но Энди домой не спешил, даром что был в тонюсенькой ветровке. Волоча левую ногу — в баре кто-то больно пнул его по лодыжке, — он поднялся на крыльцо и сел на качели, стараясь не скрипеть

цепями. Не хотелось, чтобы Клэр выходила из дома в одной ночной рубашке и хлопотала над ним, по крайней мере, пока не хотелось. Болели голова, левое колено, левая лодыжка, рассеченную губу саднило, зуб шатался, но Энди считал, что отделался «легким испугом». Сам он тоже не сплеховал — двинул Маккою по яйцам и чуть не оторвал кому-то нос, пока один из тех идиотов не подкрался сзади и не ударил по затылку, вероятно, ножкой стула. Энди откинулся на спинку сиденья и тяжело вздохнул, прижав ладони к ноющей груди. Порывистый ветер гнал по небу тучи, блестящие, как от свежих чернил, ореховое дерево шелестело сухими листьями. Из-за туч то и дело проглядывала полная луна, напоминающая жирное лицо Маккою. «У вас случилось чудо», — сказал он. Да уж, всем чудам чудо!

Энди обдумывал ситуацию, точнее, думал о том, что теперь нужно взвешивать каждый шаг — все ведь знают, что ребенок не его, вот досада! — когда дверь за его спиной распахнулась. Энди даже не шевельнулся, он так и сидел, глядя на бегущие тучи, и на миг увидел сцену точно со стороны — осеннюю улицу, выглядывающую из-за туч луну, залитое сумраком крыльцо, мрачного себя и Кору Беннетт, застывшую на пороге в старом пальто поверх ночной рубашки. Кора легонько коснулась его плеча. Сцена получилась не хуже, чем в кино: зрители догадываются, что будет дальше, но даже вздохнуть не решаются, так велико напряжение. Энди не шевельнулся, даже когда пальцы Кору нащупали шишку на затылке — именно туда попала ножка стула. Почему-то Кора не села рядом с ним на качели, а встала на колени, да так, что между их лицами осталось не больше дюйма. От нее пахло несмытой косметикой. Распущенные волосы напоминали штору с брешью посередине. Энди бросил окурок, который начертил во мраке красную спираль.

— Тебе больно, — проговорила Кора, — у тебя лицо горит. — Осторожно, самыми кончиками пальцев, она провела по синякам на его челюсти и рассеченной губе. Кора придвинулась чуть ближе, и ее обрамленное волосами лицо утонуло во мраке. Ее губы оказались сухими, холодными и целовали совсем иначе, чем губы Клэр — ни жара тебе, ни трепета. Энди даже подумал, что они не целуются, а скрепляют официальное соглашение. — М-м-м, — отстранившись, промычала Кора, — у тебя кровь на губах.

Энди легонько сжал ее плечи. Он ошибся: под пальто у Кору не было ничего.

«Странно!» — думал Энди. Кора старше его лет на десять и, судя по шрамам на животе, рожала. Если так, где ребенок и его отец? Разумеется, Энди не спросил. На тумбочке стояла фотография в красивой серебряной рамке, но лишь одна, и не ребенка, а собачки: йоркширский терьер с бантом на шее «улыбался», показывая зубы и язык. «Это Фунтик, — проговорила Кора и бережно взяла фотографию с тумбочки. — Боже, как я любила этого пса!» Обнаженная, она сидела у изголовья кровати, прижав к коленям подушку, а Энди в одних боксерах устроился у изножья и пил пиво. На груди и лодыжках уже проступили синяки, и Энди живо представлял, во что превратилось его лицо. Единственным источником света был ночник на тумбочке. Вероятно, из-за его абажура все в спальне казалось обвислым, задушенным паровым обогревателем, который гудел и фырчал под окном. Целый час Энди разговаривал только шепотом, памятуя: совсем рядом спит жена. Кору Беннетт его нервозность явно забавляла. Она наблюдала за ним сквозь сизый дымок своей сигареты и скепти-

чески улыбалась. Ее небольшая, обвислая, как все в этой спальне, грудь в свете ночника сияла темным янтарем. Кора прижала к себе пылающее лицо Энди, капелька ее пота скатилась на его разбитые губы, и их засадило. Никогда прежде он не спал со зрелой женщиной. В этом же есть нечто... возбуждающе постыдное, примерно как переспать с матерью лучшего друга (если бы такой друг у Энди был). Когда страсти улеглись, Кора баюкала измученного болью Энди на своей груди. Так Клэр баюкала малышку, а вот от родной матери Энди подобных нежностей не помнил.

Неожиданно для себя Энди поведал Коре о своем грандиозном плане, которым не делился ни с кем, даже с Клэр. Он прислонился спиной к холодной стене, и, придерживая бутылку коленями — пиво согрелось, а он даже не замечал, — выложил почти все. Он купит дорогущую машину, «линкольн» или «кадиллак», и откроет элитную службу проката. Деньги можно занять у старика Кроуфорда, он же любит корчить из себя Джона Рокфеллера, доброго гения рабочего класса. Энди не сомневался: через год первая машина окупится, он выплатит долг Кроуфорду, а на остаток купит вторую машину и наймет водителя. Лет через пять у него будет целый парк. Энди написал в воздухе его название: «Элитные авто Стаффорда — мечта напрокат». Себя он видел за рулем малинового «спайдера-550», летящего по шоссе на запад... Кора Беннетт слушала с надменной улыбкой, которая при других обстоятельствах дико бы его разозлила. Вероятно, тайком она посмеивалась над радужными мечтами дальнобойщика, но ведь Энди кое о чем умолчал. Например, об обещании матери-настоятельницы поговорить с Джошем Кроуфордом о переводе его, Энди, на работу получше. Вообще-то речь шла о такси, но просто таксистом он в жизни не станет. Вдруг монахиня устроит ему встречу с Кроуфордом? Энди не сомневался, что убедит старика дать ему займы. Ведь ни Джош Кроуфорд, ни сестра с мудреным именем, ни кто другой не подозревали, насколько Энди осведомлен о приютских делах. Энди представлял себя в Норт-Скайтуэйт — там ведь живут Кроуфорды? — на встрече со стариком. Он будет пить вкусный чай в просторной гостиной с пальмами и окном во всю стену и спокойно объяснит мертвенно-бледному, дрожащему старику, что знает о торговле детишками. Джош Кроуфорд прикован к инвалидной коляске — спорить он не станет и легко согласится купить его молчание тысяч за десять...

Кора Беннетт отлепилась от спинки кровати, положила стопу на бедро Энди и едва не засунула ее под боксерки. Энди встал, быстро надел рубашку и брюки. Он уже обувался, когда Кора всем телом прижалась к его спине и обняла за плечи. Энди чувствовал тепло ее груди, выпуклость живота. Клэр тоже так делала... «Уже поздно», — буркнул он, надеясь скрыть нарастающее раздражение. Кора хрипло засмеялась. Да, в мастерстве этой женщине не откажешь — ее тонкие губы творили настоящие чудеса. Разве от Клэр такого дождешься?! Энди в жизни не испытывал ничего подобного! Кора спросила, когда они встретятся, но Энди молча поцеловал ее в губы, встал и решительно застегнул ремень. «Тогда пока, ковбой!» — Кора снова надменно улыбнулась. Обнаженная, она стояла на коленях среди простыней и одеял, в свете ночника грудь казалась особенно плоской и обвисшей, а соски напоминали синяки. Энди не понравилось, что Кора назвала его ковбоем: прозвучало это как-то по-издевательски.

Энди вышел на улицу, обогнул дом — среди ветвей орехового дерева кто-то

прыгал — поднялся по дубовым ступенькам и скользнул за стеклянную дверь. На втором этаже, как он с удовлетворением отметил, царили мрак и тишина. Энди смертельно устал, левое колено и рассеченная губа сильно болели. Как ни хромал, в спальню он пробрался почти беззвучно, только Клэр, конечно же, проснулась и, приподнявшись на локте, взглянула на светящиеся стрелки часов.

— Так поздно, — пролепетала она, — где ты был?

— Нигде.

Клэр сказала, что у него странный голос. Энди отмолчался, тогда она зажгла лампу на тумбочке, увидела рассеченную губу, распухшую щеку, и пошло-поехало... Что случилось? Кто это сделал? Неужели снова драка? Энди застыл посреди спальни, бессильно опустил руки и, потупившись, ждал, когда Клэр угомонится. У женщин, правда, невероятная интуиция, или они верещат и суетятся, чтобы скорее оправиться от шока и включить мозги? Клэр быстро успокоилась, принесла из ванной вату и теплую воду в эмалированной чаше. Усадив Энди на краешек кровати, она обработала раны дезинфицирующим средством, которое сильно жгло и щипало. Энди вспомнилась Кора Беннетт, озаренная тускложелтым светом ночника. Энди чувствовал себя слабым, точно позволил ей забрать то, что никому даже показывать не следовало. Больше всего злило не произошедшее в спальне Кору, а то, что он поделился с ней заветной мечтой.

— Что случилось? — во второй раз спросила Клэр, но куда спокойнее, наверное, потому, что занималась делом. — Рассказывай! — чуть ли не скомандовала она. — Из-за чего подрался? — Склонившись над мужем, Клэр прикладывала к его лицу влажную вату, и Энди ощущал тепло ее тела. Руки у Клэр умелые, удивительно сильные для такой худышки. Вот тебе и вторая мамочка за ночь, только в другом стиле — никаких фокусов и африканских страстей. Чтобы утихомирить Энди, Клэр положила ладонь ему на затылок и ненароком задела шишку. Энди вздрогнул и вдруг догадался: по затылку его огрел не дружок Маккоя, и не ножкой стула, а бармен, чертов бармен Пит бейсбольной битой. В вонючем коридоре этот ирландец спрашивал, хорошо ли Энди себя чувствует. Ну, конечно, он принял сторону Маккоя и его дружков! Предатель! Злоба душила Энди сильнее, чем когда он разбил стакан и прижал «розочку» к жирной шее Маккоя. Он живо представил, как мерзкий ублюдок Пит выползает из-за стойки, становится в позу бэттера[12], поднимает биту и, дождавшись момента, бьет его по затылку. Что же, Пит свое получит! Однажды вечером он закроет бар и двинет домой к ирландской жене и детишкам, а Энди с монтировкой наготове подкараулит его в темном проулке.

Клэр убрала вату со лба Энди и смотрела на него сверху вниз.

— Ну же, Энди, что стряслось?

Живот Энди пронзила раскаленная стрела боли. Он вскочил и, оттолкнув Клэр, проковылял к окну.

— Что стряслось? — зло захохотал он. — Что стряслось? Надо мной весь Бостон смеется — вот что стряслось. Энди Стаффорд — полное ничтожество, даже жену обрюхатить не способен!

Клэр пискнула, как придушенная крыса.

— Господи, это же... — начала она, но осеклась. — Как они могут так говорить?!

Энди мрачно смотрел, как ветер раскачивает ореховое дерево. Клэр знала! В ее голосе явственно слышалось: она знала, знала, что люди будут болтать, переворачивать все с ног на голову и смеяться за его спиной — знала, но не предупредила. Гнев не ослепил Энди: холодный рассудок точно со стороны наблюдал за происходящим, анализировал, решал, что делать дальше. У Энди с детства было так — гнев вперемешку с ледяной отрешенностью. Он вспомнил Кору Беннетт, и злоба вспыхнула с новой силой, подогреваемая обидой на Кору, Клэр, этот дом, юг Бостона, свою работу, Господи, даже на Уилмингтон и никчемных родителей — босяка-отца и мать, с ее коричневым фартуком — точь-в-точь как у Кору Беннетт — в девять утра пахнущую дешевым спиртным и ментоловыми сигаретами. Страшно захотелось шарахнуть кулаком по окну — Энди легко представил, как битое стекло прорезает его плоть до чистой белой кости.

Клэр стояла так тихо, что Энди едва не забыл о ее присутствии.

— Мы попробуем снова, — начала она тоненьким голоском, от которого Энди хотелось лезть на стенку. — Я пойду к другому доктору...

—.. который скажет то же самое, — договорил за нее Энди, так и не отвернувшись от окна. — Сделаю себе плакат и повешу на шею, — невесело рассмеялся он. — Текст будет такой: «Не умею брюхатить, помогите!»

Клэр судорожно вздохнула, явно потрясенная до глубины души, и Энди стало легче.

— Энди, мне очень жаль, — прошептала она.

— Мне тоже. Жаль, что я разрешил тебе взять ребенка. Кстати, кто его мать? Небось шлюха ирландская?

— Пожалуйста, не надо! — Клэр прижала ладонь к его затылку, чтобы помассировать: иногда Энди нравился массаж. Сегодня он дернул головой: отстань, мол, и тут же об этом пожалел, но не из-за Клэр, а из-за боли. Казалось, в макушку залили что-то густое и жирное, колышущееся от малейшего движения. По улице медленно проехала машина с горящими фарами, включенными на ближний свет. Бледно-зеленый «студебекер» с белым верхом... «Кто в четыре утра катается на "студебекере" по Фултон-стрит?» — удивленно подумал Энди.

— Пойдем спать! — тихо и устало проговорила Клэр. Энди вдруг почувствовал себя выжатым как лимон и покорно шагнул за ней к кровати. «Интересно, Клэр уловит запах Кору?» — лениво подумал он, снимая рубашку, и понял, что ему совершенно наплевать.

Глава 18

Квирк не считал себя ни бесстрашным, ни просто смелым. Настоящему испытанию его смелость пока не подвергалась, и он искренне верил, что не подвергнется. Войны, убийства, вооруженные ограбления, физическое насилие и членовредительство — любимые темы журналистов, но, по мнению Квирка, они существовали в некоем параллельном мире, управляемом и населенном людьми куда злей и опасней его знакомых. Впрочем, жертв того страшного мира ежедневно привозили в его отделение. Порой Квирк чувствовал себя фельдшером военного госпиталя, расположенного далеко за линией фронта, в который почему-то привозят не раненых, а только погибших. Ему ни разу не приходило в голову, что в один прекрасный день его самого привезут в секционный зал на каталке, изувеченным и окровавленным, как бедную Долли Моран.

Осенним вечером, когда два бандита аустились перед ним из тумана, Квирк сразу узнал обитателей мира, о котором прежде читал лишь в газетах. Они словно источали безжалостность — посмотришь на таких и сразу чувствуешь: эти двое не остановятся ни перед чем. Хроническая злость, обида и дефицит любви развились в равнодушие и своеобразную терпимость — чтобы убивать и калечить, бандитам не требовалось чувство враждебности. Это же работа, которую можно выполнять механически! Бандиты пахли чем-то сладким, тяжелым, несвежим. Квирк хорошо знал этот запах, но не понимал, откуда. На углу Фитцуильям-стрит он остановился буквально на секунду, сигарету закурить, поднял голову, а бандиты, вот они, уже взяли его в тиски. Тощий краснолицый стоял слева, а толстый с большой головой — справа. Ухмыльнувшись, Тощий поднял средний и указательный пальцы ко лбу в издевательском приветствии. Он до жути напоминал Панча[13] и красными щеками, и большим крючковатым носом, острый кончик которого едва не касался нижней губы.

— Добрый вечер, командир!

Квирк обвел их настороженным взглядом и, не говоря ни слова, зашагал через доршу. Бандиты без труда нагнали его, даже толстяк с непропорционально большой головой, глазками-бусинками и копной жестких, как конский хвост, волос. Если тощий — Панч, значит толстяк — Джуди[14]. Квирк велел себе не спешить и идти нормальным шагом, только разве такое возможно?

— Эй, мы тебя знаем! — бесцеремонно начал Панч.

— Ага, знаем, — поддакнул Джуди.

На углу Маунт-стрит Квирк остановился. Мимо, ежась от холода и сырости, шли офисные служащие. «Очевидцы, — думал Квирк, — молчаливые наблюдатели».

— Что вам надо? — спросил он вслух, — Денег у меня с собой нет.

Панча его заявление очень развеселило.

— Он считает нас нищими! — фыркнул он, обращаясь к толстяку Джуди.

Тот сокрушенно покачал головой и загоготал.

Квирку казалось, что самое разумное — до конца играть в недоуменное раздражение. Он, добропорядочный гражданин, возвращается домой после работы, а эти нахалы хотят помешать его заслуженному отдыху. Квирк огляделся

по сторонам: за минуту вокруг стало темнее, а туман — гуще.

— Кто вы? — спросил Квирк. Очень хотелось изобразить праведный гнев, а получилось сварливо и раздраженно.

— Мы — живое предупреждение, — нахально ответил Панч. — Да, именно так.

Недовольно заворчав, Квирк выкинул сигарету — совершенно забытая, она успела потухнуть — и зашагал к своему дому. Примерно то же самое он ощутил в пабе «Макгонагл», осознав глубинный смысл послания Косгигана. Вокруг люди, до дома рукой подать — бояться нечего. Однако он почувствовал себя щепкой, которая наверняка пострадает, ведь кто-то начал рубить лес. Сбежать не получалось, совсем как в кошмарном сне: как ни прибавляй шагу, Джуди и Панч догоняли.

— Мы тебя видели! — голосом ябеды заявил Панч. — Зря околачиваешься, где не следует, особенно в такую погоду.

— Еще простудишься! — вставил Джуди.

Панч кивнул — огромный нос напоминал серп в ловкой руке жнеца.

— Ага, заболеешь и умрешь, бывает же такое? — спросил он приятеля.

— Еще как бывает! — заверил Джуди.

У своего дома Квирк остановился и лишь огромным усилием воли сдержался, чтобы вприпрыжку не побежать вверх по лестнице.

— Твоя берлога? — спросил Панч. — Шикарная!

В полном смятении Квирк гадал, захотят ли бандиты войти. Вдруг поднимутся с ним по лестнице, ворвутся в квартиру и... И что потом? Страх уже превратился в панику и спутал все мысли. Что делать? Залететь в холл с криками, чтобы мистер Пул вызвал полицию? В этот самый момент бандиты отступили, и Панч снова прижал средний и указательный пальцы ко лбу.

— Ну, командир, до скорого!

Секунду спустя они исчезли, растворившись во мраке и тумане. Остался лишь слабый запах, и сейчас Квирк его узнал. Тяжелый, сладковатый, терпкий — так пахнет кровь.

Разбудила Квирка визгливая трель дверного звонка. Надо же, заснул в кресле у камина! Во сне он спасался от погони в незнакомом городе — бежал по широким шумным улицам и каменным галереям, мимо тенистых садов с мраморными статуями, прудов с декоративными рыбками и вычурного топиария[15]. Преследователей Квирк не видел, но знал: они неумолимы и остановятся, лишь загнав его в угол. Он проснулся в своем кресле: голова наклонена набок, рот раскрыт — ну и поза! Туфли и носки валялись на полу у кресла. В окно стучал дождь. Квирк взглянул на часы: неужели еще за полночь не перевалило? В дверь снова позвонили, на сей раз двумя короткими злыми трелями. Квирк не просто слышал трель, а, казалось, видел, как язычок электрического колокола бешено бьется о металлический купол. Господи, ну откуда взялись галереи и топиарий?! Глаза отчаянно слипались, но Квирк, часто-часто моргая, распахнул окно и высунул голову под ночной ливень. Туман рассеялся, на улице бушевали дождь и ветер. Под окном стояла Фиби, зябко обнимая себя за плечи. Конечно, ей холодно: ни пальто, ни плащ не надела.

— Впусти меня! — закричала она. — Я же утону!

Квирк достал ключ из чаши, стоявшей на каминной полке, и бросил Фиби. Ключ блеснул в темноте, с металлическим лязгом упал на дороту, и девушка

за ним наклонилась. Квирк закрыл окно и стал ждать Фиби у двери: спускаться в фойе, где, возможно, караулит не смыкающий глаз мистер Пул, совершенно не хотелось. Когда Квирк высовывался из окна, ворот рубашки намок и сейчас приятно холодил шею и плечи. Он стоял босой, и стопы тоже наслаждались прохладой. Открылась парадная дверь, минуту спустя снизу прилетел свежий ночной ветерок и ласково скользнул по щеке Квирка. Ветерки, сквознячки, шелест листьев в верхушках деревьев он любил всегда, а сейчас, вероятно, еще не проснулся. Послышались голоса — Пул о чем-то спрашивал Фиби — потом неровные шаги на лестнице. Квирк вышел навстречу Фиби. Вот и она — длинные мокрые волосы — точь-в-точь как у Медузы горгоны — блестящие обнаженные плечи, босые ноги. Туфли Фиби несла в руках, подцепив ремешки указательными пальцами, сумочку зажала под мышкой. Темно-синее бархатное платье промокло насквозь.

— Боже милостивый! — пролепетал Квирк.

Фиби приехала сюда на такси с вечеринки. Там, вероятно, и осталось ее пальто.

— Видишь ли... — с трудом пролепетала Фиби. — Я немного пьяна.

Квирк усадил ее на диван — мокрый бархат так и хлюпал. Девушка озиралась по сторонам и глупо улыбалась.

— Боже милостивый! — снова прошептал Квирк, гадая, как бы от нее избавиться, и поскорее. Из ванной он принес полотенце и швырнул Фиби на колени. Девушка все озиралась по сторонам с озадаченным видом.

— У меня в глазах двоится! — гордо объявила она.

— Вытри волосы! — процедил Квирк. — Ты мне мебель портишь.

— Я вымокла, потому что ты заставил меня ждать, — объявила Фиби из-под полотенца. — Ну, еще потому что по ошибке вышла из такси на Лоуэр-Маунт-стрит.

Квирк ненадолго отлучился в спальню, надеясь подобрать Фиби какую-нибудь одежду. Когда вернулся в гостиную, она уже бросила полотенце на пол и со стоящими дыбом волосами еще больше напоминала Медузу горгону.

— Что это за тип внизу? — спросила девушка. Наверное, мистер Пул.

— Пожилой такой, в галстук-бабочке?

— Да, это точно он.

— Он спросил, куда я иду. Я сказала, что к дяде, но, по-моему, он не поверил! — Фиби захихикала, но вдруг простонала: — О-ох, у меня из носа течет! — Она вытерла нос тыльной стороной ладони, — а потом попросила выпить.

Квирк прошел на кухню, засыпал кофе в кофеварку, поставил на огонь и приготовил поднос для Фиби — чашку, сахар, молоко в молочнике.

— А где была вечеринка? — крикнул он.

— Не твое дело, — голос Фиби звучал приглушенно — Квирк заглянул в гостиную, но тут же отпрянул, увидев девушку в одном белье. Она подняла руки и снимала платье через голову. «Фигурка типично кроуфордская!» — про себя отметил Квирк. Подобно матери и тетке, осиной талией Фиби похвастаться не могла, зато ей достались красивые длинные ноги. Кофе уже фырчал, но Квирк не торопился его подавать: пусть Фиби переоденется.

Когда он принес кофе в гостиную, Фиби, вырядившаяся в его свитер и брюки — на ней они сидели, как клоунские штаны — вертела в руках деревянную фи гурку на шарнирах.

— Не трогай! — выпалил Квирк. Девушка оставила фигурку и, не обернувшись, застыла с понуро опущенной головой, руки у нее самой болтались, как на шарнирах. — Вот твой кофе, — куда мягче проговорил Квирк. Фиби наконец обернулась: по щекам текли слезы размером с горох. Тяжело вздохнув, Квирк опустил поднос на пол перед диваном и осторожно прижал ее к себе. Девушка не сопротивлялась. Уткнувшись в его плечо, она что-то пролепетала.

— Что? — спросил Квирк, надеясь, что прозвучало не слишком раздраженно. Господи, ну почему женщины вечно плачут?! — Прости, я не расслышал.

Фиби отстранилась и, драматически всхлипывая, проговорила:

— Они не позволяют мне выйти... Не позволяют выйти за Конора Каррингтона!

Квирк повернулся к каминной полке и достал сигарету из серебряной сигаретницы, которую Сара и Мэл подарили на свадьбу.

— Они не позволяют выйти за него, потому что Конор — протестант, — рыдала Фиби. — Даже встречаться с ним запрещают.

В зажигалке не осталось бензина. Квирк похлопал по карманам. Э-эх, последняя спичка ушла на розжиг камина... На столе с мраморной столешницей лежал вчерашний номер «Ивнинг мейл». Квирк Тайна Кристин Фоллс оторвал полоску от страницы, обнажив театральную афишу, напечатанную на следующей, и зажег обрывок от камина. Хорошо, хоть руки больше не тряслись! Сигарета показалась безвкусной, и он подумал, что нужно наполнить сигаретницу свежими.

— Ну? Что ты на это скажешь? — в голосе Фиби звучал страх и возмущение.

«Джуди и Панч», популярнейшая комедия на все времена! — вещала афиша. — Последние три представления!» Ах, тощий Панч, что ты натворил?!

— Что, по-твоему, я должен сказать? — вяло спросил Квирк.

— Хоть удивление изобрази!

Рыдать Фиби перестала и теперь громко шмыгала носом. Поддержки она не ждала, но надеялась на сочувствие. Девушка смерила Квирка возмущенным взглядом. Казалось, в этой обстановке Квирку неуютно. Сколько она помнила, дядя всегда жил здесь. Совсем маленькую мать приводила ее в гости — даже в том возрасте Фиби чувствовала, что играет роль дуэньи. Стрлько лет прошло, неужели ему по-прежнему неуютно? Босой, с широкими плечами, сильной спиной и неожиданно маленькими стопами он напоминал дикого зверя — медведя, нет, скорее, невообразимо красивую белую гориллу, которая выросла в неволе, но к клетке так и не привыкла.

Девушка встала рядом с Квирком, облокотившись на высокую каминную полку, к которой он прижимался спиной. Опьянение прошло — по-настоящему пьяной она и не была, хотя отчаянно убеждала себя в обратном — накатили усталость и грусть. Девушка всмотрелась в стоящие на полке фотографии.

— Тетя Делия была такой красавицей! — проговорила она. — Она при тебе... Ну... — Квирк покачал головой, даже не взглянув на нее. «Профиль у него как на старой монете, — подумала Фиби. — Такому любой император позавидует!» — Ну, расскажи! — попросила она.

— Мы поссорились, — холодно, чуть раздраженно начал Квирк. — Я убежал в паб и напился. Потом помню больницу — я держал Делию за руку, но она уже умерла. Умерла, а я даже протрезветь не успел...

Фиби снова посмотрела на фотографии в дорогих серебряных рамках. Вот

четверка в теннисной форме — Фиби обвела их силуэты кончиком пальца — отец, мама, Квирк и бедная тетя Делия — молодые, улыбающиеся, беззаботные.

— А они очень похожи, ну, мама и тетя Делия, даже для сестер... Обоих ты любил, обоих потерял. — Разумеется, Квирк промолчал. Фиби пожалала плечами, гордо подняла голову, взяла со стола газету и притворилась, что читает. — Тебя ведь не волнует, что мне не позволяют выйти за Конора? — Фиби бросила газету и, сев на диван, скрестила руки на груди. — Квирк опустил на одно колено и налил ей кофе, но Фиби по-детски демонстративно отвернулась. — Я просила настоящую выпивку! — Квирк поставил чашку на поднос, взял еще одну сигарету, оторвал от газеты еще одну полоску — на сей раз саму афишу — и зажег ее от камина.

— Помнишь Кристин Фоллс? — спросил он.

— Кого? — вызывающе переспросила Фиби, не удостоив Квирка взглядом.

— Одно время она помогала твоей маме по хозяйству.

Так ты о служанке Крисси? Которая умерла?

— Ты ее помнишь?

— Ага, — пожалала плечам Фиби, — по-моему, она папе нравилась. Бледненькая такая, симпатичная. Почему ты спросил?

— Знаешь, от чего она умерла?

Девушка покачала головой.

— От легочной эмболии. Слышала о таком заболевании? — В груди Квирка комом дождевых червей шевелились вопросы и подозрения. Кто подослал к нему бандитов? Кто велел его напугать? «Мы — живое предупреждение. Да, именно».

— Легочная эмболия? — сонно переспросила Фиби. — Это как туберкулез? — Она подняла ноги на диван и легла, прижав щеку к подушке.

— Нет, это при эмболии оусток крови забивает легочную артерию.

— Ага...

— Однажды я наблюдал совершенно невероятный случай эмболии. В отделение привезли старика, совсем дряхлого. Помню, вскрыли легочную артерию и на тебе, оусток, дюймов девять длиной, толстый, как большой палец... — взглянув на Фиби, Квирк увидел, что она заснула. Вот что значит бесцеремонность молодости! В старом свитере и мешковатых брюках девушка казалась такой хрупкой и уязвимой... Квирк взял плед со спинки кресла, стоящего у камина, и аккуратно накрыл им Фиби. Она судорожно выдохнула, не открывая глаз, потерла нос, что-то пробормотала и закуталась в плед. Квирк отошел от дивана и, отвернувшись от каминной полки, стал наблюдать за Фиби. Всем стараниями вопреки, Кристин Фоллс и ее несчастный ребенок проникали в мысли, как лезвие ножа — между дверной коробкой и запертой дверью. Кристин Фоллс, Мэл, Костиган, Джуди и Панч... — Только учти, бедная Крисси умерла не от эмболии, — тихо сказал он спящей девушке. — Хотя так написал в ее досье твой папа, которому она очень нравилась.

Квирк посмотрел в окно, которое никогда не зашторивал. Дождь перестал, и, прижав лицо к стеклу, он увидел луну и бегущие облака с прожилками, которые городская иллюминация окрашивала в синевато-багровый. Взглянув на Фиби, Квирк достал из расшитой блестками сумочки записную книжку в красной кожаной обложке, которую подарил племяннице на последний день рож-

дения, и, разыскав нужный номер, подошел к телефону.

А вот и Конор Каррингтон! Увидев его, Квирк открыл все то же окно и бросил ключ вниз прежде, чем молодой человек позвонил в дверь. В отличие от жены, у мистера Пула лисьи уши, ему и три этажа не помеха. Фиби по-прежнему спала на диване, ее вещи — платье, комбинацию и чулки Квирк развешил на кресле перед камином и просушил. Девушка не просыпалась, и Квирк как следует потряс ее за плечо. Когда она открыла глаза, в них читался животный страх. Казалось, сейчас она выскочит из-под покрывала и даст деру.

— Спокойно! — бесцеремонно проговорил Квирк. — За тобой приехал юный Локинвар[16].

Пока Квирк собирал ее вещи, Фиби сидела, понурившись, потом неуверенно встала. Со сна губы были совсем сухие — девушка облизала их, взяла вещи и позволила Квирку отвести себя в спальню.

Квирк сразу понял: Конор Каррингтон из тех, кто входит бочком, даже не входит, а проскальзывает. Высокий, жилистый, с длинным бледным лицом и гибкими белыми руками он напоминал чахоточных героев викторианских романов. Нет, это если придирааться, а по всей справедливости Конора следовало назвать привлекательным, хотя и слегка тщедушным. С другой стороны, Конору Квирк явно не понравился, но дело тут опять-таки было в нервах и подозрениях. Конор приехал в коротком твидовом пальто поверх темного в тонкую полоску костюма, больше подходящего мужчине, не желавшего становиться его тестем, и мягкой фетровой шляпе, которую держал обеими руками. «С таким видом на поминки малознакомых людей приходят», — подумал Квирк. Конор отдал ему ключ, а шляпу протянул неуверенно, словно боялся, что ее не вернут.

Корон скользнул в гостиную — бочком, снова бочком — и огляделся по сторонам, будто без слов задавая вопрос.

— Фиби выйдет через минуту.

Каррингтон кивнул, поджав неожиданно пухлые розовые губы — настоящий домашний мальчик!

— Что произошло?

— Фиби была на вечеринке, очевидно, не с вами. Вам нужно лучше за ней присматривать! — Квирк показал на поднос. — Выпьете кофе? Нет? Правильно, все равно остыл. Курите? — Молодой человек снова покачал головой. — Никаких слабостей, да мистер Каррингтон? Вероятно, мне можно на «ты». Давай я буду звать тебя Конором, а ты меня — мистером Квирком.

Пальто Каррингтон так и не снял.

— Почему она приехала сюда? — недовольно спросил он. — Могла мне позвонить. Я прождал целый вечер.

Квирк подавил кривую усмешку: в котором часу ложится спать этот милый юноша?

— По словам Фиби, родители не позволяют ей за тебя выйти, — объявил Квирк и встретил недоуменный взгляд Конора. Они были почти одного роста, широкоплечий мужчина и тщедушный юноша. Квирк с удовлетворением отметил: если он и уступает полдюйма, то лишь потому, что стоит босой. — Боясь, им не нравится твое племя.

— Мое... племя? — Каррингтон порозовел и тактично откашлялся в кулачок.

Квирк пожал плечами: к чему развивать эту тему?

— А ты вопрос-то поднимал? — только и спросил он.

Каррингтон снова кашлянул в кулачок.

— Мистер Квирк, думаю, нам не стоит об этом говорить.

— Да, ты, пожалуй, прав.

Из спальни вышла Фиби. Увидев ее прическу а-ля Медуза горгона и влажное платье, липнущее к ногам, Конор Каррингтон поднял брови и нахмурился. Фиби держала в правой руке чулки, еще не совсем сухие, в левой — босоножки на высоком каблуке. Через левый же локоть она перекинула вельветовые брюки Квирка.

— Что ты здесь делаешь? — удивленно спросила она.

— Мистер Квирк вызвал меня по телефону. — Каррингтон обжег ее гневным взглядом, но фраза получилась довольно сухой и невыразительной. — Пошли, я отвезу тебя домой! — проговорил он, понизив голос до хриплого шепота.

— Ага, сейчас!

— Пожалуйста, Фиби! — шепот Каррингтона прозвучал резче и раздраженнее.

Квирк устроился у камина и, как зритель теннисного матча, поочередно смотрел то на одного, то на другую.

— Парень, на твоём месте я бы вызвал ей такси. Вряд ли Гриффины поймут и оценят, если в три утра у их дома остановится старая машина, и из нее выберешься ты с пьяной Гонорией Глоссоп[17] в обнимку.

Фиби ответила хитрой заговорщицкой улыбкой.

— Пошли! — куда громче проговорил Конор Каррингтон, в голосе которого слышалось отчаяние. — Обувайся!

Фиби уже обувалась — как цапля, подняла одну ногу, а другую согнула, пытаясь надеть непослушную сырую туфлю. На лице поочередно мелькали досада и раздражение. Каррингтон снял пальто и накинул девушке на плечи. В простом жесте было столько нежности и заботы, что Квирк невольно растрогался. Интересно, откуда этот Каррингтон — из Мита или из Килдэра? Богатая земля, богатое наследие. Скорее всего, покрутится несколько лет в юриспруденции и с удовольствием вернется на землю отцов. Сейчас Конор почти мальчишка, но ведь опыт приходит с годами. Пожалуй, Фиби сделала неплохой выбор: все могло быть куда хуже.

— Конор! — позвал Квирк. Молодые люди обернулись чуть ли ни синхронно: лица у обоих свежие, глаза ясные. — Конор, ты должен бороться.

Глава 19

Квирк с Барни Бойдом договорились встретиться у моста на Бэггот-стрит. Они брели тем же самым бечевником, по которому Квирк гулял с Сарой в воскресенье, казавшееся сейчас древней историей. Стояло прохладное ноябрьское утро, солнце вяло пробивалось сквозь туман, вокруг царила почти невероятная тишина, словно в Дублине из живых остались только Квирк и Бойл. Барни явился в черном пальто почти до пят. Без пуговиц и пояса, при ходьбе оно развевалось, как тяжелая накидка. На улице, среди бела дня Барни казался робким, чуть ли не беспомощным. Он заявил, что давно не видел мир в лучах утреннего солнца, но перемен к лучшему не замечает.

— Типичное отравление свежим воздухом! — пошутил Квирк, когда Барни закашлялся. — Вот, закури! — Он чиркнул спичкой, Барни наклонился вперед и, прикрывая пламя своей детской ладошкой, легонько коснулся пальцами его руки. Квирк чуть не вздрогнул: не по нутру ему эти нежности, хотя пока все было в рамках приличия. Неужели сплетники не врут, и Бойл впрямь западает на мальчиков?

— Господи, вот так-то лучше! — прохрипел Барни. «Народный» поэт и драматург, Барни Бойл, вопреки якобы гомосексуальным наклонностям, жил с миловидной женой, которая не только терпела его выходки, но и рисовала изящные акварели, в премилом домике с оштукатуренными стенами в зеленом районе Доннибрук. Впрочем, корни есть корни, и связь с дублинским дном не обрывалась ни на секунду. Квирку потребовалась информация, и Барни, как он сам выразился, «постучался в нужные двери».

— Долли знают все плюшки, — заявил он. Квирк кивнул, а сам подумал: «Плюшки, это, очевидно, шлюшки. Дело только в рифме или тут более тонкая ассоциация? И те и другие сладкие... У Барни же никаких штампов, сплошные авторские перлы» — К ней они ходили, когда возникали проблемы.

— Какие еще проблемы?

— Ну, нежелательные последствия профессиональной деятельности.

— И Долли устраняла эти последствия? Сама?

— По словам плюшек, она простой вязальной спицей управлялась, но мастерски. Денег, похоже, не брала. Работала, как говорится, ради славы.

Так на что она жила?

— Ее хорошо обеспечивали. По крайней мере, так говорят.

— Кто обеспечивал?

— Неизвестное лицо или лица.

Квирк хмуро уставился в туман.

— Только взгляни на этих тварей! — воскликнул Барни, остановившись. Из-за осоки выплыли три утки и негромко закричали, словно на что-то жалуются. — До чего же я их ненавижу! — Бойл даже лицом просветлел. — Я рассказывал тебе историю про моего папашу и уток?

— Да, Барни, и не раз.

— Ну, тогда извини, — надулся Бойл, уже докуривший сигарету. — Пойдем выпьем?

— Побойся бога, Барни, сейчас же всего одиннадцать!

— Правда? Господи, тогда пошли скорее!

Они завернули в паб «47» на Хаддингтон-роуд. В такое время других посети-

телей не оказалось. Неподвижный воздух провонял табачным дымом. Бармен в рубашке с коротким рукавом читал спортивную колонку вчерашней «Индепендент». Барни заказал бутылку портера и порцию виски, чтобы его «запить». От резкого запаха портера и едкого — солодового виски у Квирка зачесалось в носу.

— А про парочку, что меня донимала, ничего не выяснил? — поинтересовался он.

Барни отлепил по-детски аккуратный розовый рот от стакана и стер желтоватую пену с верхней губы.

— По твоим рассказам, носатый похож на Терри Торми, брата Эмби Торми, который раньше входил в Звериную банду.

— Эмби? — удивленно переспросил Квирк.

— Да, уменьшительное от имени Эмброуз. Не спрашивай меня, не я его так назвал!

— А второй тип?

— Как же его, Кэллахан? Нет, Галлахер! Парень немного с приветом, зато, когда заведется, очень опасен. Если, конечно, это тот, кто тебя интересует. — Эффектно отставив мизинчик, Барни поднял стакан с виски, залпом осушил его, поморщился, шумно втянул воздух и, опустив стакан на стойку, взглянул на бармена.

— Aris, mo bhuaichailfn![18] — попросил он.

Медленно и совершенно безмолвно бармен налил янтарную жидкость в мерный стакан из олова и перелил в стакан Барни. За маленькой церемонией наблюдали и Квирк, и Бойл, хотя заплатить пришлось Квирку. Бойл велел бармену оставить ему всю бутылку.

— Лучше сопьюсь, чем судьбе покорюсь! — пояснил он и искоса взглянул на Квирка: каламбур был уже, что называется, «с бородой», впрочем, как и многие другие.

Квирк подумал, что Бойл превратился в назойливого Фальстафа[19], хотя, если честно, сам рядом с ним на короля Генриха не тянул. Раздосадованный, он заказал «кофе по-местному» — кипяток с капелькой черного сиропа из квадратной банки с надписью: «"Ирел", лучший кофе Ирландии». В сомнительного вида напиток Квирк всыпал три чайные ложки сахара, три с горкой! «Что я здесь делаю?» — беззвучно спросил он себя. Барни словно прочел его мысли, смерил насмешливым взглядом и доннибрукским елейным голоском спросил:

— Похоже, ты выбит из колеи, да, Квирк? Терри Торми с придурковатым приятелем, убитая Долли Моран... Что ты задумал?

Другим туманным утром Квирк в черном пальто со шляпой в руках вышел из дома и натолкнулся на детектива-инспектора Хакетта. Детектив, тоже в пальто, только форменном, и в шляпе прогуливался по тротуару и курил. При виде Хакетта с его широким лицом и обманчиво-дружелюбной улыбкой сердце Квирка пустилось галопом, как у преступника. Мимо на высоких черных велосипедах проехали три молодые монахини — три пары прикрытых длинным одеянием ног работали практически синхронно. Сырой воздух пропах дымом и выхлопными газами. «Зима наступила, — мрачно подумал Квирк, — а я все так же спешу на службу вскрывать трупы».

— Доброе утро, мистер Квирк! — поприветствовал детектив, бросил бычок

на асфальт и раздавил носком ботинка. — Я случайно проходил мимо и подумал: вдруг вас перехвачу?

Квирк не спеша спустился по лестнице и надел шляпу.

— Сейчас половина девятого, — сказал он. — В это время вы «случайно» проходили мимо?

Хакетт улыбнулся еще шире.

— Ага, с детства рано встаю.

Они вместе зашагали к Меррион-сквер.

— Наверно, в детстве вы поднимались в пять утра, чтобы коров подоить, — съязвил Квирк.

— Как вы догадались? — усмехнулся Хакетт.

Квирк мечтал поскорее от него отделаться и украдкой оглядывал улицу в поисках такси. Накануне вечером он был в пабе «Макгонагл» и сейчас боялся в порыве наговорить лишнего, тем более Хакетт был подозрительно дружелюбен. Увы, такси не подвернулось. На Фитцуильям-стрит они попали в толпу закутанных клерков, спешащих в государственные учреждения. Хакетт закурил, закашлялся, и Квирк, закрыв глаза, прислушался к шороху слизи в бронхиолах инспектора.

— Есть подвижки по делу Долли Морган? — спросил Квирк.

После секундной паузы Хакетт не засмеялся, а заржал так, что плечи задрожали. Фасады с высокими окнами взирали на него с холодным неодобрением.

— Ах, мистер Квирк, вы слишком часто ходите в кино! — радостно воскликнул он, поднял шляпу, ладонью той же руки вытер лоб и опустил шляпу на место. — Так, значит, подвижки... У нас целый набор отпечатков пальцев, волосы, окурок «Балканского собрания» — пепел я сразу узнал — и счастливая обезьянья лапа, оброненная человеком восточного происхождения, вероятно, матросом-индийцем. — Инспектор ухмыльнулся, между зубами мелькнул кончик языка. — Нет, мистер Квирк, серьезных подвижек нет, если, конечно, не считать подвижкой то, что мне велено закрыть дело. — На глазах изумленного Квирка инспектор почесал нос и снова ухмыльнулся. — Приказ свыше, — тихо добавил он.

Впереди замаячил купол здания парламента. Похожее на огромный каменный пудинг за воротами, оно вдруг показалось Квирку зловецим.

— О чем это вы? — спросил он, нервно сглотнув. — Что значит приказ свыше?

— Только то, что я сказал, — пожал плечами инспектор, разглядывая носки своих ботинок. — Дело Долли Моран я больше не веду, так что если подвижки, как вы изволили выразиться, и будут, то не моими стараниями.

Они вышли на угол Меррион-сквер. Полицейский, охранявший здание парламента, взглянул на них с вялым любопытством: Квирк и Хакетт застыли среди толпы чиновников и клерков, спешивших на рабочие места. Вероятно, постовой узнал Хакетта: в полиции инспектор был весьма известен.

— Мистер Квирк, вы ни о чем не хотите рассказать? — спросил Хакетт, прищурившись. — Почему-то мне кажется, вас тяготит тайна? Я прав? — внезапно инспектор заглянул Квирку прямо в глаза.

— Я от вас ничего не утаил, — буркнул Квирк и потупился.

— Видите ли, прежде чем мне велели закрыть дело — вероятно, поэтому его и велели закрыть — я выяснил, что Долли Моран работала у старшего

судьи Гриффины. Во время нашего разговора в больнице эту маленькую деталь вы утаили. Понимаю, из памяти выпало. А сейчас вы, родственник Гриффинов, спрашиваете о подвижках в деле Долли Моран. Странновато, правда, доктор Квирк? — с улыбкой спросил инспектор. — Только задерживать вас я не стану, вы же человек занятый. — Инспектор уже двинулся прочь, но вдруг замер. — Кстати, Долли Моран не упоминала прачечную Пресвятой Богоматери? — Квирк покачал головой. — Она в Инчико-ре. Монахини принимают согрешивших девушек, и те трудятся в прачечной, пока — как же правильно выразиться? — не искупят свой грех. Говорят, Долли Моран имела к монастырю какое-то отношение. Я беседовал с матерью-настоятельницей, но она клянется, что о Долли Моран не слышала. Святотатство, конечно, но я считаю, что святая женщина мне солгала.

— Нет, — проговорил Квирк, откашлявшись, — прачечную Долли не упоминала. Она вообще со мной не откровенничала. Наверное, не доверяла.

Хакетт склонил голову набок и взглянул на Квирка внимательно, но при этом бесстрастно — так художники-портретисты смотрят на натурщиков.

— Чувствуется, бедняжка Долли умела хранить секреты, — со вздохом проговорил он. — Упокой, Господь, ее душу. — Инспектор кивнул и зашагал обратно, в сторону Фитцуильям-стрит.

Квирк смотрел ему вслед. Да уж, бедняжка Долли! Порыв ветра раздул полы форменного пальто, наполнив их, словно паруса, за которыми на миг скрылся силуэт инспектора.

— Извините, мистер Квирк, но помочь я вам не смогу. — Взгляд монахини метался испуганной птицей, тонкие, как веточки, пальцы, перебирали невидимые четки. Квирк с удивлением понял, что она красива, точнее, когда-то была красива. Высокая, стройная, в рясе с мягкими складками вокруг тонкой талии, она напоминала статую, а безупречной голубизны глаза просвечивали насквозь. Квирк подумал, что, присмотревшись внимательнее, увидит череп. Звали ее сестра Доминика. «Настоящее имя или нет?» — гадал Квирк. — Говорите, та девушка умерла?

— Да, при родах.

— Как печально... — Монахиня поджала губы, и они превратились в бескровную полоску. — А что стало с ребенком?

— Не знаю, но хотел бы выяснить.

Они стояли в ледяной тишине коридора, выложенного белой и черной плиткой. Из глубины здания доносился гул стиральных машин и визгливые женские голоса. Пахло сырым бельем — хлопком, шерстью, льном.

— А Долорес Моран, — снова начал Квирк, — Долли Моран никогда у вас не работала?

Монахиня потупилась и покачала головой.

— Извините, — повторила она чуть слышным шепотом.

Невысокая коренастая девушка с копной яркорыжих волос появилась в коридоре, толкая огромную плетеную корзину на колесиках. В корзине наверняка лежало белье, потому что девушка двигала ее с трудом — низко опустила голову, выгнула спину, а пальцы, сжимающие потертые деревянные ручки, побелели от напряжения. Она была в широком сером халате и серых же чулках, которые гармошкой спускались на красные лодыжки, торчащие из мужских военных ботинок. Расшнурованные, ботинки совершенно не подходили

ей по размеру. Квирка и монахиню девушка не видела, она толкала вперед мерно скрипящую корзину. В итоге им пришлось вжаться в стену, чтобы ее пропустить.

— Мэйзи! — резко окликнула девушку монахиня. — Ради бога, смотри, куда идешь!

Мэйзи остановилась, взглянула на них, и Квирку почудилось, что она сейчас захохочет. Круглое невыразительное личико усыпали веснушки, казалось, к широким ноздрям забыли добавить нос, а губы маленького рта вывернули наизнанку.

— Простите, сестра, мне очень жаль, — проговорила девушка, хотя по тону чувствовалось, что ей совершенно не жаль. Квирка она разглядывала с живейшим интересом — костюм в елочку, дорогое черное пальто, мягкую фетровую шляпу в его руках. Правый глаз Мэйзи дернулся — интересно, это тик, или она ему подмигнула?

— Ну, не теряй времени! — куда мягче проговорила сестра Доминика, которая, как подумал Квирк, не совсем подходила для работы с девушками, в чем бы она ни заключалась.

— Ни секундошки, сестра! — отозвалась Мэйзи, еще раз стрельнула глазками в сторону Квирка и поволокла корзину дальше.

Сестра Доминика, которой явно не терпелось от него избавиться, понемногу отступала к украшенному витражным стеклом вестибюлю: пора, мол, вам, пора! Квирк не отставал ни на шаг, теребя свою шляпу так же, как она недавно перебирала невидимые четки. Вопреки отрицаниям монахини, он чувствовал: Кристин Фоллс жила здесь, по крайней мере, временно, до того, как Долли Моран забрала ее к себе в Стоуни-Баттер. Он живо представил ее бредущей по этим коридорам в таком же сером халате, как у Мэйзи. Волосы здесь не покрасишь, и они, отрастая, из белокурых превращались в скучные темно-русые; костяшки пальцев сбились в кровь, а ребенок уже вовсю шевелился в ее чреве. Как же Мэл отправил ее сюда?!

— Повторяю, никакой Кристин Фоллс здесь не было, — заявила сестра Доминика. — Я бы наверняка запомнила, как помню всех наших девочек.

— Что случилось бы с ее ребенком, роди она его здесь?

Монахиня не сводила глаз с собственных колен. Она упорно приближалась к двери, и Квирку оставалось лишь следовать за ней.

— Здесь она бы не родила.

— Что?

— У нас прачечная, мистер Квирк, а не больница! — На миг расхрабрившись, она с вызовом взглянула на Квирка, потом снова потупилась.

— И где родился бы ребенок?

Это мне неизвестно. Девушки появляются у нас уже... после родов.

— Значит, матери попадают сюда, а дети?

— В приют, разумеется, ну или... — Сестра Доминика осеклась. Она уже подвела Квирка к двери в глубине вестибюля, распахнула ее с явным облегчением и отступила на шаг, ожидая, что он уйдет. Квирк, однако, застыл на пороге. Он буравил ее взглядом, надеясь смутить и выжать хоть что-нибудь. Увы, ничего не выжималось. — Мистер Квирк, эти девушки нередко остаются с бедой один на один. Зачастую родные их отвергают и посылают сюда.

— Ясно, — холодно проговорил Квирк, — вы — настоящее спасение для

этих девушек.

Прозрачно голубая радужка глаза побелела, слово глазницы монахини наполнились газом. Неужели в них гнев бушевал? Витраж на двери за ее спиной напоминал грозное небо, и Квирк, умирая со стыда, представил ее обнаженной, эдакой снежнобелой, полной эмоций фигурой в стиле Эль Греко.

— Мы очень стараемся, разумеется, насколько позволяют обстоятельства, — проговорила сестра Доминика. — Для наших девушек мы делаем все возможное.

— Да, сестра, — проговорил Квирк голосом кающегося грешника, ведь образ обнаженной монахини до сих пор стоял перед глазами. — Я все понимаю.

Квирк побрел вниз по холму, прочь от прачечной. Тяжелое пасмурное небо швыряло в лицо сырой снег и, казалось, давило на крыши домов. Квирк поднял воротник и опустил поля шляпы на самые глаза. Зачем он упирается? Кто ему эта Кристин Фоллс, — ее незаконнорожденный ребенок или убитая Долли Моран? А Мэл, если на то пошло? Тем не менее Квирк понимал: это запутанное темное дело он не оставит. Он в неоплатном долгу... узнать бы еще только перед кем.

Глава 20

Хрустальная галерея Мосс-Мэнора свободно вмещала триста человек. Ирландский миллионер, построивший Мосс-Мэнор в 1860 году, вручил архитектору фотографию лондонского Хрустального дворца и велел скопировать. В результате получилось громоздкое, неуклюжее нечто, очень напоминающее глаз огромного насекомого. Нечто примыкало к дому с юго-востока и угрожающе взирало через Массачусетский залив на Провинстаун. Под полом галереи скрывалась целая сеть труб парового отопления, а в главном зале пышно росли пальмы, цвели десятки сортов орхидей, безымянные темнозеленые плющи обвивали металлические колонны, отлитые в виде древесных стволов, которые тянулись вверх на добрую сотню футов и под сверкающим зеркальным потолком образовывали кроны тонких проволочных ветвей. Сегодня под пальмами накрыли длинные столы на козлах. Огромные блюда ломились от праздничной еды — картофельного салата, ломтей ветчины, жареной индейки и гуся, сладких пирогов и блестящего сливового пудинга, запеченного в виде бомбы. На каждом столе стояли чаши с фруктовым пуншем и бутылочное пиво для мужчин. На сцене играл оркестр — музыканты в белых смокингах исполняли мелодии из популярных шоу, между столами кружились парочки. Живые пальмы украсили пластиковыми веточками падуба (получилось очень нелепо!); от дерева к дереву, от столба к столбу тянулись ленты цветной гофрированной бумаги, а над сценой красовалась надпись на блестящей белой ткани: «Счастливого Рождества служащим "Кроуфорд транспорт"!» За окном сгущались сумерки, хмурые от морозной дымки. Сады укутал снег, океан превратился в лавандовый туман со свинцовым контуром. Снежные пласты размером с оконное стекло то и дело соскальзывали с зеркальной стены и падали в сугробы, уже собравшиеся по краям газона — белое на белое.

Вечеринка началась лишь час назад, а Энди Стаффорд уже перебрал пива. Клэр, конечно же, мечтала сесть за стол в центре зала, чтобы видеть все, что происходит вокруг, но Энди хотелось подальше от оркестра — стариков-подражателей Гленна Миллера[20], средний возраст — сто лет. Теперь он сидел

один и недовольно смотрел на жену, танцующую с мерзким уродом Джо Лэниганом. Ребенок спал в своей переносной колыбельке, которую поставили тут же, у стола, только как можно спать среди такого шума?! Клэр обещала, что постепенно он привыкнет к малышке, но пролетело уже несколько месяцев, а Энди все еще чувствовал, что в его жизнь без спросу вторглись. В детстве он чувствовал то же самое, когда к ним прислали двоюродного брата Билли, после того как его отец вышиб себе мозги выстрелом охотничьего ружья. Ребенок постоянно мозолил глаза, так же, как кузен Билли с его большими деревенскими ручищами и ресницами цвета соломы — тот вечно смотрел, слушал, дышал...

Джо Лэниган — такой же дальнобойщик, как Энди, здоровый, веснушчатый ирландец с большой головой и длинными обезьяньими ручищами Танцевал он как деревенщина — высоко поднимал колени, дергался из стороны в сторону. Лэниган зажал ладонь Клэр в кулак и пару раз чуть не шарахнул им о пол. Энди следил за ними и хмурился. Клэр без остановки болтала (о чем, спрашивается?) и улыбалась во весь рот. «Раз скалится, значит, ей хорошо» — мрачно подумал Энди. Музыка оборвалась металлическим воплем трубы, Дэниган отвесил по театральному вычурный поклон, а Клэр жеманно прижала руки к груди, склонила голову набок и захлопала ресницами, словно актриса немого кино. Оба захохотали, и Дэниган вернулся за столик к приятелю — его имя Энди постоянно забывал — толстому коротышке с зализанными назад волосами а-ля Ду Костелло[21], который сидел с двумя девицами, похожими на официанток из пиццерии. Не успев сесть, Лэниган взглянул на Клэр — та, улыбаясь, подходила к своему столику — и что-то сказал толстому приятелю и его телкам. Все трое покатались от хохота, а толстяк посмотрел на Энди и ухмыльнулся чуть ли не с жалостью.

— Голова кружится! — пожаловалась Клэр, села напротив Энди и, продолжая корчить кинозвезду, поправила прическу. В подмышках ее блузка потемнела от пота. Энди заявил, что хочет еще пива, а Клэр елейным голоском пролепетала, мол, на пиво налегать не следует, и храбро встретила его раздраженный взгляд. Секунду спустя она попросила принести бокал пунша, раз Энди уже поднялся. Едва он отошел от столика, она с придурковато-блаженной улыбкой уставилась на ребенка.

Энди чувствовал, что совершает ошибку, но, взяв напитки, направился к Клэр не сразу, а через столик Лэнигана. Тот сидел спиной к проходу, но живо развернулся и спросил: «Как дела, дружище?» Энди ответил, что все хорошо: он ведь не лез на рожон, а проявлял элементарную вежливость. Толстяк Кадди — Энди нежданно-негаданно вспомнил его имя — и телки следили за ним через стол, не без труда сдерживая ухмылку. По-женски пухлые губы Кадди дрожали от натуги.

— Эй, Кадди! — позвал Энди, еще пытаюсь изобразить дружескую непосредственность. — Что-то смешное увидел? — Толстяк поднял брови, такие черные и густые, что казались нарисованными. — Спрашиваю, ты что-то смешное увидел?

Кадди буквально распирало от смеха, но ответить он не рискнул и посмотрел на Лэнигана, выручай, мол.

— Да успокойся ты, Стаффорд! — проговорил тот, негромко посмеиваясь. — Где твоё рождественское настроение?

Одна из телок хихикнула, наклонилась к подруге и задела ее плечом. Эта телка была плотной, краснощекой, с крупными передними зубами, перепачканными помадой, а вторая — тощая испанка с рахитичной грудной клеткой и острой ключицей, торчащей из треугольного выреза блузки.

— Я вопрос задал, — процедил Энди, начисто игнорируя телок. — Вы видите здесь что-то смешное?

Сидящие за соседними столиками начали оборачиваться, все улыбались, думали, это розыгрыш. «Смотрите, Оди Мерфи[22]!» — прошептала какая-то девушка, другая подавила смешок.

— Слушай, Стаффорд, мне проблемы не нужны. — Судя по голосу, Лэниган занервничал. — Только не здесь и не сегодня.

«Тогда где и когда? — хотел спросить Энди, но кто-то положил ему руку на плечо, и он тотчас обернулся. За его спиной стояла Клэр и улыбалась.

— Милый, пунш совсем согреется, — проговорила она приторным голоском.

Энди не знал, что делать. Казалось, на него смотрит половина гостей. На миг Энди увидел себя их глазами — парень в белой рубашке, джинсах и ковбойских сапогах. В руке бокал с розовым пуншем, на виске бьется жилка. Лэниган повернулся к Клэр. «Забери отсюда свое сокровище!» — говорил его выразительный жест.

— Пойдем, милый! — шепнула она. — Пойдем!

Когда они сели за свой столик, колено Энди задергалось так, что стол ходячим заходил. Клэр делала вид, что все в порядке. Подперев щеку рукой, она смотрела на танцующих, подпевала и двигала плечами в такт музыке. Энди живо представил, как выхватывает у нее бокал, бьет его о стол и заталкивает «розочку» в нежное горло. Именно так он и сделал много лет назад, а сперва изрезал лицо первой красавице школы, которая засмеялась, когда он пригласил ее танцевать. Вот еще одна причина не возвращаться в Уилмингтон.

Сегодня настроение у Джоша Кроуфорда было почти радужным. Он любил наслаждаться плодами своих трудов, а от одного взгляда на подчиненных, веселящихся в Хрустальной галерее, сердце пело, как поет у тех, кто не понаслышке знаком с болью и горечью. Джош знал: праздников ему осталось немного, возможно, этот — последний. Казалось, в воздухе с каждым днем остается все меньше кислорода, и Джош вдыхал его судорожно, как водолаз, погружающийся под воду не с аквалангом, а с узенькой трубкой, наподобие стеклянных, которые он помнил еще по школе. Как же назывались те трубки? Джош забыл, ведь школьные годы давно канули в Лету. Джош понимал: конец близок, но относился к этому чуть ли не с юмором. Из-за застоя в легких он раздувался и синел, точно южноамериканская лягушка. Кожа на ногах, особенно на ступнях, стала тонкой, как презерватив, и Джош шутил с медсестрой, когда та стригла ему ногти: — осторожней, мол, с ножницами, милочка, проблемы не нужны ни вам, ни мне. Кто бы подумал, что предательство убегающих дней покажется таким забавным?

Джош легонько стукнул по подлокотнику инвалидного кресла — стоп, мол, нужна остановка. Медсестра, катившая коляску, склонилась над ним, и Джош с удовольствием вдохнул ее крахмальный запах. Ему казалось, примерно так пахла его давно умершая и почти забытая мать. Неудивительно, что его мысли занимало, главным образом, прошлое: будущего-то практически не было.

— Как называются штуковины, которыми пользуются химики? — хрипло спросил Джош. — Ну, тонкие стеклянные трубки, их пальцем прикрывают, чтобы ничего не вылилось — как они называются?

Во взгляде медсестры скрывались улыбка и недоверие: она явно ждала если не розыгрыша, то очередной шпильки.

— Стеклянные трубки? — переспросила она.

— Ну да! — быстро теряя терпение, Джош снова ударил по подлокотнику кресла. — Вы же медсестра, должны разбираться в таких вещах.

— К сожалению, я не в курсе. — Медсестра расправила плечи и покатила коляску дальше. Долго злиться на нее Джош не мог: те, кто давал ему отпор, невольно вызывали уважение. Хотя он подозревал, что медсестра скорее глупа, чем отважна: она явно не понимала, как опасен и мстителен ее хозяин. Или понимала и плевать на это хотела? Если господин не герой для своего лакея, может, инвалид-хозяин не бог для медсестры? Когда она только появилась в доме, Джош пообещал сто баксов, если она покажет ему груди. По пятьдесят зеленых за каждую! Сперва медсестра потрясенно молчала, потом расхохоталась. Уязвленный и неожиданно пристыженный, Джош едва выпутался, соврав, мол, такое испытание он устраивает всем женщинам, которых берет на службу, и она его прошла. Тогда он впервые увидел лукавую, насмешливую полуулыбку медсестры. «Разве я отказалась? Попросили бы вежливо, бесплатно бы все увидели». Только Джош ее больше не просил, ни вежливо, ни грубо, а она таких предложений больше не делала.

Увидев Джоша, танцующие на краю танцпола перестали дрыгаться в такт музыке и застыли в неловких позах: «Нарядились в пух и прах, а сами, как дети малые, за руки держатся», — с презрением подумал он. В отличие от медсестры, служащие «Кроуфорд транспорт» отлично знали, на какие поступки способен босс, если его спровоцировать, и какие уже совершил. Кто-то из женщин неуверенно захлопал, следом захлопал ее спутник, следом — другие незадачливые танцоры, и минутой позже зеркальный зал сотрясали аплодисменты. Их гром Джош ненавидел всей душой: перед глазами тотчас возникали пингвины. Или, стоп, такие звуки тюлени издают? Джош поднял руку в слабом подобии жеста а-ля папа римский, сперва поблагодарив стоящих справа, потом — слева. В тот момент Джош хотел одного — чтобы скорее прекратилось это безобразие, в которое влились и музыканты — вскочили на ноги и выдали жуткую какофонию в стиле «Салюта вождю» [23]. Наконец, подхалимы вдоволь нахлопались, музыканты сели, и Джош решил пожелать всем веселого Рождества. Разумеется, голос его подвел — Джош закашлялся, да так, что сложился пополам и едва не упал с коляски. Он дрожал, хрипел, судорожно глотал воздух, брызгал слизью на прикрывающий колени плед. Медсестра вошла с кислородным баллоном, прикрепленным между колесами коляски, когда на плечо Джоша легла рука, а мелодичный голос пропел:

— Дорогой, ты меня звал?

Высокая, стройная, с узкими плечами и тонкой талией, Роуз Кроуфорд была красива и отлично это знала. Прибавьте сюда грацию пантеры, огромные черные глаза и высокие скулы — поговаривали, что в ее жилах течет индийская кровь — и откровенно ироническое отношение к жизни и окружающим. Джош Кроуфорд любил хвастать, что Роуз — самое ценное его приобретение, и шутил, что обменял ее на картину Рембрандта (некоторые, впрочем, считали,

что шутка недалеко от истины). Роуз появилась в его жизни словно ниоткуда и сразу с бриллиантом на безымянном пальце, «огромным, как простата Джоша», съязвил кто-то из злопыхателей. Вообще-то у Джоша уже была жена (а до нее еще одна, только та давно умерла), но ее быстро отправили в элитный дом престарелых. Сейчас никто уже не помнил, как она выглядела: яркая красotka Роуз затмила ее без малейшего труда. Желчный старик и взбалмошная красавица — чем не сказка или притча! Люди видели, как Джош относится к молодой жене, и на минуту примирились с тем, что не имеют ни его богатства, ни ее красоты.

Роуз чуть не вырвала дыхательную маску из рук медсестры и прижала к лицу Джоша. Шипение кислорода в резиновом шланге напоминало Роуз змеиное, поэтому она с едва уловимой нежностью звала мужа Старым Змеем. Сегодня, беспомощно скрючившийся в кресле, да еще с кислородной маской на лице, он больше смахивал на раненого лося. Незадачливые танцоры следили за ним с интересом и тревогой — он же для них кормилец-поилец, хоть и скуповатый — но под сверкающим черным взглядом Роуз мигом отворачивались.

Джош сорвал маску с лица и отшвырнул.

— Увези меня отсюда! — хрипло прорычал он. Джоша страшно злило, что подчиненные увидели его в таком состоянии. Медсестра тут же взялась за коляску, но Джош развернулся и показал ей кулак. — Не вы! — скривился он, и на его губах появилась белая пена. Роуз заставила себя улыбнуться медсестре и покатила коляску к арке, отделяющей галерею от дома. Джош царапал кожаные подлокотники и повторял какое-то слово, то ли «ветка», то ли «клетка». «Причем тут ветки и клетки?» — удивленно думала Роуз. Из отекавших легких Джоша вырвался рокот, который Роуз опознала как смех. Когда он заговорил снова, Роуз пришлось наклониться к нему, совсем как полчаса назад — медсестре.

— Не ветка и не клетка! — прохрипел он. В очередной раз Роуз изумили и испугали телепатические способности мужа. — Пипетка! Ее химики используют.

— Как скажешь, дорогой! — вздохнула Роуз. — Как скажешь!

Клэр вытащила Энди на танцплощадку, но ему совершенно не хотелось веселиться, точнее, он не мог, потому что опьянел. Ему чудилось, что Хрустальная галерея кружится, а вокруг сгрудились покрасневшие от хохота лица. «Что он сейчас выкинет? Глаза-то какие жуткие!» — запаниковала Клэр и повела его обратно за столик, не забывая улыбаться, чтобы никто не догадался, как скверно у нее на душе. Малышка Кристин проснулась, и женщина, сидевшая за соседним столиком, взяла ее на колени. Клэр нарядила девочку в белое атласное платье для крещения, сшитое молодой монахиней из приюта Пресвятой Девы Марии. «Еще немного, и платье станет мало, — мелькнуло в мыслях Клэр. — Хорошо, хоть юбка длинная, как шлейф, как хвост падающей звезды... Звездочка моя! Мой ангелочек!» Клэр взяла девочку на руки, поблагодарив женщину, присмотревшую за ней, но тут же почувствовала себя скверно. В глазах той женщины и ее мужа было столько тоски «Ясно, бездетные», — догадалась Клэр, прекрасно понимая, каково им. Энди она старалась не замечать: тот стоял рядом и шумно вдыхал воздух, мрачно уставившись на малышку, как всегда, когда переберет. Он схватил бутылку пива, широко открыл рот и стал жадно пить. На сей раз Клэр представилась не постельная сцена, а

мул, которого держал на ферме отец. Мул точно так же запрокидывал голову и ржал. «От одиночества», — прищурившись, объяснил ей тогда старший брат Мэтти, несколько лет спустя, разбившийся на вертолете в Корее. «Бедняга Энди тоже одинок, Никто его не любил, пока я не появилась. Наверное, уже слишком поздно...» — подумала Клэр и ужаснулась своим мыслям.

Приятель Энди обещал отвезти их домой, и они решили его разыскать. Первой шла Клэр с малышкой на руках, следом Энди, хмурый, рыгающий, бормочущий, с пустой колыбелью под мышкой. За высокими двустворчатými дверьми Хрустальная галерея кончалась, зато начинался холл с камином, медвежьей шкурой на полу, звериными головами и потемневшими картинами на каменных стенах. Холл гудел от голосов: люди надевали теплую одежду, гадали и прощались, желая друг другу счастливого Рождества. Клэр оглянулась, проверяя, не отстал ли Энди, врезалась в женщину, внезапно оказавшуюся у нее на пути, и вскрикнула, испугавшись, что уронит ребенка. Она бы уронила, если бы та женщина не поддержала малышку. Это же медсестра мистера Кроуфорда! Довольно молодая, с типично ирландским лицом, широким и дружелюбным, в обрамлении аккуратных полукружий рыжих волос, убранных под шапочку. Медсестра явно флиртовала с молодым дальнобойщиком: на щеках горел румянец, на губах играла улыбка, не исчезнувшая, даже когда она повернулась к Клэр и чисто автоматически подстраховала малышку. «Простите!» — чуть ли не хором воскликнули женщины и посмотрели на Кристин, с интересом следившую за ними из складок розового одеяльца. Медсестра хотела что-то сказать, но сзади напирал Энди, источающий пивные пары. Флиртовавший с ней дальнобойщик поспешно отступил на пару шагов: понял, что этот парень пьян, и, похоже, знал, какая у него репутация. Разговора не получилось — Клэр и медсестра лишь улыбнулись друг другу. Энди, сильно сжал руку жены: давай, мол, не задерживайся! Они отошли, а Бренда Раттледж все стояла и хмурилась, потом вдруг решила еще раз взглянуть на пьяного дальнобойщика, но тот уже скрылся из вида и жену уволок.

Пока ее не разбудил плач ребенка, Клэр даже не понимала, что спит. Снилось, что она до сих пор на празднике. Сон так напоминал явь, что, казалось, она у Кроуфордов, а не дома, не на своей кровати, среди мерцающего снежного сияния и тишины зимнего города, нарушаемой лишь хриплым плачем девочки. От этого плача сердце Клэр пускалось бешеным галопом, а такое чувствуешь только к родному ребенку. К родному! Кто ей роднее маленькой Кристин, которой она готова отдать всю свою любовь?! Там, где обычно спал Энди, рука Клэр нащупала лишь остывающую простыню. Видимо, услышал, как малышка плачет, и пошел проведать. Из детской доносилось его «Тш-ш-ш, тише!» Наверное, тут Клэр ненадолго заснула, потому что через какое-то время ее разбудила тишина, на сей раз пугающая. Следовало немедленно встать, а Клэр неподвижно лежала на кровати, хотя сон давно отлетел, а в крови бурлил адреналин. Впоследствии у нее не раз возникала мысль, что она знала, точнее, интуитивно чувствовала: те минуты — последние осколки покоя и умиротворения, уготованного ей судьбой.

Клэр не почувствовала, что бежит, что ее ноги скользят по полу. Она ощущала лишь движение, свободное и беспрепятственное, как полет ветра — именно эти слова пришли в голову. Клэр пролетела по спальне, коридору и остановилась у открытой двери детской. Свет не горел, но непонятную сцену

она увидела в неестественно ярком сиянии — если верить журналам, именно такое используется в кино съемке. Энди застыл у кровати — согнул ноги в коленях, ссутулился, закрыл глаза и поднял брови, точно собираясь чихнуть. В руках он держал что-то вроде скомканной простыни, хотя Клэр, разумеется, знала: это не простыня. Бесконечно долгую минуту они так и стояли: Клэр в дверях, Энди у колыбели. Потом он услышал или, возможно, ощутил ее присутствие, открыл глаза, захлопал ресницами, словно очнувшись после гипноза, и виновато взглянул на Клэр. Судя по выражению лица, он лихорадочно подбирал слова.

В детской царила непривычная тишина. Едва Клэр приблизилась, Энди не отдал, а сунул ей сверток, точно букет цветов или подарок, который устал держать. Кристин, одетая в ползунки и распашонку, была теплой, но совершенно неподвижной. Клэр коснулась головы малышки — кожа мягкая, бархатистая.

— Ах, Энди, что ты наделал?! — воскликнула она таким голосом, словно ребенком был он, а не бедная Кристин.

«Несчастный случай. Это несчастный случай», — повторял Энди, словно заучивая наизусть. Они вернулись в спальню. Клэр сидела, прислонившись к спинке кровати, и держала на руках малышку, а Энди мерил комнату шагами и ежесекундно гладил себя по голове. Когда их привезли домой, он начал раздеваться, но разморенный алкоголем, завалился спать в одежде, поэтому сейчас расхаживал по спальне в джинсах, майке и белых носках. От Энди разлило пивом, но из-за майки и носков он казался Клэр совсем юным. Она потупилась и с усталой безысходностью поняла, что видеть его больше не желает. Сквозь неплотно сомкнутые веки Кристин что-то блеснуло. «Умерла», — беззвучно сказала Клэр, словно проговаривая иностранное слово.

— Она плакала, плакала, и я ее покачал, — тихо, но с большим чувством повторял Энди, будто в спешке запоминал фразу, которую, едва поднимется занавес, произнесет со сцены. Тараторить нельзя: он должен убедить и расположить к себе зрителей. — Произошел несчастный случай, страшный, чудовищный...

— Позвони в приют! — велела Клэр, почувствовав укол раздражения.

— Что? — Энди замер и удивленно на нее уставился.

На Клэр вдруг навалилась страшная усталость.

— Позвони сестре Стефании, — велела она, медленно и четко произнося каждое слово., «Как с ребенком разговариваю, — подумала она. — А вдруг... Вдруг теперь так будет всегда и со всеми?» — Позвони сестре Стефании, матери-настоятельнице приюта Пресвятой Девы Марии.

— Зачем? — Энди подозрительно прищурился, словно ожидая подвоха. — Что я ей скажу?

Клэр пожала плечами, и пухлая ручка маленькой Кристин свесилась на бок, ладошкой кверху, словно бедная девочка хотела задать вопрос, попросить помощи или наставления.

— Скажи, что произошел несчастный случай, — жестоко, с бездушным сарказмом посоветовала Клэр, а потом внутри нее что-то надорвалось (самой ей послышалось, что хрустнула косточка), и она заплакала.

Энди оставил заплаканную жену с бездыханным ребенком на руках в спальне. В кои веки Клэр его напугала. В тонкой хлопковой ночной рубашке она сидела неестественно прямо, как каменная статуя — таким поклоняются

не то индейцы, не то китайцы. Энди накинул куртку и по лестнице спустился во двор. Снег замерз волнистыми бороздами, босому Энди они казались жесткими и плотными, как стекло. Снегопад кончился, небо очистилось и сверкало звездами. Кора Беннетт не спала — а ей вообще сон нужен? — и впустила его через дверь черного хода. «Телефон! — выпалил Энди, не дав ей и рот открыть. — Мне нужен телефон!» Кора, очевидно, решила, что он явился за другим, но едва увидела его лицо и услышала голос, жестом показала в сторону передней, там, мол. Энди мешкал. Кора стояла в одной комбинации, и скоро ее руки покрылись гусиной кожей.

— Что случилось? — с тревогой спросила она.

— Несчастный случай, — ответил Энди, и Кора кивнула. «Почему женщин не удивляет, если что-то не так?» — подумал Энди, но, заметив в глазах Кору хищный огонек, догадался: она решила, что несчастье с Клэр.

Номер приюта пришлось искать в справочнике: церковей, монастырей, школ Пресвятой Девы Марии в Бостоне оказалось превеликое множество. Телефон у Кору был допотопный — диск на шпинделе, рупор, а трубка — на крючке сбоку. Энди замялся: ночь на дворе, кто ему ответит? Даже если ответят, каковы шансы, что сонная монашка позовет чертову мать-настоятельница? Энди начал набирать номер, но передумал и застыл у аппарата, сунув палец в крошечную дырочку с цифрой. «Диск за меня, — отметил он с мрачным удовлетворением. — Сопротивляется, не хочет, чтобы я звонил!» Не говоря ни слова, Кора встала за его спиной. Прежде Энди не замечал, что она намного выше него. Ему это даже нравилось. Куртка сползла с его плеча, Кора ее поправила. Простой жест получился нежным, ее пальцы скользнули по затылку Энди, и он зажмурился.

Он не помнил, как взял малышку из колыбели. Она плакала и никак не успокаивалась. Он покачал ее, ладно, потрянул, но не сильно. Хотя что для младенца сильно? У Кристин точно была какая-то болезнь или этот, как его, врожденный порок, который рано или поздно проявился бы. Это несчастный случай, а он, Энди, ни в чем не виноват. Энди повесил трубку, и, понутив голову, повернулся к Коре. Она молча обняла его и, как ребенка, прижала лицом к своей холодной груди.

Глава 21

Впоследствии Квирк пытался собрать происшествие по кусочкам, как головоломку, но она до конца не складывалась. Почему-то лучше всего запомнились незначительные кусочки-эпизоды, например, промокший лавр за оградой, испещренное дождем отражение фонаря в луже, холодные жирные ступеньки подвальной лестницы под его отчаянно цепляющимися пальцами. Все незначительные куски затмевало смущение, из-за него он и не позвал на помощь. Недоверчивое смущение и досада — это же не происшествие, а фантастика, только раны свидетельствовали об обратном. Квирк сполз по ступенькам и в сырой мерцающей тьме подвала решил, что смерть близка. Перед мысленным взором встал собственный труп: бледный, он лежал на секционном столе. Над ним склонился Синклер и разминал обтянутые латексом пальцы, словно пианист незадолго до концерта. Боль налетала со всех сторон, черная, костлявая, острая, и перед глазами мелькнула другая картинка — стая грачей, на закате кружащих над голыми деревьями. Нет, обо всем этом он думал позднее, когда головоломку составлял, а в самые страшные минуты вообще не понимал, что голова работает и лишь краешком сознания фиксировал разрозненные детали — мокрые лавровые ветви, отражение фонаря, скользкие ступеньки.

Сперва все напоминало жуткое дежавю, и сбитый с толку Квирк решил, что это розыгрыш. Сгустились сумерки, он шагал через площадь к дому, точнее, возвращался с больничной рождественской вечеринки, до занудного приличного мероприятия под председательством Мэлэки, источавшего тяжело-весное дружелюбие. Квирка разморило буквально с пары бокалов вина. Дул слабый ветер, накрапывал дождь, над домами вился дым из печных труб. Они появились примерно на том же месте, что и в прошлый раз — беззвучно выросли из мрака и взяли его в клещи. Оба были в дешевых клеенчатых дождевиках и без головных уборов. Тощий, он же Панч, укоризненно улыбнулся.

— Счастливого Рождества, командир! Что, опять гуляем среди дождя и мрака? Разве мы не предупреждали?

— Да-да, предупреждали! — Толстяк Джуди закивал круглой головой, на которой поблескивали капельки дождя.

Клещи постепенно сжимались, причем в буквальном смысле — Вскоре бандиты задевали Квирка плечами. Он был выше и сильнее, но в таком положении оказался беспомощным, как дитя.

— А ты парень любопытный, — зацокал языком Панч. — Повсюду суешь свой нос.

Почему-то Квирку казалось, что говорить нельзя, что это даст бандитам преимущество, хотя какое, объяснить не мог. Его довели до угла. Мимо промчалось несколько автомобилей, шурша шинами по мокрому асфальту. Один притормозил, и Квирк заметил горящий оранжевым светом поворотник. Почему он не закричал, почему не замахал руками? Если бы уцепился и заскочил на подножку, через минуту был бы в безопасности... Квирк не сделал абсолютно ничего, и машина поехала мимо, оставив за собой лишь змеящийся шлейф выхлопных газов.

Через дорогу перешли тоже втроем. Квирк чувствовал, что попал в абсурдный спектакль, они же как грио клоунов — двое съезжившихся в серых клеен-

чатых дождевиках, третий — здоровяк в старомодном твидовом пальто и черной шляпе. Что запомнят студенты, спешащие по другой стороне улицы, смогут ли «своими словами» описать троицу на суде, ведь скоро их, возможно, попросят... Вопреки ночному холоду, лоб Квирка покрылся испариной. Он боялся, но словно не за себя, словно страх в качестве убежища выбрал его альтер эго, о котором ему, Квирку, надлежало заботиться, как о брате-двойнике или о взрослом сыне. А вдруг... вдруг он уже умер? Вдруг умер от страха там, на углу? Вдруг плененный бандитами здоровяк — пустая телесная оболочка, а он, то есть дух, со стороны наблюдает последние минуты ее существования, содрогаясь от стыда и жалости? Вообще-то смерть — область его компетенции, но, положа руку на сердце, что он о ней знает? Ничего страшного, в ближайшее время пробел восполнится.

В подвале было темно, пахло мочой, жухлой травой и сыростью. Квирк смутно различал зарешеченное окно и узкую дверь, которую наверняка не открывали десятилетиями. На миг он ощутил умиротворение: ноги вывернуты, как у надоевшей куклы, но разве не здорово лежать в тишине и смотреть на перила, очерченные светом ближайшего фонаря? Чуть дальше темнело хмурое небо, озаренное неяркой городской иллюминацией. В таком ракурсе бандиты, спускающиеся по лестнице, выглядели чуть ли не смешными — колени и локти двигались, как у роботов, клеенчатые дождевики шуршали. Джуди и Панч не стали терять времени на разговоры и тут же начали его пинать. В узком подвале нападающим не развернуться, а жертве не спрятаться, но Квирк старался не подставлять печень, почки, инстинктивно съезжившиеся половые органы: он хорошо представлял, что увидит Синклер, когда его вскрыет. В ударах бандитов чувствовались умение и опыт — Джуди делал тяжелую и грязную работу, а виртуозный Панч наносил последние штрихи. Впрочем, Квирк понимал: бандиты злятся, но себя сдерживают — ноги и плечи они пинали нещадно, а голову старались не трогать. Очевидно, убивать его им не велели. Квирка эта догадка не обрадовала, а, наоборот, разочаровала. Боль казалась страшнее смерти, как же ее вытерпеть, как же — на ум пришло странное слово — приспособиться? В итоге сознание выбрало простейший вариант — отключилось. Последним, что он видел, было лицо, круглое и холодное, как луна. Лицо возникло над перилами и взирало на него с полным равнодушием. Знакомое лицо, но чье именно? Вспомнить так и не удалось.

Когда Квирк пришел в себя, лицо по-прежнему на него взирало. Тьма стала другой — мягче, прозрачнее, дождь кончился. В Принципе все стало другим. «Где я? — недоумевал Квирк и узнал бледное лицо — Мэл. — Как он меня нашел?» Кто-то держал его за руку, но едва он приподнялся, чтобы посмотреть, подкатила тошнота, и Квирк поспешно зажмурился. Глаза он открыл буквально через минуту, но Мэла уже не было, а тьма обернулась сероватым туманом, в сердце которого что-то пульсировало. Это он, он пульсирует в центре бесконечной, огромной, не постижимой уму боли. На сей раз глаза он открыл с большой осторожностью. Фиби... Она сидела рядом и держала его за руку, но на миг полусонный, одурманенный наркозом Квирк принял ее за покойную жену. Делия сидит на ведущих в подвал ступеньках? Их разделял туман или облако, но такое плотное, что их руки сквозь него не проваливались. Квирк едва не разрыдался. Это не туман! Их разделяет одеяло в пододеяльнике.

Спать, ему нужно спать!

Когда Квирк очнулся в следующий раз, было светло, у кровати стоял Мэлэки, а на месте Фиби сидела Сара. За ее спиной расхаживали, переговаривались и даже смеялись какие-то люди. Под потолком натянули цветную бумажную гирлянду.

— Квирк, ты проснулся! — воскликнула Сара и улыбнулась явно через силу, словно преодолевая боль.

Мэл, с мрачным видом стоявший рядом, шумно втянул воздух.

— Ты в университетской клинике, — объявил он.

Квирк шевельнулся, и левое колено загудело, как улей.

— Дело серьезное? — спросил он, удивляясь, что голос не пропал.

— Жить будешь, — пожал плечами Мэл.

— Я имел в виду ншу, точнее, колено.

— Ничего страшного, тебе спицу поставили.

— Кто это сделал?

— Полиция не в курсе, — спрятав глаза, ответил Мэл. — Пока говорят о вооруженном ограблении.

Если бы не боль в ребрах, Квирк бы захохотал.

— Я о спице, Мэл! Кто спицу поставил?

— А-а, — смущенно протянул Мэл, — Билли Клинч.

— Мясник Билли?

— Он отдыхал на лыжном курорте, — смущение Мэла исчезло без следа. — Мы очень попросили его вернуться.

— Спасибо.

К кровати приблизилась крупная рыжеволосая медсестра.

— Ну, слава богу! — выдохнула она. — Простите, как вас, Корк, Кэрри? Мы боялись, что вы не проснетесь! — Медсестра измерила пульс и ушла, а Квирку, Мэлу и Саре стало еще тяжелее: напряженность заметно усилилась. Мэл поджал губы, запустил руки в карманы плотно застегнутого пиджака и, выпростав большие пальцы, уставился на носки туфель. На Сару он ни разу не взглянул, она на него — тоже. Голубой костюм с желтым галстуком-бабочкой должен смотреться свежо и оптимистично, а на Мэле казался нелепым.

— Ты ведь придешь к нам в гости? Ну, после выписки? — спросила Сара, но и она сама, и Квирк понимали: это несерьезно.

На следующий день, едва Квирка перевели из реанимации в отдельную палату, его навестил судья. Рыжеволосая медсестра, потрясенная и взволнованная появлением высокого гостя, почтительно открыла дверь, забрала у Гаррета пальто и шляпу и предложила чай. От чая судья отказался, и медсестра пообещала оставить их в покое, напоследок добавив, что если пациент начнет буйствовать, Гаррету нужно только в колокольчик позвонить, и она «мигом явится».

— Спасибо, сестра! — Гаррет растянул морщинистый рот в улыбке, медсестра просияла и, наконец, впрямь ушла.

Старик взглянул на Квирка и вскинул брови.

— Значит, это правда? Правда, что докторам болеть нельзя? — Он опустился на стул у кровати, спиной к окну, за которым виднелись крыши, печные трубы и небо, облепленное мелкими снеговыми облаками. — Боже милостивый, Квирк, что с тобой случилось?

Квирк прижался спиной к баррикаде подушек и горестно улыбнулся.

— С лестницы упал.

Из-под одеяла проступала загипсованная левая нога, толстая, как бревно.

— Крутая же лестница попалась! — покачал головой судья. За его спиной к залатанному облаками небу взмыла стая черных птиц. Они покружили над крышами и по одной стали исчезать из виду — наверное, улетали восвояси. — Как себя чувствуешь? — Старик ерзал на стуле, нервно потирая крупные, усыпаные веснушками руки. — Может... может, нужно что-то особенное?

Квирк покачал головой, сказав, что очень рад его видеть. Веки и переносица подрагивали — в любую секунду могла начаться истерика. «Наверное, это отсроченный шок. Организм никак в норму не придет», — думал Квирк. Другого объяснения слезливому настроению он не находил.

— Мэл с Сарой заглядывали, — объявил он. — И Фиби тоже, я тогда еще в коме был.

Судья кинул.

Фиби — хорошая девочка! — категорично проговорил он, словно ждал возражений, и снова потер руки. — Она говорила, что летит в Америку?

У Квирка аж сердце екнуло. Он промолчал, и Гаррет пояснил:

— Ну да, Фиби летит в Бостон, к дедушке Кроуфорду. На каникулы. Отдохнет, обстановку сменит. — Судья вытащил из кармана кисет, трубку и бледной подушечкой большого пальца набил темный табак в чашу. Квирк внимательно за ним наблюдал. Короткий зимний день догорал, в палате быстро темнело. Гаррет чиркнул спичкой и поднес ее к трубке. Табак занялся, к полотку полетели искры.

— Так бойфренду окончательно дали от ворот поворот?

Судья озирался в поисках пепельницы: надо же куда-то спичку деть. Квирк и не думал ему помогать, он буравил его немигающим взглядом.

— Смешанные браки — полная чушь, — с деланной беззаботностью проговорил Гаррет, подался вперед и аккуратно положил спичку на край деревянной тумбочки. — Да и сколько лет Фиби, девятнадцать?

— Да, на следующий год двадцать исполнится.

Гаррет взглянул на Квирка, и в слабом свете догорающего зимнего дня его голубые глаза показались еще светлее.

— В таком юном возрасте легко наделать ошибок.

Не отрываясь от подушек, Квирк потянулся к тумбочке за сигаретами, но судья сам нашел пачку, вытащил одну и чиркнул спичкой. Квирк позвонил в колокольчик, и когда в дверях возникла медсестра, попросил пепельницу. Медсестра заявила, что ему нельзя курить, но Квирк и бровью не повел, тогда она пожаловалась судье на строптивного пациента, но буквально через минуту принесла жестяную тарелочку, мол, вот, ничего лучше нет. Оставшись наедине, мужчины какое-то время курили молча. Трубка Гаррета чадила, сигарета Квирка ароматом напоминала горелый картон. День почти догорел, из углов напользали тени, но лампу у кровати ни Квирк, ни судья не включили.

— Расскажите о кампании Рыцарей Святого Патрика, в которой участвует Мэл, — наконец попросил Квирк. Судья изобразил недоумение, но очень неубедительно. — Ну, о том проекте. Они вроде бы помогают американским католическим семьям на деньги Джоша Кроуфорда, так?

Старик вынул из кармана нож для сигар, тампером утрамбовал табак в трубке и, посасывая мундштук, выпустил облачка сизого дыма.

— Мэлэки — хороший человек, — с чувством проговорил он, заглядывая Квирку в глаза. — Ты ведь это знаешь?

Квирк ответил таким же пристальным взглядом и снова вспомнил, как Сара говорила о том же.

— Гаррет, одна женщина погибла, — напомнил он. — Другую зверски убили.

— Хочешь сказать, Мэл в этом замешан? — спросил судья таким тоном, словно ответ его ничуть не интересовал.

— Еще как замешан, я же объяснял! Он устроил Кристин Фоллс...

Старик устало отмахнулся.

— Да-да, я помню, что ты рассказывал. — Гаррет сидел спиной к окну, в полумраке его лицо напоминало безжизненную маску. Недокуренный табак в трубке то вспыхивал, то гас, словно пульсируя. — Мэлэки — мой сын, Квирк. Захочет чем-то со мной поделиться — непременно поделится.

Квирк осторожно потянулся к импровизированной пепельнице, которую медсестра оставила на тумбочке, и раздавил бычок, напоследок выпустивший струйку едкого дыма. Нервные окончания так и вибрировали: это никотин смешался с обезболивающим.

— Помню, мальчишкой я ходил в школу, повесив ботинки на шею. Берег их, износить боялся, — продолжал Гаррет. — Над такими историями сейчас смеются, мол, преувеличивают старики, только это не преувеличение. Ботинки на шее, на обед одна картофелина и молоко в заткнутой бумагой бутылке. Мы с Джошем Кроуфордом — земляки, в детстве оба были тощими, как борзые.

— Зато сейчас вы старший судья, а Джош — бостонский миллионер.

— Нам просто повезло. Люди вспоминают «старые добрые времена», только добрыми, положи руку на сердце, я бы назвал их с большой натяжкой. — Возникла пауза. За окном совсем стемнело, зато уже зажигалась городская иллюминация. — Квирк, долг каждого — сделать этот мир хоть немного лучше.

— Значит, Джош Кроуфорд и ему подобные хотят сделать мир лучше?

— Как подумаешь, чьими устами Господу приходится выражать свою волю, становится его жаль, — усмехнулся судья и сделал очередную паузу, словно обдумывая следующую фразу. — Впрочем, ты же не верующий... Хоть понимаешь, как горько мне оттого, что ты отвернулся от церкви?

Тонизирующее действие сигареты прошло, снова навалилась тупая усталость.

— Разве я когда-то принадлежал церкви? — слабеющим голосом спросил Квирк.

— Еще как принадлежал и, будь покоен, рано или поздно ты к ней вернешься. Господь живет в каждой душе, даже такой темной, как твоя! — хрипло засмеялся Гаррет.

— По долгу службы я вскрыл немало трупов, но ни одной души не видел.

Задетый за живое, судья обиженно замолчал, только Квирку было все равно: ему хотелось остаться одному и заснуть. Боль превратилась в пирамиду с тяжелым основанием и острой, как игла, вершиной, которая вонзалась в разбитую коленную чашечку. Судья вытряхнул содержимое трубки в жестяную тарелочку и покачал головой.

— Я надеялся, вы с Мэлом станете братьями.

Квирку казалось, он погружается в себя, в свою темную пещеристую глубину.

— Мэл вечно ревновал, — пробормотал Квирк. — Я тоже. Мечтал о Саре, а получил Делию.

— Да, и нам всем очень жаль. — Судья нажал кнопку звонка над изголовьем, вызвал медсестру и стал ждать, глядя на сильное, скрытое одеялом тело Квирка, слишком крупное для узкой больничной кровати. — Понимаю, Квирк, твоя жизнь пошла не так, как ты с полным основанием рассчитывал. Сколько ошибок ты наделал! Впрочем, кто не ошибается? Только не будь с Мэлом слишком строг, пожалуйста! — взмолился Гаррет, но, наклонившись чуть ниже, увидел, что Квирк спит.

Глава 22

Дни тянулись безликой серой вереницей, и наступление Нового года Квирк едва заметил. Суровая больничная палата напоминала череп: высокий потолок цвета старой кости, пустая глазница окна, вззирающая на зимний город. Фиби принесла ему маленькую пластмассовую елочку, украшенную миниатюрными игрушками. Одинокий кусок праздника, яркая елочка стояла в оконном проеме, чуть наклонившись к стеклу, и с каждым днем бесконечно долгой недели между Рождеством и Новым годом казалась все нелепее. Навестил его и Барни Бойл. Смущенный, потеющий — «Боже, Квирк, я ненавижу больницы!» — он принес две мини-бутылки виски и целую охапку книг. Разумеется, Барни спросил, что случилось, и Квирк ответил то же, что другим — он упал с лестницы на Маунт-стрит и скатился в заброшенный подвал. Барни не поверил, но ни брата Эмби Торми, ни отстающего в развитии Галлахера не упомянул: он умел держать язык за зубами.

В новогоднюю ночь служащие университетской клиники устроили вечеринку на одном из верхних этажей. Медсестра, разносившая лекарства, была явно навеселе. В полночь Квирк услышал, как в честь наступления Нового года бьют колокола, прижался щекой к подушке и постарался не очень себя жалеть. Билли Клинч, маленький агрессивный терьер с рыжими волосами, накануне заглянул к нему и не без удовольствия объявил, что нога полностью не восстановится — «Еще бы, коленная чашечка на куски раскололась!» — и отныне Квирк пойдет по жизни, прихрамывая. «Радостную» новость Квирк воспринял спокойно. Снова и снова он прокручивал в голове минуты, да, не часы, а минуты, проведенные в сыром подвале. За считанные минуты произошло нечто важное — Квирк усвоил урок, но не тот, который по чьему-то наущению преподали тощий Панч и толстяк Джуди (там все было очевидно), а другой, куда проще и одновременно сложнее. Бандиты напоминали рубчиков мяса, разделяющих большую тушу, или кочегаров — они срывали на «работе» злость, пыхтели, обливались потом, порой мешали друг другу, мечтая поскорее разделаться с заданием. Квирк думал, что умрет, и, к своему удивлению, почти не боялся. Инцидент в подвале получился грязным, грубым и совершенно заурядным. Теперь Квирк не сомневался: именно такой будет настоящая смерть. В секционном зале трупы казались ему останками жертвоприношения, побочным продуктом страшного ритуала, окровавленной оболочкой, которую оставила улетевшая в иной мир душа. Теперь он не сможет смотреть на трупы через такую мрачную призму. За несколько минут смерть потеряла

свое очарование и стала частью (пусть даже последней) повседневной жизни.

Каждый день затуманенные лекарствами мысли крутились вокруг одного вопроса — кто натравил на него Джуди и Панча? Квирк задавал его себе, понимая, что ответа нет и не будет. Кандидатура Мэла исключалась: невозможно представить его в темной подворотне Стоуни-Баттер, дающим указания Панчу и Джуди, однако другие варианты пугали еще сильнее. Квирк старательно воскрешал в памяти лицо, в ту ночь злорадно взиравшее на него сверху вниз. Вот черты лица изменились — или это он их менял? — и вскоре овальное, совсем не похожее на луну лицо Мэла превратилось в другое, грубое, квадратное. Костиган? Да, он самый. Но кто скрывался за его спиной? Кто отдавал ему приказы?

Первого января Квирка навестила Фиби. Порывистый ветер не швырял, а плевал в окно морозящим дождем, дым, едва вылетая из труб, тут же рассеивался. Фиби явилась в черном берете, сдвинутом набок и черном же пальто с меховым воротником. Она словно похудела с прошлого раза, когда у Квирка хватило сил ее рассмотреть, побледнела, от холода крылья носа порозовели. Были и другие, менее заметные изменения — Фиби стала настороженнее и сдержаннее, чем прежде. Внезапную суровость (если то впрямь была суровость) — суставы блестели, тонкие косточки едва не прорывали полупрозрачную кожу — Квирк списал на расставание с Конором Каррингтоном. Разумеется, девушка злилась, что проиграла войну за личную свободу, которую с таким пылом вела. Да, причина крылась не в расставании, а в проигрыше: Фиби явно коробило, что кто-то ее победил. Взрослое пальто Фиби и дорогой, лихо сдвинутый на бок французский берет, выбивали Квирка из колеи. Милая девочка неожиданно превратилась в женщину.

Фиби заявила, что о поездке в Америку говорить не желает. Когда Квирк ненароком упомянул Бостон, девушка скривилась и с равнодушной безысходностью пожалала плечами.

— Они хотят от меня избавиться, — процедила она. — Хотят отдохнуть от моего обвиняющего взгляда, который сейчас, как им кажется, повсюду их преследует. А меня это больше не волнует.

— Что именно не волнует?

Фиби снова пожалала плечами, скользнула сердитым взглядом по елочке на подоконнике, повернулась к Квирку и с тщательно просчитанным лукавством предложила:

— Поехали со мной!

Квирк заметил, что разбитое колено в гипсовой повязке стало настоящим будильником. В самые тревожные или ответственные моменты, которые он, одурманенный лекарствами, мог бы запросто пропустить, ногу пронзала резкая боль, как от щипка добродушного садиста-дядюшки: вроде игра, а синяки остаются. Фиби приняла его сдавленный стон за снисходительный, означающий «нет» смешок, хмуро посмотрела в окно, потом в свою маленькую черную сумочку — «Все женщины заглядывают в сумочки одинаково», — подумал Квирк — достала изящный серебряный портсигар и такую же зажигалку. Ну вот, в полку курильщиков прибыло! Квирк благоразумно воздержался от комментариев, а Фиби ловко открыла портсигар большим и средним пальцем. Сигареты, тонкие и толстые, лежали внахлестку, как оральные органые трубы.

— «Пассинг Клауде»! — взяв одну, изумился Квирк. — Вот так вкус!

Фиби протянула ему зажигалку. Квирк подался вперед, одеяло откинулось, и он вдруг почувствовал свой новый запах, сырой, теплый, несвежий — эдакий больничный амбре.

— Думаю, нам обоим нужно выпить! — с фальшивой веселостью объявила Фиби, крутя сигарету с таким же фальшивым равнодушием. — Пара джинов с тоником будут очень кстати.

— Как дела дома?

— Какие дела дома? — На миг утонченная молодая женщина превратилась в дерзкую капризную девчонку. Фиби вздохнула, сунула мизинец в рот и стала кусать ноготь. — Ужасно, — секунду спустя прошелестела она. — Они почти не разговаривают.

— Почему?

Фиби вытащила мизинец изо рта, глубоко затагнулась и зло посмотрела на Квирка:

— Откуда мне знать? Я же ребенок, детям ничего знать не полагается.

— А ты сама с ними разговариваешь? — спросил Квирк. Фиби насупилась и взглянула себе на ноги. — Вдруг им нужна твоя помощь?

Последний вопрос Фиби проигнорировала.

— Хочу уехать! Хочу оказаться за тридевять земель отсюда. Ах, Квирк, дома так ужасно! — зачастила она. — Кажется, они друг друга ненавидят. Они, как звери, как запертые в одной клетке звери! Сил нет терпеть, мне нужно уехать! — Поток слов иссяк. В окне мелькнула чья-то тень, вероятно, птицы. Фиби потупилась и стала наблюдать за Квирком из-под опущенных ресниц, определяя, проникся ли он ее горестями и поможет ли воплотить план в жизнь. Фиби — девушка бесхитростная, Квирк читал ее как книгу.

— Когда улетаешь в Бостон?

Фиби сжала колени и вздрогнула: у нее явно сдавали нервы.

— Не скоро, еще через несколько недель. Сейчас там погода плохая.

— Да, в это время года там пурга.

— Пурга, — повторила Фиби.

Квирк зажмурился, и перед его мысленным взором предстали Сара и Делия в зимних сапогах и русских меховых шапках. Взявшись за руки, они идут к нему под ледяной сечкой. Невероятно, но при этом светит солнце, вокруг переливается тысяча маленьких радуг. Носы у девушек порозовевшие, как сейчас у Фиби, зубы сверкают. Никогда прежде Квирк не видел таких ровных белых зубов, они представлялись воплощением всего, что ожидает его в этом мире достатка и беспечности. Он с девушками и Мэлом гулял в Коммон-парке. Вокруг с серебристым звоном падали крошечные льдинки. В каком году это было? В 1933? Тяжелые времена отступали в прошлое, страшные вести из Европы еще казались пустыми сплетнями. Их сердца переполняла невинность, вера в себя и прекрасное будущее. Квирк устало разлепил веки. «Вот Оно, прекрасное будущее, которого мы так ждали!» Мрачная Фиби ссутулилась, скрестила ноги и левой рукой подперла подбородок. Кончик ее сигареты покраснел от помады, вдоль лица вился сизый дымок. Девушка легонько сжала портсигар.

— Симпатичный, — проговорил Квирк.

— Что, портсигар? — Девушка машинально взглянула на серебряную безде-

лушку. — Это он подарил. Возлюбленный, с которым меня разлучили, — добавила она клоунским басом, выжала из себя невеселый смешок и раздавила бычок в жестяной тарелочке-пепельнице. — Я пойду.

— Уже?

Фиби на него даже не взглянула. Интересно, за чем она пришла? Не просто же так? В любом случае «того самого» она не получила, хотя, возможно, сама не знала, чего хочет.

За окном сгущались сумерки.

— Подумай об этом, — посоветовала Фиби. — Ну, о том, чтобы поехать со мной в Бостон. — На этом она ушла, оставив лишь сизое облачко дыма, свой пахнувший табаком призрак.

Квирк смотрел, как снежные хлопья танцуют за окном и исчезают в темноте. За чем же все-таки приходила Фиби, и что он не сумел ей дать? А что он вообще дал ей и другим людям? Квирк заерзал на кровати. Загипсованная нога тянула, как капризный, несговорчивый ребенок. Ревизию и подсчеты он начал невольно, а результаты привели его в шок. Взять хотя бы несчастного Барни Бойла, разочарованного жизнью, мечтающего утонуть на дне бутылки, разве он пытался помочь ему, подбодрить или успокоить? Молодой Каррингтон боялся, что Мэл Гриффин и старший судья погубят его карьеру. Зачем он издевался над ним, зачем выставил трусом и идиотом в глазах Фиби? Зачем пошел к судье и очернил Мэла в его глазах? Мэла, который и так с детства разочаровывал отца? Мэла, который сидел с матерью на кухне, в то время как он, кукушонок Квирк, грелся у камина в кабинете судьи и сосал ириски из бумажного пакета, специально для него припрятанные Гарретом в ящике стола... А чем он отблагодарил бабушку Гриффин? Она сочинила сказку о слабом здоровье Мэлэки в надежде обеспечить сыну если не любовь отца, то хоть немного его внимания. А Сара, нежными чувствами которой он играл, как забавной игрушкой? Невероятно красивая, невероятно несчастная в браке Сара... А Мэл, угодивший в бог знает какое болото проблем и страданий. А Долли Моран, убитая из-за дневника Кристин Фоллс, и ее малютка, погибшие и почти забытые? Всех их он презирал, игнорировал, недооценивал, даже предавал. А сам Квирк, точнее его отрицательная ипостась? Квирк, который вечерами убегает в «Макгонагл», чтобы попить виски и посмеяться над некрологами в «Ивнинг мейл» — чем он лучше тощего любителя скачек и мастурбации или пьяного поэта, топящего неудачи в спиртном? Нога у него в гипсе, а душа в плотном коконе эгоизма и равнодушия. За темным окном зловещей луной возникло до боли знакомое лицо, блеснули очки в роговой оправе и покрытые налетом зубы. Лицо заклятого врага... Квирк чувствовал: теперь его никаким ластиком не стереть.

Глава 23

Обманщик-февраль поманил теплом, и, наконец получив свободу, Квирк отправился гулять вдоль канала под неяркими лучами зимнего солнца. В день прогулки рыжая медсестра Филомена — ее лицо он первым увидел сквозь туман наркоза и послеоперационной слабости — подарила ему трость из терновника, принадлежавшую ее покойному отцу. «Негодник был под стать вам». С этой крепкой помощницей Квирк побрел по бечевнику от моста Хьюбенд к Бэггот-стрит, потом обратно, чувствуя себя стариком. Сжимающие трость пальцы побелели, от натуги Квирк даже нижнюю губу закусил. Шаг, еще шаг — на каждом боль заставляла по-детски хныкать и ругаться.

Трость оказалась не единственным подарком зеленоглазой Филомены. За день до выписки Квирка она дежурила в ночную смену, шмыгнула к нему в палату, подперла дверную ручку стулом и с невероятной скоростью скинула форму — словно специально для таких целей пуговицы были спереди. Под формой скрывался бледно-розовый комплект с бюстгальтером на косточках. От игривой улыбки под подбородком у Филомены появились складки, а в воспаленном воображении Квирка затеплились мысли о складках, которые чуть ниже.

— Мистер Квирк, вы страшный человек! Смотрите, что вы со мной делаете!

Филомена — девушка крупная, с сильными ногами и широкой спиной, но к его загипсованной ноге приспособилась с трогательной изобретательностью. Пояс и чулки она не сняла и эдакой рыжеволосой Годивой[24] уселась на Квирка верхом. Туго натянутый нейлон терся о бока Квирка. Филомена умирала от восторга: большой сильный мужчина попал в плен ее ритмично работающих бедер. «Давно же я не был с женщиной», — подумал Квирк и услышал смех Филомены. Ему тоже хотелось засмеяться, но удерживала не столько боль в колене, сколько недавно обострившееся дурное предчувствие.

На следующий день Филомена встретила его со страдальческим лицом (Квирк понимал, этот спектакль исключительно для него) и заявила: она, мол, уверена, за воротами клиники он мигом ее забудет. Она проводила его до двери и, придерживая за локоть, позволяла «ненароком» касаться своей груди. Чисто из вежливости Квирк попросил ее адрес, но Филомена сказала, что живет в общежитии, а по выходным ездит домой, в глухую деревню на юге страны. Квирк невольно вспомнил других деревенских девушек — медсестру Бренду Раттледж и, менее охотно, Кристин Фоллс. Образ бедной Кристин неуклонно стирался из памяти: каждый новый день уничтожал малый кусочек того малого, что он о ней знал.

— К тому же дома у меня парень, — вздохнула Филомена и хриплым шепотом добавила: — хотя до вас ему, как до луны.

Дату выписки Квирк никому не сообщил. Разве хочется ему увидеть у больничных ворот Сару, улыбающуюся храброй улыбкой боевой подруги; или внезапно посуровевшую Фиби, или, боже упаси, Мэла, как ярмом задавленного грузом тайных проблем. Внезапно душу захлестнула волна гнева, который последние несколько недель дремал, а тут вдруг расправил крылья. Опираясь на трость отца Филомены, Квирк брел вдоль канала под неожиданно ярким солнцем, заставившим глупых камышниц начать брачные игры, придумывал разнообразные планы мщения и удивлялся изощренности своей фантазии. В

мельчайших, почти садистских подробностях он представлял, как разыщет Джуди и Панча, по одному столкнет в тот самый подвал на Маунт-сгрит и будет бить, пока их мышцы не порвутся, кости не расколуются, а из ртов и ушей не потечет кровь. Он предвкушал, как снимет с Костигана очки, сорвет значок трезвенника с лацкана пиджака и вонзит сперва в правый глаз, потом в левый. Глаза, как упругое желе, острое войдет легко, а Костиган завопит от боли. Потом он разберется с другими, которых не знал, не видел и лишь чувствовал за спинами Джуди и Панча, Мэла и Костигана. Да, безликих Рыцарей Святого Патрика пора вытащить на свет божий и заколоть их собственными копьями. Теперь Квирк не сомневался: все, что случилось с ним, Кристин Фоллс и Долли Моран, касается не только Мэла и его бедной, трагически погибшей служанки — тут целая сеть, огромная, на целый город, а то и больше, и он в нее угодил.

Откладывать планы в долгий ящик Квирк не любил и вскоре после выписки на такси приехал к прачечной Пресвятой Богоматери. Гипс еще не сняли, но разве это помеха? Начинался холодный сырой день, солнце, пробивавшееся сквозь утреннюю дымку, казалось белым. Была суббота, запертая дверь погруженной в тишину прачечной напоминала закрытый рот. Квирк шагнул было к парадному крыльцу, собираясь позвонить и ждать, пока не откроют, но в последний момент обогнул здание, толком не представляя, что найдет с заднего фасада. Нашел он коренастую девушку с копной рыжих волос, которая в прошлый раз чуть не задавила его тяжелой корзиной с бельем. Сегодня она выливали в канаву мыльную воду из лохани. Она изменилась, хотя в чем именно дело, Квирк не понимал: серый халат тот же, ботинки те же. Толстые лодыжки отекали, туго натянутая кожа лоснилась. Как же ее зовут? Она отшатнулась от Квирка, склонила голову набок и заслонила грудь пустой лоханью. На невыразительном лице выделялись зеленые глаза, такие же прозрачные, как у медсестры Филомены. Квирк растерялся — что сказать, о чем спрашивать? Целую минуту оба молча буравили друг друга недоуменными взглядами.

— Как вас зовут? — наконец спросил Квирк.

— Мэйзи, — чуть ли не с вызовом ответила девушка, но быстро смягчилась. — Я тебя помню, ты к нам как-то приходил. — Она взглянула на трость и покрытое синяками лицо Квирка. — Где это тебя так угораздило?

— Просто упал.

— Ты спрашивал сестру Доминику о той Моран.

О той Моран... Внутри Квирка что-то перевернулось, словно он стоял на палубе попавшего в шторм корабля.

— Да, — осторожно проговорил он, — о Долли Моран. Вы ее знали?

— И старая карга сказала, что никогда о ней не слышала! — девушка усмехнулась — сморщила аккуратный нос пуговкой и оскалилась. — Вот так дела, Моран ведь раз в две недели являлась сюда за младенцами.

Квирк поглубже вдохнул и достал сигареты. Мэйзи впиалась в них голодным взглядом.

— Дай одну!

Сигарету она держала неловко, щепотью, и когда Квирк щелкнул зажигалкой, наклонилась к огню.

— Так Долли Моран являлась сюда за младенцами? — осторожно уточнил

Квирк.

В утреннем тумане дым сигарет казался темносиним.

— Ага, чтобы потом отправить в Америку. — Девушка помрачнела: — Только моего они не получат!

Так вот что в ней изменилось — живот вырос!

— А когда у вас срок? — спросил Квирк.

Девушка снова сморщила нос и по-заячьи подняла верхнюю губу.

— Какой срок?

— Ну, когда малыш родится?

— А-а... — Девушка пожалала плечами и потупилась. — Скоро. — Потом она заглянула ему прямо в лицо, бледно-зеленые глаза вспыхнули. — Тебе-то что?

Квирк посмотрел через ее плечо на серый двор: много ли ему удастся вытянуть из этой девушки?

— Они заберут вашего малыша? — спросил он голосом благодетеля, которые периодически появлялись в Каррикли, интересовались, как мальчики питаются, как укрепляют тело и часто ли причащаются.

— Черта с два! — снова фыркнула Мэйзи.

Ну вот, обмануть ее удалось не больше, чем благодетелям — самого его в детстве.

— Как вы сюда попали? — спросил Квирк.

— Папа отослал! — ответила девушка, с жалостью взглянув на Квирка.

Можно подумать, этот печальный факт должны знать все!

— Зачем?

— Хотел от меня избавиться, чтобы лишнего не наговорила.

— Лишнего о чем?

— Так, ни о чем, — глядя в пустоту, отозвалась девушка.

— А отец ребенка? — Девушка покачала головой, и Квирк понял, что промахнулся. Следовало немедленно исправить положение. — Вы не хотите отдавать малыша... Что собираетесь делать?

— Бежать! У меня и деньги отложены...

Серый халат, мужские ботинки без шнурков, покрасневшие от холода ноги, натруженные руки с ободранными костяшками — Квирк едва не задохнулся от жалости. Он попытался представить себе побег этой девушки, но перед мысленным взором вставали кадры викторианской мелодрамы — молодая закутанная в шаль женщина с лицом отверженной бредет по разбитой дороге, прижимая к груди драгоценный сверток, а с дерева за ней следит малиновка. В реальности ее ждет почтовое судно и арендованная комната в английской глуши. Хотя до этого вряд ли дойдет: девушке и за ворота прачечной не выбраться.

Квирк хотел заговорить, но девушка предостерегающе подняла руку, склонила голову набок и прислушалась. Где-то рядом скрипнула и захлопнулась дверь. Раз — девушка умело стряхнула обкуренный кончик сигареты, спрятала бычок в карман халата и развернулась, чтобы уйти.

— Подождите! — вскинулся Квирк. — В чем дело? Чего вы боитесь?

— Забоишься тут, — мрачно отозвалась девушка. — Видели бы вы их!

— Кого их? Кого их, Мэри?

— Мэйзи! — От ее взгляда повеяло холодом.

— Да-да, Мэйзи, извините! — Квирк стукнул себя по лбу и снова оглядел

двор. — Видите? Никого нет, — проговорил он с отчаянием.

Увы, поздно, Мэйзи уже отворачивалась.

— Здесь всегда кто-то есть, — парировала она. Опять скрипнула невидимая дверь: на сей раз ее открывали, и Мэйзи замерла, как бегун на старте. Квирк протянул ей сигареты. Мэйзи смерила его холодным, мрачным, едва ли не презрительным взглядом, сунула сигареты в карман и исчезла.

Глава 24

Горы манили Квирка. Каждый день во время прогулок он с тоской на них смотрел. Казалось, они совсем рядом, за мостом на Лисон-стрит, покрытые снегом, словно парящие над землей. Сара предложила свозить его и однажды приехала за ним на «ягуаре» Мэла с кожаной обивкой салона, по мнению Квирка, пахнущем, как владелец машины — тонко, но по-медицински резко. Сара вела «ягуар» с нервной сосредоточенностью — уперлась спиной в сиденье, словно отодвинувшись от руля, который держала за верхнюю четверть так, что руки едва не соприкасались. Когда поворачивала налево, ее выбившиеся пряди касались щеки Квирка, обжигая, как оголенные провода. Сара молчала, явно о чем-то размышляя, и Квирк сидел как на иголках. По телефону она объявила, что им нужно поговорить. Она расскажет то, что ей известно о таинственных делах Мэла? Сейчас Квирк не сомневался: она в курсе, она разоблачила мужа, или Мэл сам не выдержал и признался. Квирку ничего слушать не хотелось — только не от нее! — не хотелось сочувствовать, держать за руку, смотреть в глаза, говорить, как много она для него значит. Хватит нежных рукопожатий, томных взглядов и признаний — все это в прошлом. Сара тоже в прошлом, он спрятался от нее в темной пещере, наподобие той, в которую не раз и не два она тщетно его приглашала.

Они проехали Эннискери и Гленкри. Болотистые участки еще дремали под снегом, а на склоны уже выпустили новорожденных ягнят, крошечные, совершенно беспомощные комочки черно-белой шерсти с куцыми, безостановочно виляющими хвостиками. Даже сквозь окна «Ягуара» с резиновыми уплотнителями слышалось их тоненькое блеяние. Горные дороги расчистили, но кое-где еще блестел черный лед. На крутом повороте у узкого каменного моста машину занесло. «Ягуар» оказался упрямее осла — выровнять корпус удалось лишь за мостом, с парашютом которого левый брызговик разминулся буквально на пару дюймов. Сара остановилась у обочины, закрыла глаза и прижалась лбом к рулю, аккуратно между руками.

Мы что-то сломали? — шепотом спросила она.

— Нет, — ответил Квирк. — Если бы сломали, то непременно бы почувствовали.

— Слава богу! — хрипло засмеялась Сара. — Драгоценная машина Мэла отделалась легким испугом.

Сара вытащила ключ из зажигания, — остывающий двигатель застрекотал. Вскоре несильный порывистый ветер засвистел в передней решетке и забренчал ржавой колючей проволокой, натянутой вдоль дороги. Сара откинулась на спинку сиденья и, не открыв глаз, запрокинула голову. Ее лицо казалось совершенно бескровным, и вряд ли причина была только в опасной ситуации на мосту. Квирк заволновался сильнее, да еще нога заболела то ли из-за разреженного горного воздуха, то ли потому что от самого города пришлось сидеть

неподвижно. Он предложил прогуляться. Сара засомневалась, по силам ли ему прогулка, но Квирк возмутился, разумеется, мол, по силам! Он тут же распахнул дверцу и, чертыхаясь, опустил больную ноту на землю.

Они попали на пологий склон, у основания которого лежало озеро, сейчас похожее на разбитое зеркало. Рядом невысокий, заснеженный холм словно жался к земле в страхе перед темно-серым небом. Колтуны шерсти пристали к колючей проволоке и трепетали на ветру, сквозь снег настырно пробивались вереск и утесник. К вершине холма поднималась тропа торфорезов, по ней они и пошли. Квирк, опираясь на трость, осторожно ступал по мерзлой, обледеневшей земле, а Сара крепко держала его за руку. От холода жгло ноздри, а глаза и губы точно стекленели. На полпути к вершине Сара заявила, что нужно вернуться, зря, мол, они прогулку затеяли: у него нога в гипсе, на ней совершенно неподходящие туфли, но Квирк, сделав упрямое лицо, тащил ее дальше.

— Как дела у Фиби? — спросил он.

— На следующей неделе отправляется в Бостон. Билет уже забронирован. До Нью-Йорка летит самолетом, потом на поезде доберется до Бостона. — Сара заставляла себя говорить спокойно.

— Ты будешь по ней скучать.

— Да, ужасно. Впрочем, я уверена: поездка пойдет Фиби на пользу. Пусть обстановку сменит. Она до сих пор злится из-за Конора Каррингтона... Я даже боюсь, как бы она не натворила чего ужасного: от истерзанных любовью девушек с разбитым сердцем жди всякого.

— Истерзанных любовью?

— Ты понял меня, Квирк. Вдруг Фиби бросится в объятия первого встречного парня и испортит себе жизнь? — Сара затихла. Одной рукой она размахивала в такт ходьбе, другой сжимала запястье Квирка. Она была в черных шелковых перчатках, а элегантные легкие туфельки совершенно не подходили для пршулки по горам. — Как бы мне хотелось... Как бы мне хотелось, чтобы ты, Квирк, поехал с ней.

— В Бостон? — спросил он, взглядевшись в ее профиль.

Сара поджала губы и кивнула.

— Если бы там за ней кто-то приглядывал, мне было бы спокойнее, — проговорила она, тщательно подбирая слова.

— Фиби к дедушке едет. Старик Джош не даст ей ни на кого броситься, всех кавалеров распугает.

— Я имела в виду человека, которому доверяю. Не хочу... Не хочу, чтобы она стала такой, как они.

— Кто, «они»?

— Мой отец и люди его круга. — Сара горько улыбнулась. — Клан Кроуфурдов.

— Так не пускай ее!

— Силенок не хватит. — Сара стиснула его запястье. — Мне их точно не одолеть!

— А как насчет Мэла?

— А что с ним? — Неожиданно в ее голосе зазвенел лед.

— Он хочет, чтобы Фиби уехала?

— Кто знает, что хочет Мэл? Мы с ним об этом не говорим. Мы больше во-

обще ни о чем не говорим.

Квирк остановился, и заставил остановиться Сару:

— В чем дело? Что-то случилось: ты ведешь себя не так, как всегда. Это Мэл?

Казалось, лопнул туго натянутый провод — так резко прозвучал ответ:

— При чем тут Мэл?

Они зашагали дальше. Под ногами предательски блестел лед. «А если поскользнусь и упаду?» — думал Квирк, понимая: самостоятельно ему не подняться. Саре придется искать подмогу. Он здесь умрет... Панику эта мысль не вызвала.

Сара с Квирком поднялись на вершину холма. Перед ними лежала долина, застланная морозной дымкой. Они стояли и смотрели в сверкающую серую бесконечность, точно в пучину отчаяния.

— Так ты поедешь в Америку? — спросила Сара и, не дождавшись ответа, содрогнулась так сильно, что почувствовал даже Квирк, которого она до сих пор держала за руку. Судорожно вздохнув, она упала на него, и он испугался, что нога не выдержит.

— Господи! — с досадой и страхом прошептала она, но глаз не открыла. Ее веки трепетали, как крылья бабочки.

— Сара, Сара, что с тобой?

Сара жадно глотнула воздух.

— Прости, мне показалось...

Квирк локтем оперся на трость и взял Сару за — руки. Пальцы у нее ледяные. Сара попыталась улыбнуться и покачала головой.

— Ничего страшного Квирк. Правда, ничего страшного.

Квирк повел ее прочь от тропки к большому валуну, одиноко стоявшему на голом склоне холма. Под ногами хрустел наст. Квирк стряхнул с валуна снег и усадил на камень Сару. Она уже немного порозовела и заверила, что все в порядке, мол, просто голова закружилась.

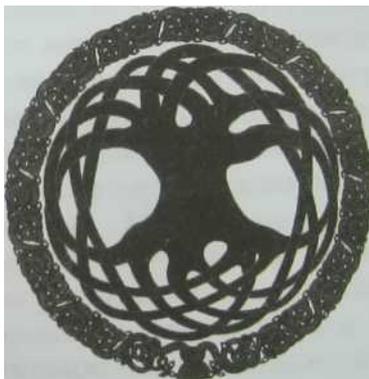
— Очередной припадок, как сказала бы Мэгги, — негромко засмеялась Сара. Ее левая щека задергалась, а лицо стало очень печальным. — Очередной припадок.

Квирк нервно закурил. На большой высоте дым сотней лезвий вонзился в легкие. Крупная серая ворона с острым, как металлический резец, клювом, села на столб ограждения и насмешливо каркнула. Сара разглядывала свои руки, замком сложенные на коленях.

— Квирк, я должна что-то тебе сказать. Речь пойдет о Фиби, только с чего начать, я ума не приложу. — Сара подняла переплетенные руки и встряхнула ими, словно собиралась бросить кости, заранее зная, что выпадет не то. — Квирк, она не моя дочь, и не Мэла тоже. — Квирк был неподвижным, как камень, на котором она сидела. Сара медленно и потрясенно покачала головой. — Она твоя дочь, твоя и Делии. Ты думал, что ребенок умер, а он выжил. Делия умерла, а Фиби выжила. Судья, то есть Гаррет, в ту ночь позвонил нам в Бостон и сообщил о смерти Делии. Я ушам своим не могла поверить! Он попросил нас с Мэлом присмотреть за малышкой, временно, пока ты, как он выразился, в себя не пришел. Вскоре из Дублина приехала монахиня и привезла Фиби. — Сара огляделась по сторонам, словно мечтавая сбежать — нырнуть в какой-нибудь тоннель или нору в рыхлом СНейу. — Напрасно я ее присвоила, но

я считала, так лучше. Ты ведь пил, не просыхая из-за того, что Делия оказалась не такой, как ты ожидал, и вот она умерла. Умерла, оставив тебе грудную малышку. — Окаменевший Квирк отвернулся, сделал несколько шагов по рыхлому снегу и уставился вниз на замерзшую долину. Ворона на столбе наклонила голову, подняла крыло и хрипло каркнула, то ли с мольбой, то ли с печальным неодобрением. — Мне хотелось иметь частичку тебя, — вздохнув, сказала Сара широкой ссутуленной спине Квирка. — Маленькую частичку... Понимаю, с моей стороны это ужасно. — Она засмеялась, словно удивленная собой и своим признанием. — Все эти годы... — Сара встала и, прижав руки к бокам, стиснула кулаки. — Прости, Квирк! — произнесла она нарочито громко: ей чудилось, что разреженный горный воздух глушит слова, что застывший над долиной Квирк ее не слышит. Квирк не обернулся: в черном, как вороново крыло, пальто, он стоял спиной к ней, понуро наклонив голову. — Прости меня! — повторила Сара, на сей раз обращаясь к себе самой.

Часть III

Глава 25

Энди Стаффорду казалось, он на суде. Они с Клэр сидели на стульях с жесткой спинкой перед большим дубовым столом, за которым восседала сестра Стефания. За ее спиной стоял рыжий священник Харкинс, который однажды «случайно заглянул» к ним, а на самом деле приезжал шпионить. Другая монахиня — ее имени Энди не помнил, но, увидев на шее стетоскоп, решил, что это доктор — стояла у окна и точно любовалась погожим зимним днем: на ее лице играло отраженное снегом солнце. Снова и снова Энди рассказывал, как все произошло — у ребенка случился какой-то приступ, он встряхнул ее — он едва не сказал «его», но вовремя спохватился — за плечи, чтобы помочь, но девочка взяла и умерла. Мол, это чудовищное недоразумение, самый настоящий несчастный случай. Да, он был пьян, тут и отрицать бесполезно, вероятно это — одна из причин трагедии. Если трагическую случайность можно поставить кому-то в вину, то он признает себя виновным. Даже сидя, как и они с Клэр, сестра Стефания казалась самой высокой в кабинете.

— Вам обоим нужно поскорее забыть ту ночь, — со вздохом проговорила она. — Маленькую Кристин призвал к себе Господь, и сейчас она на небесах.

Монахиня со стетоскопом отвернулась от окна и взглянула на Клэр, но та не отреагировала. С тех пор, как их усадили за дубовый стол, Клэр не шевельнулась и не сказала ни слова. Мертвенно бледная, она положила руки на колени и сжалась в комочек, словно замерзла. Клэр смотрела в одну точку и хмурилась от натуги — неужели узор на ковре разглядывала?

— Энди, сейчас ваша главная задача — помочь Клэр, — продолжала сестра Стефания. — Трагедия ваша общая, но она пострадала больше, понимаете?

Энди энергично закивал: да, да, он настроен серьезно, полон решимости исправлять свои ошибки и помогать жене.

— Да, сестра, понимаю. Я прекрасно понимаю, только... — Энди судорожно поднял подбородок и очертил пальцем внутренний контур воротника рубашки. На сегодняшнюю встречу он надел рубашку, темные брюки и пиджак спортивного кроя в светло-коричневую клетку, даже галстук повязал, чтобы произвести хорошее впечатление.

Сестра Стефания не сводила с него глаз, блестящих и немигающих, точно замороженных.

— Только? — переспросила она.

Энди с шумом втянул воздух и снова поднял подбородок.

— Вы не говорили с мистером Кроуфордом по поводу моей работы? Ну, то есть по поводу новой работы поближе к дому?

Сестра Стефания оглянулась на Харкинса — тот вскинул брови, но промолчал.

— Мистер Кроуфорд очень болен, — ответила монахиня. — Смертельно болен.

— Очень жаль, — проговорил Энди чересчур равнодушно, как самому ему показалось, замялся, но быстро взял себя в руки и бросился в атаку. — Наверное, вам сейчас трудно, ну, из-за болезни мистера Кроуфорда и других неприятностей. — Энди взглянул на Харкинса, потом снова на монахиню. — Без него небось как без рук! А вообще странно, что о такой большой организации, как ваша, ни разу не написали в газетах.

— В газетах не пишут об очень многих вещах, — после небольшой паузы проговорил Харкинс тягучим занудным голосом. — Порой даже о серьезнейших происшествиях не сообщают.

Только Энди его не слушал.

— Мне нужно морально поддерживать Клэр, — начал он, обращаясь исключительно к сестре Стефании, — значит, никаких дальних перегонов и сверхурочных исключены. Никаких поездок на Великие озера и в Канаду.

Монахиня снова взглянула на Харкинса, и он снова молча поднял брови.

— Хорошо, мы подумаем, как вам помочь, — проговорила она, повернувшись к Энди.

— Самое главное, ни о чем не рассказывать посторонним. У нас в приюте Пресвятой Девы Марии свои порядки, порой непонятные простым обывателям.

— Ясно, — кивнул Энди, и позволил себе ухмыльнуться, — все ясно.

Сестра Стефания встала так резко, что черная ряса с шумом заколыхалась.

— Вот и отлично, — проговорила она. — Будем постоянно держать связь. Энди, хочу прояснить один момент: и ваша, и наша первоочередная задача сейчас — забота о благополучии Клэр.

— Естественно, я только «за», — с нарочитой небрежностью проговорил Энди, чтобы немного осадить этих святош. Он встал и повернулся к Клэр: — Пойдем, милая, нам пора.

Клэр не шевельнулась — она по-прежнему изучала узор на ковре. Сестра Ансельм шагнула к ней и осторожно коснулась ее плеча.

— Клэр, ты как, ничего?

Клэр с явным трудом оторвала взгляд от ковра, пытаясь сосредоточиться, посмотрела на монахиню и медленно кивнула.

— С ней все в порядке! — рявкнул Энди. Вопреки его стараниям, прозвучало грубо, почти угрожающе. — Я позабочусь о ней, правда, милая? — он схватил Клэр за локоть и рывком поднял. На миг показалось, что она упадет, но Энди не позволил — положил руку на плечо и повернул к двери. Сестра Стефания вышла из-за стола, чтобы их проводить. Секундой позже они втроем скрылись в коридоре.

— У девушки явные проблемы, — тихо сказала сестра Ансельм.

— Думаете, она... — с тревогой в голосе начал отец Харкинс, но не договорил.

— Нет, — в голосе сестры Ансельм звенело раздражение, — я думаю, она

близка к нервному срыву, очень-очень близка.

Вернулась сестра Стефания.

— Боже милостивый, ну и ситуация! устало проговорила она и повернулась к Харкинсу: — Архиепископ уже...

— Да, я позвонил в его канцелярию, — перебил священник. — Представитель его милости побеседует с высоким комиссаром. — Вмешательство полиции совершенно не в наших интересах.

Сестра Ансельм презрительно фыркнула. Сестра Стефания устремила на нее полный тревоги взгляд.

— Что вы сказали, сестра?

Вместо ответа сестра Ансельм демонстративно вышла из кабинета. Харкинс и сестра Стефания молча переглянулись: ну что тут скажешь?

Ступеньки крыльца обледенели, и чтобы Клэр не поскользнулась, Энди придерживал ее за плечи. После той роковой ночи она замкнулась в себе, и Энди не представлял, что с ней делать. Клэр целыми днями просиживала в трансе или смотрела по телевизору детские программы и мультфильмы про Багса Банни. А как она смеялась — раскатисто, хрипло, наверное, именно так хохочут ее немецкие родственники. Бессонными ночами Клэр лежала рядом с ним, и Энди чувствовал, как в ее голове крутится одна и та же мысль, от которой ей никак не удастся избавиться. На вопросы Клэр отвечала односложно или вообще молчала. Однажды ночью, когда Энди вернулся из Буффало, дом стоял прогруженный во мрак и тишину. Клэр он застал в детской: она сидела у окна, прижав к груди розовое одеяльце. Энди начал кричать, даже не потому что разозлился, а потому что испугался: озаренная голубоватым снежным сиянием, Клэр напоминала призрака. Энди орал, а она едва повернулась к нему, сосредоточенно насупив брови, словно услышала зов издалека.

Единственной отдушиной стала Кора. Именно она утешила Энди в ту роковую ночь и помогла пригладить объяснительную байку. Порой она сидела с Клэр днем и уже несколько раз готовила ужин — Энди заставлял Кору на своей кухоньке, а Клэр в вечном халате. Заплаканная и причесанная, его жена лежала на смятой постели, свесив ноги на пол. Почему-то ее бледные стопы с белесыми мозолистыми пятками вызывали омерзение. Вот у Кору стопы длинные, загорелые, узкие у пятки, а к носку плавно расширяются. Кора хотела лишь физической близости — никаких тебе признаний в любви, вопросов о том, что будет завтра. Характером она напоминала мужчину и даже в постели проявляла мужской аппетит.

Когда Энди вел Клэр по подъездной аллее, навстречу им попалась Бренда Раттледж. Длинное пальто из альпаки, вязаная шапка, отороченные мехом сапоги — Энди не узнал медсестру, с которой столкнулся после рождественской вечеринки у Кроуфордов, он, вообще, мало что запомнил, лишь отдельные эпизоды. Клэр помалкивала — не разберешь, узнала она ее или нет. Зато Бренда Раттледж прекрасно запомнила странную пару — молодую бледную женщину с ребенком и ее злого, явно переборщившего с пивом мужа: лицо у него было совершенно детское. Сегодня молодая женщина выглядела ужасно — лицо серое, осунувшееся, точно изъеденное страхом или горем. Она едва передвигала прямые, негнущиеся ноги, муж вел ее, обняв за плечи.

Бренда надеялась, что Америка не похожа на ее родину, что жители Нового света открытые, счастливые и дружелюбные. Увы, американцы оказались та-

кими же, как ирландцы — злыми, мелочными пессимистами. «Хотя это же Бостон, — напоминала себе Бренда. — Здесь одни ирландцы с жуткими воспоминаниями о картофельном голоде[25] и «плавучих гробах»[26]... Все, хватит думать о плохом! И о доме, и о своем одиночестве — тоже».

Дверь распахнула молодая монахиня с лошадиными зубами — та самая, которая открыла в первый раз, когда Бренда принесла сюда малышку. Хотелось спросить, как ее зовут, но Бренда не знала, можно ли задавать такие вопросы, да и имя, наверняка будет не настоящее, а какой-нибудь не известной ей святой. Улыбка монахини очень красила ее свежее личико. «Улыбаться ее здесь скоро отучат», — с тоской подумала Бренда. Как и молодые супруги на подъездной аллее, монахиня Бренду не вспомнила, хотя прошло уже несколько месяцев, за это время она, наверное, открыла дверь сотням молодых женщин и девушек.

— Могу я увидеть сестру Стефанию?

Бренда опасалась, что молодая монахиня спросит, зачем, но та лишь пригласила ее войти и пообещала выяснить, на месте ли мать-настоятельница. Монахиня улыбнулась, обнажив лошадиные зубы, и на пухлых щечках появились ямочки.

Монахиня отсутствовала, казалось, целую вечность, а вернувшись, сообщила, что матери-настоятельницы сейчас нет. Ложь Бренда почувствовала сразу и растерялась — ну как после такого смотреть в молодое улыбчивое лицо?

— Я хотела справиться об одной малышке. Ее зовут Кристин.

Молодая монахиня стояла, аккуратно сложив руки на животе, и вежливо улыбалась. Бренда поняла, что она не первый курьер — а как еще себя называть? — который приходит в приют Пресвятой Девы Марии справиться о бывшем подопечном. Вспомнился начальник интендантской службы, предупредивший, что не стоит привязываться к ребенку. Старик едва взглянул на документы, откинулся на спинку стула и с вожделием уставился на грудь Бренды. «Милочка, я сотни раз такое видел. Молодые девушки, порой вчерашние школьницы, пересекают границу, а добравшись до Штатов, уже считают ребенка своим». «Разве я привязалась к Кристин? — спросила себя Бренда, шагая обратно по подъездной аллее. — Нет, просто иногда о ней думаю и вспоминаю, как впервые взяла ее на руки в Дан-Лэри. Интересно, где ребенок тех молодых супругов?» Вспомнив бледное лицо и пустые, мертвые глаза незнакомой женщины, Бренда содрогнулась.

Глава 26

Фиби проспала почти весь полет, а Квирк с мрачной целеустремленностью вливал в себя бесплатное бренди, которое щедро подносила кокетливая стюардесса. Разница во времени сэкономила пять часов, но самолет приземлился уже затемно, и Квирку стало отчаянно жаль выпавшего из жизни, потерянного дня — с одной стороны, потерянного, с другой — куда важнее большинства других. Из аэропорта Квирк и Фиби на такси добрались до Пенсильванского вокзала: оба сидели сзади, но каждый у своего окошка, оба заторможенные, хотя и по разным причинам. Поезд был новый, красивый и быстрый, однако пах не лучше, чем старые паровозы. На бостонском вокзале их встретил водитель Джоша, молодой стройный брюнет, очень напоминавший школьника, вырядившегося в красивую форму — и тебе кожаные лосины, и фуражка с блестящим козырьком. От водителя пахло бриолином и сигаретами. Квирк спросил, как его зовут, и тот представился Энди.

Лил ледяной дождь. Пока ехали по озаренному вечерними огнями городу, Квирк высматривал знакомые места, но не увидел ни одного. Казалось, прошло не двадцать лет, а тысяча с тех пор, как они с Мэ-лом, начинающие медики — в то время они больше притворялись медиками — прибыли в Массачусетскую больницу на годичную интернатуру, которую выбил им Джошуа Кроуфорд, старинный приятель судьи Гриффина, почетный гражданин Бостона и отец двух очаровательных дочерей на выданье. Пожалуй, прошло больше тысячи лет...

— Что, щемящие воспоминания нахлынули? — подначила Фиби, сидевшая у другого окна. Квирк даже не заметил, что она за ним наблюдает, и промолчал. — В чем дело? — спросила она совершенно другим тоном. Квирк хандрил чуть ли не с самого Дублина, что Фиби порядком надоело.

Квирк снова глянул на яркие огни Бостона.

— О чем именно ты спрашиваешь? — уточнил Квирк.

— Теперь что, шутки в сторону? Ты изменился, занудой стал. Дуться-то я должна! Ты из-за падения такой?

Квирк ответил не сразу.

— Мне бы хотелось... — начал он.

— Чего?

— Ну, поговорить с тобой.

— Мы же говорим.

— Разве?

Фиби пожалала плечами, ну и черт, мол, с тобой, а Квирк посмотрел в зеркало заднего обзора и перехватил внимательный взгляд молодого водителя.

Юг Бостона остался позади, и они выехали на шоссе. Особняк Джоша Кроуфорда в Норт-Скайтуэйт, это двадцать миль по побережью на юг от Бостона. После Куинси они свернули на проселочную дорогу и покатали мимо деревьев, окутанных океанским туманом, и редких домов, из окон которых лился желтый свет, в ночном мраке казавшийся таинственным. В Бостоне до сих пор лежали сугробы, а здесь, у океана, Квирк даже на обочине дорог иней не заметил. На возвышении стояла церковь с белым шпилем и темными окнами, одинокая, призрачная, печальная. В салоне царил тишина, и Квирк, для которого приятное тепло бренди уже превратилось в грязный жгучий пепел, уже

не в который раз за последние дни почувствовал отстраненность от внешнего мира. Ему чудилось, что огромная машина, легко петляющая по проселочной дороге на своей прекрасной подвеске, взмыла над землей и по волнам сырой тьмы плывет в тайную гавань, где пассажиры покинут плен салона и улетят прочь. Квирк прижал к глазам большие пальцы: что за ерунда сегодня лезет в голову?!

Едва машина подкатила к воротам Мосс-Мэнора, где-то на территории поместья завыли сторожевые псы. С подъездной аллеи было видно, что дверь особняка гостеприимно распахнута, а на крыльце кто-то стоит. «Как в доме узнали, что мы уже близко? — гадал Квирк. — Шум мотора услышали или на повороте увидели горящие фары?» Водитель Энди лихо развернул большую машину и подогнал к самому крыльцу, на котором, как теперь убедился Квирк, ждала высокая стройная женщина в свитере и брюках. Энди открыл Фиби дверь, и она вышла с одной стороны, Квирк — с другой. В сыром ночном воздухе повис запах выхлопных газов, вдали завыл туманный горн, и собаки затихли.

— Ну, путешественники, прибыли? — чуть насмешливо проговорила женщина. Фиби первой поднялась по ступенькам, и женщина взяла ее за руки. — Ничего себе! — хрипло, с тягучим южным акцентом воскликнула она. — Только взгляни на себя! Совсем взрослая и настоящая красавица! Что, поцелуешь злую сводную бабушку?

Восторженная Фиби чмокнула ее в щеку.

— Как же мне тебя звать? — спросила она, смеясь.

— Зови меня Роуз, красотка. Впрочем, думаю, мне не следует звать тебя красоткой.

Поворачиваться лицом к Квирку Роуз не спешила, вероятно, давая ему время восхититься своими каштановыми волосами, аккуратно убранными назад, высоким лбом, тонким носом и сочными губами, изогнутыми в насмешливой снисходительно-ленивой улыбке. Наконец она протянула ему руку, тонкую, прохладную, но на вид не такую молодую, как лицо.

— А вы наверняка знаменитый мистер Квирк, — проговорила Роуз, беззастенчиво его разглядывая. — Я много о вас слышала.

— Надеюсь, только хорошее? — с иронией спросил Квирк и отвесил поклон.

— Боюсь, нет, — с ледяной улыбкой ответила Роуз и снова повернулась к Фиби: — Милая, ты наверняка с ног падаешь. Перелет-то долгий и утомительный.

— Что ты, со мной же был мой личный клоун! — Фиби закатила глаза в притворном изнеможении.

Они вошли в просторное фойе с высоким потолком, и водитель Энди принес чемоданы. Квирк окинул взглядом звериные головы на стенах, широкую дубовую лестницу, темные потолочные балки. Почему-то все казалось липким, словно дерево ежегодно покрывали лаком, и слои до конца не высохли. Двадцать лет назад Квирка поразило псевдогоготическое убожество Мосс-Мэнора, сейчас же, по его мнению, особняк пообтерся. Это следы неумолимого времени или он сам стал менее впечатлительным? Наверное, все-таки время: особняк Джоша Кроуфорда состарился вместе с хозяином.

Появилась служанка в темно-синей форме. «Ирландка», — подумал Квирк,

глядя на бесцветные волосы и печальные глаза.

— Дейдр покажет ваши комнаты, — объявила Роуз Кроуфорд. — Как будете готовы, спускайтесь сюда: перед ужином у нас аперитив. — Она легонько коснулась рукава Квирка и добавила — Джош ждет вас как из печки пирога. — И в ее словах, и в улыбке Квирк снова почувствовал сарказм.

Служанка повела их к лестнице, а водитель Энди уже унес чемоданы на второй этаж.

— Как бабушка? — спросила Фиби.

— Боюсь, милая, он умирает, — с той же улыбкой ответила Роуз.

Верхние этажи дома казались менее угнетающими и нелепо-величественными, чем первый. В темно-розовых стенах и ампирной мебели угадывался почерк Роуз Кроуфорд. Сперва служанка показала комнату Фиби, потом — Квирку. Тот едва не споткнулся на пороге, мгновенно сообразив, куда попал. На комод из инкрустированного орехового дерева стояла фотография в изящной серебряной рамке, запечатлевшая Делию Кроуфорд семнадцатилетней. Квирк хорошо помнил эту фотографию: в свое время он упросил Делию подарить ему такую. Он поднес руку ко лбу и нащупал шрам: после выписки из больницы появилась новая привычка. «Извините, — проговорил он, перехватив недоуменный, перепуганный взгляд служанки. — В этой комнате жила моя покойная жена». Фотографию сделали на балу дебютанток — Делия была в тиаре, еще в кадр попал высокий ворот роскошного вечернего платья. Она подняла безупречной формы бровь и смотрела не просто озорно, а сладострастно. Квирк прекрасно знал такие взгляды: в месяцы любовного безумия они заводили его так, что пах ныл, а язык вибрировал. Делия смеялась: Квирк корчился перед ней, изнывая от желания. Оба верили, что спешить им некуда.

Служанка ушла, беззвучно притворив за собой дверь, а Квирк сел на кровать лицом к комоду и ссутулился — руки безвольными плетями повисли между колен. В доме царил тишина, а ему до сих пор слышался неумолчный гул авиадвигателей. «Ну что теперь, Квирк?» — спрашивал насмешливый взгляд Делии. Он вытащил бумажник и достал другую фотографию, куда меньше первой, мятую, с оторванным краем. На этом снимке была семнадцатилетняя Фиби. Квирк вставил фотографию в уголок серебряной рамки и, замерев в той же усталой позе, долго смотрел на мать и дочь.

Квирк спустился на первый этаж и на звук голосов прошел в просторную комнату с дубовыми полами, где, как ему помнилось, была библиотека Джоша Кроуфорда. Там стояли высокие книжные шкафы со стеклянными дверцами, набитые книгами с кожаными переплетами, которые никто никогда не открывал, в центре — длинный стол для чтения с наклоненной в разные стороны столешницей и большой старинный глобус на деревянной подставке. В камине высотой в человеческий рост горели дрова. На кожаном диванчике сидели Роуз и Фиби, напротив них, с другой стороны от камина, Джош Кроуфорд в инвалидном кресле. Он был в богатом шелковом халате, подпоясанном малиновым кушаком и расшитых золотыми звездами тапочках с загнутыми наверх носами. На худых плечах лежала голубая кашемировая шаль. Квирк смотрел на лысый, покрытый родинками череп, напоминающий перевернутую грушу, редкие вялые пряди на висках и затылке, возрасту назло выкрашенные в черный, воспаленные веки, беспокойные грубые руки с выпираю-

щами венами, а видел энергичного, холеного, опасного мужчину, которого он знал двадцать лет назад, настоящего пирата, совершившего удачную вылазку на это побережье. Еще Квирк видел, что Роуз Кроуфорд не преувеличивает — ее муж умирал и умирал быстро. Не изменились лишь глаза Джоша — цвета ноябрьской тучи, пронзительные, насмешливо-безжалостные. Сейчас эти глаза впились в Квирка.

— Так, так, явился, не запылится...

— Здравствуйте, Джош!

Едва Квирк приблизился, Джош заметил хромоту и черную бляшку под левым глазом — след тяжелого ботинка толстяка Джуди или Панча.

— Что с тобой случилось?

— Упал, — коротко ответил Квирк, которому до смерти надоело повторять бессмысленную ложь.

— Неужели? — Джош ухмыльнулся половиной сморщенного бесцветного рта. — Нужно быть осторожнее.

— Да, все так говорят.

— Что же ты не слушаешь?

Роуз явно забавляла их маленькая перебранка. Она переоделась в узкое обтягивающее платье из алого шелка и алые туфли на трехдюймовом каблуке. Глубоко затянувшись, она выпустила к потолку струйку сизого дыма и покрывала своим бокалом, так, что кубики льда весело звякнули.

— Выпейте, мистер Квирк, — предложила Роуз, поднявшись с диванчика. — Как насчет виски? — Она повернулась к Фиби: — А ты, милая? Джин с тоником? Мистер Квирк, ей можно?

— Да что ты его спрашиваешь?! — беззаботно воскликнула Фиби и показала Квирку язык. Она тоже нарядилась, выбрав платье из темно-синего атласа.

— Спасибо, Роуз, что поселили меня в комнате Делии, — сказал Квирк. Роуз уже склонилась над столиком, где стояли бутылки, но тут же обернулась с бутылкой и стаканом в руках.

— Боже милостивый, это ее комната?! — пролепетала Роуз, пожала плечами с наигранным сожалением и нахмурилась. — Льда опять нет. — Она шагнула к камину и нажала на кнопку в стене.

— Лично мне лед не нужен, — заявил Квирк. Роуз вручила ему стакан с виски и, якобы замешкавшись, шепнула, чтобы слышал только он:

— Значит, мне не ввали. Мистер Квирк, вы настоящий великан! — Квирк растянул губы в улыбке, а Роуз, чуть заметно качнув бедрами, вернулась к столику с напитками, чтобы налить джин Фиби и второй бурбон себе. Джош Кроуфорд с коляски ревностно следил за каждым ее движением и безостановочно скалился. Когда появилась служанка, Роуз потребовала лед. Чувствовалось, что бедная девушка боится ее как огня.

— А ты, Джош, еще заставляешь меня брать на работу бродяжек и нищенков! — посетовала Роуз, когда служанка ушла.

— Они добрые католички! — засмеялся Кроуфорд, поморщился, словно от боли, и помрачнел. — Здесь очень жарко, пойдете в Хрустальную галерею!

Роуз поджала губы и хотела возразить, но перехватив взгляд мужа — лицо у Джоша было хмурое, в глазах — ни света, ни тепла — отодвинула стакан с бурбоном.

— Как скажешь, милый, — пропела она. — Как пожелаешь.

Все четверо отправились в оранжерею коридорами, забитыми дорогой уродливой мебелью — дубовыми стульями, кофрами, скрепленными медными заклепками; грубо сколоченными столами, судя по виду, прибывшими сюда на «Мэйфлаузере» [27], что Квирк вполне допускал. Первым шел Квирк, толкавший коляску Джоша, следом — Роуз и Фиби.

— Что, Квирк, приехал посмотреть, как я умираю? — спросил Джош, даже не обернувшись.

— Я приехал с Фиби, — отозвался Квирк.

— Ну да, конечно!

В Хрустальной галерее Роуз сразу же щелкнула выключателем, и над их головами с негромким жужжанием зажглись люминесцентные лампы. Квирк посмотрел на огромный стеклянный купол, испещренный пунктиром дождя. Теплый влажный воздух пах перегноем и соком растений. Как же он не запомнил это удивительное место? Делия наверняка его сюда приводила. Вокруг зеленели пальмы, папоротник и отцветшие орхидеи, напоминающие большие причудливой формы уши, подслушивающие нарушителей покоя. Роуз отвела Фиби в сторону, и вскоре обе исчезли среди пышной зелени. Квирк подкатил коляску к чугунной скамейке и сел, радуясь возможности разгрузить колесо. Скамейка оказалась влажной и тепловатой. Обогрев такой теплички зимой стоил не меньше, чем год работы Квирка.

— Говорят, ты мешаешь нашим делам, — начал Джош Кроуфорд.

Квирк недоуменно взглянул на старика. Джош смотрел на пальмы, за которыми скрылись Роуз и Фиби.

— Каким еще делам?

Джош хмыкнул и издал звук, подозрительно похожий на смешок.

— Квирк, ты боишься смерти?

— Не знаю, — немного подумав, ответил Квирк. — Да, наверное. Смерти все боятся.

— Я не боюсь, точнее, чем ближе она, тем меньше страх. — Джош вздохнул, и в его груди заскрежетало. — Единственное преимущество старости — возможность достичь равновесия между добром и злом, хорошим и плохим. — Кроуфорд повернул голову и наконец взглянул на Квирка. — В свое время я наделал немало плохого. — Джош снова хмыкнул, и в его груди снова заскрежетало. — Людей намеренно губил... Но и добро тоже сеял. — Он сделал паузу. — Сейчас правильно говорят: это действительно Новый свет. Европе конец — скажи спасибо войне и послевоенной сумятице. — Джош ткнул длинным корявым пальцем с желтым ногтем в цементный пол. — Отныне жизнь сосредоточена здесь, здесь теперь благословенная земля. — Кроуфорд кивал, а его челюсти безостановочно работали, точно он пережевывал что-то тягучее. — Слышал историю этого дома? Нет? В пору Великого голода здесь, в Скайгуэйте, высадились ирландцы. Протестанты и англичане, аристократы чертовы, обосновались на Северном берегу. Ирландцев туда не звали, и они двинулись на юг. Частенько представляю их, — Джош постучал длинным пальцем по лбу. — Тощие дикари с костлявыми рыжими женами и целыми выводками живучих, как тараканы, детей. Нищие, сначала они голодали дома, потом здесь. Места-то здесь суровые — одни скалы да солончаки. Так и вижу, как они бродили по побережью, ловили на мелководе моллюсков и крабов. Мы, ирландцы, моря побаиваемся. Впрочем, там, на скалистых грядках, —

Джош показал через плечо, — поселились несколько рыбацких семей. Коннемара, например, ловкие, жилистые, как выдры, штормов не страшатся, умеют рыть каналы. Однажды во время отлива они заметили на скалах красный мох. В Ирландии он тоже растёт, *chondus crispus* и его разновидность, *gigartina tamillosa*. Как у тебя с латынью, Квирк? В общем, это карраген, он же ирландский мох. В те времена его считали красным золотом и использовали везде — и в бланманже, и в типографской краске. Во время отлива Коннемара собирали мох граблями, грузили в свои плоскодонки, сушили и на телегах отправляли в Бостон. Лет через десять они стали миллионерами, самыми настоящими миллионерами. Один из них, Уильям Мартин Макконнелл из графства Мейо, он же Билли-Босс, построил этот дом. Билли-Босс и Мэнор-Мосс — вот тебе и рифма! Потом построили железную дорогу, в тысячу восемьсот семьдесят втором пошли поезда. В Норт-Скайтуэйт появились отели, в Иджипт-Бич и Сидар-Пойнт — богатые дома. Ирландские мещане, бизнесмены из Куинси и даже из Вустера — все сюда повалили, каждому хотелось оттяпать кусочек богатого побережья. У кардинала Керли в свое время был здесь дом... забыл, где именно. Эти места прозвали Ирландской Ривьерой, хотя, по-моему, и сейчас называют. Поля для гольфа и загородные клубы росли как грибы после дождя. Спортивно-развлекательный центр Хатерли-Бич, как звучит, а?! — Джош хмыкнул, и его большая, хрупкая на вид голова закачалась на тонкой жилистой шее. Кроуфорда забавляли истории о выползших из грязи ирландцах, об их невероятном успехе и скороспелой манерности. Вот что по-настоящему питало и поддерживало умирающего Джоша — амброзия из воспоминаний, невольного уважения и злорадства. — Квирк, бороться с ирландцами бесполезно. Мы, как крысы — в каждой щели, в каждом углу. — Джош закашлялся, несколько раз стукнул кулаком в грудь и обессиленно откинулся на спинку кресла. — Квирк, я вопрос тебе задал, — хрипло прошептал Джош. — Зачем ты сюда приехал? Только не говори, что из-за Фиби.

Квирк пожал плечами и сел поудобнее, чтобы расслабить больную ногу. Чугунная скамья быстро остывала.

— Я сбежал, — объявил он.

— От кого?

— От плохих людей, которые делают плохие вещи, — проговорил Квирк. Кроуфорд улыбнулся и отвел взгляд. — Джош, каким вашим делам я помешал?

Кроуфорд поднял голову и безучастно посмотрел на высокие стеклянные панели. «Сколько их здесь?» — подумал Квирк. Огромная галерея с искусственным микроклиматом могла существовать хоть под водой, хоть в космосе.

— Квирк, знаешь, кто я? Сеятель! Только обычно сеют семена, а я — человеческие души.

Роуз и Фиби остановились у глиняного горшка с розовым кустом без листьев. Стебли с шипами напоминали Фиби костлявые руки сказочной ведьмы.

— Эти розы названы в честь меня, — объявила Роуз. — Ерунда, правда? Джош заплатил кучу денег английскому селекционеру, и вот, пожалуйста, сорт «Роуз Кроуфорд». Цветы жутко-малиновые и совершенно не пахнут. — Роуз улыбнулась Фиби, которая из вежливости слушала и кивала в нужных местах. — Вижу, садоводство тебя не интересует. Ничего страшного, меня, если честно, тоже, но я притворяюсь ради Джоша. — Роуз коснулась рукава Фиби и

повела ее обратно. — Ты ведь у нас поживешь?

— В Бостоне? — в голосе Фиби звучало недоумение и слабая тревога.

— Ну да, останься с нами, со мной. Джош очень на это надеется.

— Что мне здесь делать?

Что пожелаешь. Можно учиться — мы устроим тебя в Рэдклифф или в Бостонский университет. Можно бездельничать — осмотришься и просто живи, ты же наверняка умеешь.

Вообще-то Роуз чувствовала, что «просто жить» — один из навыков, и вероятно важнейший, которым Фиби еще не овладела. За глянцевым слоем лоска и прагматичности скрывалась милая девочка, неопытная, неуверенная в себе, мечтающая о взрослой жизни, но сомневающаяся, что к ней готова. Роуз могла бы открыть ей столько нового и интересного... Здорово, наверное, иметь юную протезе!

Они нырнули под переплетенными побегами какого-то тропического плюща — Фиби решила, что он похож на паучьи ноги — и увидели Квирка и Джоша Кроуфорда.

— Только посмотри на них! — остановившись, шепнула Роуз. — Они говорят о тебе.

— Обо мне? Откуда ты знаешь?

— Я знаю все. — Роуз снова коснулась рукава девушки. — Ты ведь подумаешь над моим предложением? Ну, останься в Бостоне?

Фиби кивнула, растянув в улыбке плотно сомкнутые губы. Ее глаза сияли, голова кружилась от возбуждения. Примерно то же самое она чувствовала в детстве, когда папа качал ее на садовых качелях. «Выше, выше!» — просила она и порой думала, что сделает «солнце». В самой верхней точке качели на миг замирали, и маленькая Фиби окуналась в море пустоты, тишины и свеча. Сегодня волшебное ощущение вернулось и не на мгновение, а повторялось снова и снова. Фиби понимала, что джин выпила напрасно — это ведь в Бостоне десять вечера, а в Дублине глухая ночь — но особенно не переживала. В один момент она примерной малышкой сидела на качелях, а в следующий ее подтолкнула сильная рука, и она взмыла так высоко, как раньше и не мечтала.

Они с Роуз приблизились к мужчинам. Искалеченное лицо Квирка распухло от выпивки и усталости, бляшка под левым глазом стала мертвенно бледной.

— А вот и моя любимая внучка! — воскликнул Джош, широко улыбнувшись Фиби.

— Тоже мне комплимент! — фыркнула Фиби и улыбнулась в ответ. — Я же твоя единственная внучка.

Джош притянул ее к себе.

— Только посмотри на себя! Девочка превратилась в красивую женщину.

Квирк наблюдал за ними, с горечью изумляясь, как быстро Фиби простила деду, что он вместе с остальными выступал против ее брака с Конором Каррингтоном. Роуз, в свою очередь, наблюдала за Квирком и заметила в его лице усталую горечь.

— Куда только годы летят, а, мистер Квирк? — беззаботно поинтересовалась она.

Бренда Раттледж в форме медсестры с аккуратной шапочкой на голове при-

несла на серебряном подносе пузырек с таблетками и стакан воды. Увидев Квирка, она замерла и раскрыла рот от удивления. Сам Квирк удивился не меньше: он начисто забыл, что Бренду устроили в Мосс-Мэноре.

— Мистер Кроуфорд, пора принимать лекарства! — объявила она, с явным трудом справляясь в волнении.

— Здравствуй, Бренда! — с усталой улыбкой проговорил Квирк.

— Здравствуйте, мистер Квирк, — ответила Бренда, но глаз не подняла. Не желает она, не может встретиться с ним взглядом! Они с Фиби кивнули друг другу, хотя познакомить их никто не удосужился.

Роуз изумленно смотрела то на Квирка, то на медсестру. Джош Кроуфорд тоже уловил нечто необычное и, ослабившись, спросил:

— Что, старые знакомые?

— Мы вместе работали.

Возникла пауза: Джош, Роуз и Фиби наверняка гадали, насколько тесно сотрудничали Квирк и Бренда. Наконец Кроуфорд взял стакан с водой, Бренда высыпала таблетки ему на ладонь, он запихнул их в рот, запил и поморщился.

Роуз сложила ладони, как для молитвы.

— Мистер Квирк, Фиби, как насчет ужина?

Квирку не спалось.

За ужином почти не разговаривали. «Как на похоронах», — думал Квирк, вспоминая озаренную свечами столовую. Мясо, поджаристый картофель и тушеная капуста с морковью — все казалось покрытым липким невысохшим лаком. Не раз и не два сознание Квирка уплывало в сумеречную, полную неразличимых звуков даль — на границу сна и яви. На лестнице он запнулся, Фиби взяла его под руку и пошутила, мол, нарушение режима дня даром не проходит. На кровать, Квирк упал, не переодевшись — чемодан он так и не распаковал. Фотографию Делии он повернул к стене, но присутствие давно умершей жены все равно ощущалось и лишало покоя. Точнее, беспокоило не присутствие Делии, а воспоминания, отравленные злобой и болью. Терзаться воспоминаниями Квирку не хотелось, но он ничего не мог с собой поделать. Итак, дело было двадцать лет назад после прощального ужина, который Джош Кроуфорд устроил в их с Мэлом честь. Делия отвела его в сторонку и, прижав пальчик к лукаво улыбающимся губам, шепнула: «Пошли!» Они поднялись в эту самую комнату и легли на эту самую кровать. Сперва Делия даже платье не сняла, запрещаала к себе прикасаться и отбивалась от его назойливых рук. Квирк до сих пор слышал ее смех, и соблазнительно-хриплый голос. «Мой жеребец!» — шептала она ему на ухо. Квирк решил, что ничего не добьется, но Делия ловко скинула платье — позднее Квирк с горечью осознал, что такая ловкость приходит лишь с большим опытом, — раскрыла объятия и, улыбаясь, пустила его в себя так глубоко, словно не хотела выпускать...

Квирк поднялся, но целую минуту стоял с закрытыми глазами, дожидаясь, когда пройдет головокружение. В самолете он выпил слишком много виски, за ужином — слишком много вина, в перерыве выкурил слишком много сигарет, и сейчас ему чудилось, что рот устилает тончайший слой горелого мяса. Квирк надел пиджак и отправился бродить по безмолвному дому. Казалось, остальные тоже не спят, в неподвижном воздухе ощущалось их присутствие, словно они были рядом и следили за ним. Медленно и осторожно Квирк спустился по широкой дубовой лестнице — трость зажал под мышкой, перевязан-

ную ногу поддерживал обеими руками и неуклюже переставлял ее с одной ступеньки на другую. Куда именно пойдет, Квирк не знал. Неужели... неужели настороженную враждебность источал сам дом, а не его обитатели? Двери, которые он открывал, раздраженно щелкали язычками замков, а когда закрывал их, вздыхали с облегчением, радуясь его уходу.

Квирк надеялся, что идет к Хрустальной галерее: там, в компании живых, но бесчувственных существ он успокоится, потом вернется в спальню и наконец уснет. Только где же галерея? Вместо нее он попал в не менее вычурную часть дома, к неглубокому длинному бассейну. Освещался он лампами, спрятанными в нишах с козырьком под выступающими краями бортиков, вода отбрасывала трепещущую тень на облицованные мрамором стены, а разделенный на секторы потолок напоминал крышу бедуинской палатки. Подогретый воздух и здесь был спертый, почти вязким, и поднявшийся на бортик бассейна Квирк, чувствовал, что между лопатками, на веках и верхней губе появляется пот. Где-то вдали завывли туманные горны. «Совсем как предсмертные вопли загарпуненных китов», — подумал Квирк и... затаил дыхание. В воде плавало тело.

Женщина в черном купальнике и резиновой шапочке лежала на спине: она закрыла глаза, вытянула руки в стороны и чуть согнула ноги в коленях. Плотная шапочка из черной резины мешала рассмотреть «утопленницу», и Квирк узнал ее не сразу. Захотелось тихонько сбежать: растревоженное неожиданной встречей сердце до сих пор несло бешеным галопом, но пловчиха перевернулась на живот и брасом подплыла к бортику, на котором он стоял. Увидев возвышающегося над водой человека с тростью, она испуганно отпрянула, по-лягушачьи замолотив руками, взбаламутила воду, но вскоре снова подплыла к бортику, подняла голову и невесело улыбнулась. Это же Бренда Раттледж!

— Боже, милостивый! — она схватилась за металлическую лестницу, р-раз, и выпрыгнула из воды. — Как вы меня напугали!

— Ты меня тоже, — признался Квирк. — Я решил, что ты труп.

— Ну вот! — засмеялась Бренда. — Кому, как не вам, знать разницу.

Она поднялась по лестнице и оказалась прямо перед Квирком, куда ближе, чем они оба ожидали. Квирк чувствовал не только прохладу ее мокрого тела, но и тепло крови. На мраморных стенах колыхались и плясали отблески спрятанных в ниши ламп. Бренда сняла шапочку и тряхнула волосами. — Вы ведь никому не скажете? Кроуфорды не позволяют слугам пользоваться бассейном. — Бренда отступила буквально на шаг и нагнулась за полотенцем. В такой откровенной позе Квирк ее еще не видел. Широкие бедра, короткие крепкие ноги — настоящая деревенская девушка, созданная для того, чтобы рожать детей. Квирк вдруг почувствовал себя старым. Бренда Раттледж еще сосала грудное молоко, когда он развлекался здесь с очаровательной Делией Кроуфорд. «Один поцелуй, — напомнил себе Квирк. — Я украл у Бренды один полупьяный поцелуй в ночь, когда впервые услышал имя Кристин Фоллс». Бренда накинула на плечи полотенце и вернулась к Квирку. Женское лицо без макияжа всегда завораживало Квирка, а когда Бренда подняла руку, он увидел влажный темный ежик.

— Что у вас с лицом? — спросила Бренда. — Я сразу заметила. Еще вы сильно хромаете.

— Упал.

Бренда заглянула ему в глаза, Квирк сразу понял: не поверила.

— Ой! — неожиданно взвизгнула она. — У меня капля на носу!

Бренда шумно втянула воздух, засмеялась и промокнула лицо полотенцем. «Все это со мной уже когда-то случилось», — подумал Квирк.

У бортика бассейна стоял низкий бамбуковый столик и два плетеных кресла. В одном из них устроилась Бренда, надев белый махровый халат. Под весом Квирка кресло хрустело, как огонь в камышах. Он предложил Бренде сигарету, но та покачала головой. Вода в бассейне почти успокоилась, отблески света на стенах и потолке лениво выписывали восьмерки и чем-то напоминали клетки крови, зажатые между предметными стеклами микроскопа.

— Почему не спите, поздно ведь? — спросила Бренда.

— Не могу, — Квирк пожал плечами, и кресло снова жалобно застонало.

— У меня тоже долго приспособиться не получалось. Думала, с ума сойду! — голос Бренды звучал хрипло, и Квирк расслышал в нем тоску.

— По дому соскучилась?

— Нет, — Бренда снова покачала головой, — я дома соскучилась, потому и уехала. — Она смотрела прямо перед собой, о чем-то размышляя. Бассейна Бренда явно не видела. — Я к этой работе привыкнуть не могу. И к чертовым туманным горам тоже.

— А Джош Кроуфорд? К нему ты уже привыкла?

— С такими, как мистер Кроуфорд, я управляться умею. — Бренда подняла ноги на кресло, подобрала под себя и целомудренно натянула халат на гладкие круглые колени. — Кирку захотелось зарыться в ее бедра лицом, нащупать языком холодные влажные губы, закрывающие горячее лоно. — Я удивилась, узнав, что вы сюда едете.

— Неужели?

Их голоса летели над водой и слабым эхо отражались от стен.

— Вы изменились, — объявила Бренда, окинув Квирка пристальным взглядом.

— Правда?

— Тише стали, спокойнее.

— «Шутки в сторону» — так Фиби сказала, — мрачно улыбнулся Квирк. — Мол, я стал настоящим занудой.

— По-моему, Фиби очень милая девушка.

— Да, она такая.

Возникла пауза, эхо исчезло. Где-то в доме раздался одинокий звонкий удар часов, секундой позже послышался еще один, но слабее, потом еще один, еще слабее, и снова воцарилась тишина.

— Бренда, ты что-нибудь знаешь о благотворительной кампании Джоша?

— О помощи приюту?

— Какому еще приюту? — уточнил Квирк, буравя девушку взглядом.

— Приюту Пресвятой Девы Марии, он в Бруклине. Мистер Кроуфорд практически его содержит. — Бренда содрогнулась от дурного предчувствия: чего добивается Квирк, зачем расспрашивает? — Вы очень приглянулись миссис Кроуфорд, — сказала она, чтобы сменить тему.

— Откуда ты знаешь? — Квирк удивленно поднял брови.

— Знаю и все.

— Понятно, женская интуиция!

Холодный насмешливый тон очень покоробил Бренду. Она встала, плотнее запахнулась в халат и среди танцующих по стенам и потолку отблесков зашагала прочь, держа купальную шапочку за ремешок.

— Ваша племянница права: шутки в сторону, — через плечо бросила Бренда.

Глава 27

Невысокие волны медленно катились мимо маяка и разбивались о скалы с такой силой, что хлопья белой пены взлетали над водой. Крутой берег словно нырял под воду, чтобы вынырнуть сперва у Провинстауна, а потом в неведомой заокеанской дали. Квирк и Фиби стояли на бетонном слипе и смотрели на горизонт. Сильный ветер с моря швырял им в лицо холодные брызги и прижимал к ногам длинные полы пальто. Фиби что-то сказала, но Квирк не расслышал из-за шума ветра, плеска волн и стука гальки, которую они переворачивали. Квирк сложил ладонь рупором, прижал к уху, и Фиби, встав на цыпочки, прокричала: «Сейчас расправлю крылья и взлечу!» Вот что значит молодость! Утомительный перелет из Ирландии на Фиби совершенно не сказался — глаза сверкали, на щеках цвел румянец. «Бьюик» Джоша Кроуфорда, большой, блестящий и горбатый, словно выбравшийся на сушу кит, стоял неподалеку на песчаной дорожке. Энди Стаффорд в форменном пальто наблюдал за ними, прищурившись. Фуражку с блестящим козырьком он держал в руках, из-за ветра черные набриолиненные волосы словно приклеились к голове. Серая форма делала его похожим на мальчишку-солдата, которого хлещут вихри войны.

Квирк и Фиби зашагали по песчаной тропе с подветренной стороны невысоких дюн. Чуть дальше от моря стояли дома: от соленых ветров краска на стенах облупилась, оконные стекла помутнели. Квирку с его тростью приходилось осторожничать: ровными песчаные тропки не бывают, а песколуб так и норовил оплести лодыжки и повалить наземь. Однако всем трудностям вопреки, он ощущал такую головокружительную легкость, что мог отдаться воле ветра и унести к хмурому небу. Квирк остановился и вытащил сигареты, но на ветру прикурить не получилось, и они пошли дальше.

— Мы гуляли здесь с Делией, — сказал Квирк, о чем тут же пожалел: теперь от вопросов Фиби не отделаться.

— Какой она была? — пытливо спросила девушка и сжала руку Квирка. — Ну, на самом деле? Мне любопытно, потому что в Мосс-Мэноре физически ощущается ее присутствие.

— Пожалуй, она была привлекательной.

Правда ли это? Щепетильность у Делии, настоящей дочери Джошуа Кроуфорда, отсутствовала в зачатке, и это безумно привлекало Квирка. При этом он ее ненавидел. Теперь любовь и ненависть казались сторонами драгоценной монеты, которая сама пришла к нему в руки. Фиби медленно кивала, словно он изрек нечто глубокомысленное. Чем вызвано желание узнать, какой «на самом деле» была Делия? Неужели каким-то интуитивным чутьем?

— Я думала, привлекательной была мама.

— В ту пору мы были совсем другими, — отозвался Квирк, чувствуя себя сентиментальным стариком, тоскующим по прошлому. Наверное, ему надое-

ло быть Квирком, только выбирать, увы, не приходилось. — Ну, то есть в молодости и я, и твои родители были не такими... — Квирк осекся. — Вернемся к машине, от ветра у меня голова болит.

Квирк мучился не только из-за ветра. Когда Фиби говорила о Делии, он чувствовал себя, как прелюбодей, когда жена вскользь упоминает подругу, с которой у него связь. Квирк понимал, что должен рассказать дочери — дочери! — правду, должен объяснить, кто ее настоящие родители, но не знал, как. Это же... нечто незаурядное, уму непостижимое, как такое передать словами? После такого разговора их взаимопониманию, доверию и беззаботному веселью придет конец. Воистину, уму непостижимо, разве после стольких лет — для Фиби это целая жизнь — он сможет стать ей отцом? Тем не менее сейчас, греясь теплом руки Фиби, он убеждал себя, что двадцать лет сердцем чувствовал пустоту, которую могла и должна была заполнить дочь. По-«еле признания Сары в его душе накапливалось нечто, рвущееся на свободу, словно перегороженная плотиной река. Если убрать заслоны, «река» затопит его относительно спокойную жизнь, поэтому Квирк молча улыбался, хромая вслед за ничего не подозревающей дочерью, которая из любопытства спрашивала о той, которую по незнанию не считала матерью. «Однажды ты поплатишься за свою слабость, лень и трусость!» — с мстительным злорадством сказал себе Квирк. Ведь дело было в банальной трусости. Какие предлоги ни сочиняй, сколько ни говори о взаимопонимании, доверии и беззаботном веселье, которым нельзя рисковать — это лишь алиби, благовидный предлог, позволяющий и дальше жить в свое удовольствие.

Энди Стаффорд сел в машину и собирался закурить, но, заметив, что пассажиры возвращаются, поспешно спрятал сигарету. Ковыляющий с тростью Квирк напоминал огромную механическую игрушку. Увидев свое отражение в зеркале заднего обзора, Энди испугался: лицо перекошенное, глаза вороватые, бегающие. Фиби зябко куталась в пальто. Когда она села в салон, Энди хотел накрыть ее колени клетчатым пледом, но девушка забрала плед и бросила к заднему окну, даже не взглянув на любезного водителя. «Бьюик» развернулся и поехал прочь от дюн, пружиня на восхитительной динамичной подвеске, а Энди осталось только слушать чужие разговоры.

— Как вы встретились? — спросила Фиби. — Ну, вы четверо.

Квирк накрыл ладонями набалдашник трости и смотрел в окно на удаляющееся побережье.

— Твой дедушка устроил нас с Мэлом в Массачусетскую больницу, — начал он. — На летнюю практику с возможностью зачисления в штат, ну, если бы все срослось, чего, как ты понимаешь, не произошло по ряду причин.

— Одной из которых была Делия?

— Я вполне мог остаться, — пожал плечами Квирк. — Платили хорошо, даже по тем временам, но потом... — Он не договорил, чувствуя, что лжет, хотя это было совсем не так. Казалось, тайна отравляет каждое его слово. — В Массачусетской больнице лежала твоя бабушка, и Сара пришла ее навестить. Она не знала, что ее мать умирает, и объявить страшную новость выпало мне. По моему, она обрадовалась... Разумеется, не новости, а что узнала правду. На какое-то время Мэл с Сарой и мы с Делией стали неразлучной четверкой. — Квирк сделал паузу. «Хорошо платили», «неразлучная четверка» — неужели он надеется, что, заболтавшись, по инерции раскроет секрет? Секрет, который

Фиби имеет право знать, а он не решается озвучить должным образом?

Фиби уже не слушала, она апатично смотрела в окно: машина свернула на шоссе и покатила к Норт-Скайтуэйт. Квирк вгляделся в затылок Энди Стаффорда голова маленькая, как у котика, сужающаяся к шее — и подумал: «Вот оно, наглядное проявление физиогномики бедных и обездоленных». Голос Фиби не на шутку его напугал.

— Роуз хочет, чтобы я осталась здесь, — выдохнула она, изображая усталое безразличие.

— Здесь? — переспросил Квирк.

Фиби искоса на него посмотрела: со сложенными на набалдашнике трости руками Квирк очень напоминал дедушку Гриффина.

— Ага, здесь, в Америке, в Бостоне.

— Хмм.

— Что значит хмм?

Квирк снова взглянул на затылок водителя, до странного неподвижный: машина-то летела на полной скорости.

— По-моему, мысль не самая удачная.

— Почему это?

Квирк задумался. Что ответить? В самом деле, почему бы Фиби здесь не остаться? Почему бы не поступить, как хочется? Кто он такой, чтобы ее поучать?

— Как насчет дома? — только и спросил он. — И как насчет Конора Каррингтона?

Фиби сделала кислое лицо и отвернулась к окну. Они проезжали церковь с белым шпилем, которую накануне видели в густой дымке. Сегодня она казалась безобидной, даже робкой, словно среди бела дня устыдилась призрачного обличия.

— Дом сейчас далеко, — тихо ответила Фиби, — причем дело не только в милях.

— Дом правда далеко, и милями, и всем остальным. Это самое главное... — Квирк замялся, не зная, какие слова подобрать, и начал снова: — Я обещал твоей... Я обещал Саре за тобой приглядывать. Не знаю, хотелось ли бы ей, чтобы ты здесь осталась. Нет, не так: я знаю, что ей бы этого не хотелось.

— Что? — Фиби снова отвернулась от окна и смерила Квирка надменным взглядом. На миг он увидел, какой она будет лет в тридцать пять — копией Делии, только теплее и мягче. — Откуда ты знаешь, что ей бы этого не хотелось?

В груди Квирка стало тесно — неужели от гнева? — и он снова сделал паузу. Затылок Энди Стаффорда превратился в блестящее, похожее на луковицу подслушивающее устройство. — Фиби, ты кое о чем не знаешь, — куда тише проговорил он.

— О чем я не знаю? — насмешливо спросила Фиби, буравя Квирка высокомерным взглядом. — Ну, о чем именно?

— О твоей матери, об отце, — Квирк потупился. — Обо мне.

— О тебе, — неожиданно смягчившись, повторила Фиби и засмеялась: — Что я о тебе не знаю?

Когда за окном показалась деревня, Квирк велел Энди Стаффорду притормозить и с помощью трости выбрался из салона, объявив, что попробует разыскать бар, в котором пил двадцать лет назад. Фиби хотела пойти с ним,

но Квирк раздраженно махнул тростью: нет, мол, поезжай к деду, а через час прилешь за мной водителя. Дверца захлопнулась, и Фиби осталась в салоне смотреть, как он ковыляет прочь, держа в свободной руке шляпу. Ледяной ветер раздувал его пальто и ерошил волосы. Энди Стаффорд ничего не сказал, оставив «бьюик» на холостом ходу. Гнетущая тишина заполнила салон, в ней проросло что-то невидимое, медленно выбрасывающее один побег за другим.

— Отвезите меня куда-нибудь! — не выдержала Фиби. — Куда угодно!

Энди схватился за рычаг переключения передач. Фиби почувствовала, как зацепились смазанные шестерни, и урчащий «бьюик» с кошачьей грацией соскользнул с обочины. Она посмотрела было в окно, но почувствовала, как молодой водитель следит за ней в зеркало заднего обзора. Не желает она встречаться с ним взглядом! Машина скользнула по главной улице закованной в лед деревни. Вокруг не было ни души. «Закусочная Джо», «Моторы Эда», «Снасти и наживка Ларри» — казалось, абсолютно все заведения в руках частных. Вскоре они снова летели по прибрежному шоссе, с которого океан почти не просматривался — стальную, чуть наклоненную к горизонту гладь Фиби видела лишь обрывками. Океан ей не понравился — и его неестественная гладь, и назойливые запахи. К нему вели разбитые проселочные дороги. Вот чем кончается американский континент — неприглядным побережьем! Вдруг навалилась усталость, на миг голова безвольно повисла, а веки сомкнулись, как намагниченные. Секундой позже Фиби расправила плечи и заморгала. Водитель по-прежнему наблюдал за ней в зеркало заднего обзора. Сказать ему, чтобы за дорогой следил? Глаза у него маленькие, темно-карие, как у белки, посажены слишком близко. Они действительно пустые, или пустыми кажутся все глаза, если разглядывать их отдельно от лица? Решив проверить это на своем отражении, Фиби подалась вперед, но тут же отпрянула: в зеркале их лица оказались рядом, хотя и в разных перспективах.

— Ну как, вам понравился Бостон? — спросил Энди.

— Я его еще не видела. — Фиби решила держать дистанцию, но к своему вящему неудовольствию машинально добавила: — Может, как-нибудь меня туда свозите... — Она запнулась, села неестественно прямо и откашлялась. — То есть нас с мистером Квирком. Мы выберем время, и вы отвезете нас смотреть город. — «Заткнись, дура!» — беззвучно велела себе Фиби. — Если, конечно, дедушка вас отпустит.

— Пожалуйста, — тотчас ответил Энди, судя по голосу, немало удивленный, — в любой день. — Он сделал паузу, определяя, на что может решиться. — Мистер Кроуфорд машиной почти не пользуется, он же болен, а миссис Кроуфорд... ну... — Фиби почудилось, что усмехнулся даже черный набриолиненный затылок водителя. «Что, черт подери, он имеет в виду?» — подумала она, но решила не уточнять. — Вам нужно в Нью-Йорк. Вот это город так город!

Фиби спросила, как его фамилия.

— Стаффорд.

— Стаффорд, — повторила она. — У вас ирландские корни?

— Наверное, — пожал плечами Энди. Ему не слишком нравилось быть ирландцем, хотя красавица Фиби очень отличалась от всех знакомых ему соплеменников.

— Откуда вы? — поинтересовалась Фиби. — В смысле, где родились?

— На западе, — ответил Энди нарочито глухо и неопределенно, чтобы «нарисовать» Фиби полынью, мерцающую пустыню и одинокого безмолвного всадника, взирающего со столовой горы на далекие вершины.

«Бьюик» повернул прочь от океана. «Куда он меня везет?» — с тревогой подумала Фиби. Впрочем, она же сама просила этого Энди отвезти ее «куда-нибудь». Если бы не дурацкая игра в гляделки через зеркало заднего обзора, неспешный вояж по проселочным дорогам, почти не отличающимся от ирландских, получился бы вполне приятным.

Мощный мотор урчал мерно, но негромко, и Энди расслышал шорох нейлона: Фиби положила ногу на ногу.

— Обязательно ехать так медленно? — спросила Фиби. — Здесь такие правила?

— Это правило мистера Кроуфорда, только, — осторожно добавил Энди, — я не всегда его соблюдаю.

— Легко верю, — кивнула Фиби, достала свою овальную сигаретницу и закурила. Струйка дыма доползла до Энди, и он жадно втянул сухой бумажный аромат табака.

— Ирландские сигареты? — спросил он.

— Нет, английские. — Фиби хотела его угостить, но передумала. Она держала тонкий серебряный портсигар на ладони, и машинально открывала его и закрывала, открывала и закрывала. Неожиданно проявились последствия долгого перелета — Фиби чудилось, что, все вокруг вибрирует вроде бы отдельно и самостоятельно, но при этом подчиняется сложному и нечеткому ритму, который она представляла в виде пучка проводов, пульсирующих внутри потока густого масла. Сонливость тоже напоминала масло, оно растекалось по сознанию и мешало думать. Фиби закрыла глаза и почувствовала: «бьюик» поехал быстрее. Энди Стаффорд плавно, даже воровато увеличивал скорость — неужели боялся, что она пожалуется деду? Казалось, мощные колеса вращаются не под ногами, а внутри нее. Фиби замутило, она открыла глаза и стала смотреть на дорогу. «Бьюик» несся по шоссе без малейших усилий и негромко урчал, словно упиваясь своей звериной силой. Энди чуть подался вперед, и Фиби заметила водительские перчатки с дырочками. «Как раз для него», — подумала она и немного устыдилась своих мыслей. Они попали на длинный узкий участок прямой дороги.

Высокие болотные травы по обе стороны от нее томно наклонялись вперед еще до того, как «бьюик» с ними равнялся. Движущая сила машины летела ярда на два впереди и точно заворачивала воздух назад. Фиби затушила сигарету и прижала ладони к сиденью — кожа была мягкой и податливой. Впереди на дороге маячил какой-то шлагбаум с деревянным шестом и указателем в виде большой черной буквы «X» на белом фоне. Протяжный и, как показалось, далекий стон Фиби скорее почувствовала, чем услышала, но уже через секунду на диагональные дороге пути вылетел поезд, огромный, гладкий, как снаряд. Спокойно, точно со стороны, Фиби наблюдала, как «оживает» знак — «бьюик» и поезд неслись к точке пересечения. Деревянный шест задрожал и начал опускаться. «Стой!» — закричала Фиби. К ее удивлению, крик получился, не испуганным, а ликующим. Энди Стаффорд не слушал, машина рвалась вперед, увлекая за собой все вокруг: Фиби чудилось, что придорожную траву засасывает в дикую воронку их движения. Сейчас они врежутся в шлагбаум,

точно врежутся — Фиби уже слышала скрежет металла и звон битого стекла. Краем глаза она увидела поразительно четкую картинку — дежурный на пороге деревянной будки, на комбинеzone не хватает застёжки, бесформенная фетровая шляпа сдвинута на затылок, большой рот разинут в немом крике. С другой стороны переезда навстречу «бьюику» спешил маленький черный автомобиль, вылитый жучок! При виде несущегося «бьюика» «жучок» испуганно свернул на обочину. Фиби показалось, что он шмыгнет в болотную траву и спрячется. «Бьюик» загромыхал по рельсам, и когда Фиби оглянулась, шлагбаум опустился на последний фут и замер, а в следующий миг промчался поезд, встретивший их недовольным ревом, который быстро затих. Поезд исчез из вида, и «бьюик» рванул мимо «жучка», осмелившегося просигналить в знак протеста. Фиби поняла, что истерически хохочет — даже икает! — и судорожно стиснула лежащие на коленях руки.

«Бьюик» домчался до поворота и притормозил. «Плавно, словно с небес спустился», — подумала Фиби и прижала пальцы к губам. Неужели она впрямь хохотала?

— Вы... Ты что творишь?! — закричала Фиби. — Мы же чуть не разбились! — Энди даже не обернулся. Он развалился на сиденье, удовлетворенно вздохнул и, прижав затылок к подголовнику, надвинул фуражку на глаза. Прямая, как сабля, Фиби буравила его гневным взглядом, точнее буравила то небольшое, что видела, ведь Энди практически лежал. — Почему мы остановились?

— Дух перевести, — без тени волнения ответил из-под козырька Энди и повернул зеркало так, что его глаза, «разделенные» пополам прозрачным козырьком фуражки уставились на Фиби. — Угостишь английской сигареткой? — спросил он, растягивая слова с томной вкрадчивостью.

Ну вот, «тыкать» начал... Отказывать было неудобно, но если честно... Голова до сих пор кружилась. Фиби открыла серебряный портсигар и протянула через спинку переднего сиденья. Сигарету Энди взял левой рукой, словно нехотя, постарался задеть запястье девушки. Фиби сама не отказалась бы от сигаретки — теперь она понимала, почему люди курят — но смутно понимала: ухаживание и панибратство поощрять нельзя. Она захлопнула портсигар, спрятала его в ридикюль — эх, нужно запомнить: в Америке говорят просто «сумочка» — достала помаду и открыла пудреницу, в которой было маленькое зеркало. В глазах горел дикий огонек, на щеках — лихорадочный румянец. Зато сонливость как рукой сняло.

Губы покрашены, пудреница спрятана в сумочку — Фиби осталось лишь сложить руки на коленях и не переборщить с чопорностью. Невидимые плети, соединившие их в тишине салона, зачихали. Энди Стаффорд резко выпрямился, открыл окно и вышвырнул лишь на четверть выкуренную сигарету.

— На вкус как сыромятная кожа, — объявил он, снова развалился на сиденье и надвинул на глаза фуражку.

— Мы что тут целый день проведем? — раздраженно спросила Фиби.

Энди выдержал эффектную паузу и, растягивая слова, теперь на манер «хорошего мальчика», проговорил:

— Может, сядешь вперед ко мне?

Фиби аж охнула.

— По-моему, вам следует отвезти меня домой, — проговорила она, надеясь

поставить наглеца на место.

Странно и даже нелепо разговаривать с человеком начальственным голосом, когда видишь только его макушку.

— Домой? — хихикнул Энди. — Далековато ехать, даже на такой ласточке, как эта машина.

— Вы прекрасно понимаете, о чем я! — рявкнула Фиби. — Поехали, и на этот раз без игры в автогонщиков.

Энди не спеша выпрямил спину, завел «бьюик» и на следующем перекрестке свернул к побережью. В салоне царила тишина, но Фиби не сомневалась: Энди страшно собой доволен. Он впрямь предложил ей сесть рядом с ним? Кроме негодования, которое Фиби из себя выжимала, было и другое, непроизвольное чувство, пульсирующее в центре сознания. Это чувство раздражало, хотя неприятным не казалось. Щеки пылали, слово кто-то надавал пощечин, сильно, но игриво, пытаюсь раззадорить. У крыльца Мосс-Мэнора Энди буквально выскочил из салона и открыл Фиби дверцу, прежде чем она потянулась к ручке. В его насмешливом бесстыже-соблазняющем взгляде горел безмолвный вопрос: «Расскажешь деду, Роуз или Квирку о том, что случилось за этот час?» А что, собственно, случилось? Фиби хотела проигнорировать безмолвный вопрос, но не сдержалась и так же безмолвно ответила: «Нет, не скажу». Впрочем, они оба прекрасно это понимали. Густо покрасневшая, Фиби протиснулась мимо Энди. Заглянуть ему в глаза она не рискнула и нарочито резко велела ехать в деревню за мистером Квирком.

Мистер Квирк ждал на углу главной деревенской улицы. Из-за трости и черного пальто, раздуваемого ветром, и черной же надвинутой на глаза шляпы он напоминал крупного взъерошенного ворона. Энди вылез из салона и хотел открыть пассажирскую дверь. Однако, вопреки его надеждам, Квирк распахнул заднюю и сел на место Фиби. Что-то в Квирке очень нравилось Энди или, по крайней мере, внушало уважение, вероятно, дело было в высоком, как у отца, росте. В общем, едва машина тронулась, Энди начал рассказывать о «Лимузинах Стаффорда». С каждым словом он все больше загорался своим планом и вскоре почти поверил, что его служба проката уже действует. Квирк не сказал ни слова, но Энди не расстроился: он уже понял, что разговаривает сам с собой.

Энди собрался свернуть с шоссе на дорогу к Мосс-Мэнору и рассказывал о «порше», который купит на первую полугодовую выручку «Лимузинов Стаффорда», когда Квирк заявил, что желает поехать в Бруклин.

— В приют Пресвятой девы Марии, — уточнил он.

Энди не ответил, лишь развернул машину, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Объяснять, где этот приют, не требовалось: Энди и сам знал. Он думал, что больше близко к нему не подойдет, но вот Квирк хочет туда отправиться. Зачем? Неужели он посланник ирландских рыцарей черт знает кого, явившийся проверить, как содержатся дети, и как ведут себя монахини? Они поедут в Бруклин без ведома мистера Кроуфорда? Неожиданно Энди расслабился, решив, что Квирк — сыщик. Ну и прекрасно, пускай нароет компромат и на старика Кроуфорда, и на эту чертову Стефанию — что это за имя, черт подери?! — и на ирландского священника Харкинса. Кое о чем Энди мог бы и сам ему поведать, но после ЧП с ребенком нельзя. Ледяные мурашки снова побежали по спине. Вдруг Квирк узнает о гибели малышки? Вдруг... Нет, ни о чем

он не узнает! Откуда Квирку узнать, кто ему скажет? Явно не Стефания и не рыжий священник, а старик Кроуфорд наверняка не в курсе ЧП и давно забыл о существовании малышки: таких приютов в Массачусетсе хоть отбавляй! Для всего мира маленькая Кристин давно канула в Лету — вряд ли кто-нибудь вспомнит ее имя. Однако Энди очень жалел, что не может просветить Квирка по поводу этого приюта. Разумеется, если он сам уже не в курсе.

Глава 28

На торжественный прием Квирк не рассчитывал.

В приют он позвонил с телефона в деревенском баре и прождал целую вечность, подкармливая аппарат десятицентовиками — в трубке раздавался шорох его дыхания, напоминающий шум моря, — пока его не соединили с матерью-настоятельницей. Подчеркнуто холодно она осведомилась, кто он такой и чего изволит. Квирк представился, объяснил, что живет в доме Джоша Кроуфорда и попросил десятиминутную аудиенцию, дабы обсудить вопрос, слишком деликатный для телефонного разговора. Ему почудилось, или монахиня впрямь судорожно втянула воздух? Чем уклончивее говорил Квирк, тем больше подозрения чувствовалось в голосе матери-настоятельницы, но в итоге она с огромной неохотой пригласила его в Бруклин. Квирк повесил трубку и заказал еще один скотч. Рановато, конечно, но ему требовалась подпитка.

Едва оказавшись в приютском фойе с высоким сводчатым потолком, Квирк почувствовал аромат прошлого, настолько сильный, что, казалось, года отлетели, как листья старого календаря, и он снова стал маленьким сиротой. Среди полной тишины он разглядывал статуи в нишах — вот Иисус, вот Мария, вот Иосиф — хлипкий Иосиф держал в невероятно бледных руках что-то вроде рубанка и смотрел кротко, но при этом кровожадно — до тех пор, пока молодая монахиня с выпирающими зубами не провела его безмолвными коридорами к двери. Она негромко постучалась и дождалась приглашения войти.

Из-за стола поднялась мать-настоятельница, высокая, сухопарая, красивая суровой красотой. Однако первым заговорил стоявший рядом священник. Бледное, как непропеченный блин лицо, рыжие волосы, болотно-зеленые, но пронзительные глаза — Квирк знал такой типаж, точнее, помнил по страшным дням и бессонным ночам в Каррикли. Приторно улыбаясь одними губами, священник шагнул навстречу гостю с протянутой для рукопожатия рукой.

— Мистер Квирк, я отец Харкинс, капеллан приюта Пресвятой Девы. — «Ресницы у него почти белые», — подумал Квирк и невольно содрогнулся. Священник взял его за руку, но, как выяснилось, не чтобы пожать, а чтобы подвести гостя к столу. — Это сестра Стефания, а это сестра Ансельм.

Лишь сейчас Квирк заметил вторую монахиню, стоявшую у большого камина из мрамора и полированного кирпича. Невысокая, крепко сбитая, она казалась вполне дружелюбной, хоть и смотрела скептически. Монахини молча кивнули гостю, а отец Харкинс, явно взявший на себя роль оратора, проговорил:

— Вы зять мистера Кроуфорда? Он наш давний друг, то есть друг приюта Пресвятой Девы Марии.

Квирк чувствовал, как сестра Стефания разглядывает его, словно дуэлянт — противника, нащупывает слабые места.

— Что привело вас в приют? — спросила она, не дав отцу Харкинсу продол-

жить. В ее голосе звучала власть, интонация недвусмысленно намекала: главная здесь она, во взгляде читались спокойствие, уверенность и легкое недоумение. Квирк нащупал в кармане сигареты, закурил, а сестра Стефания, успевшая сесть, придвинула поближе к нему большую хрустальную пепельницу.

— Я ищу грудного ребенка, девочку. Зовут ее Кристин, фамилия, по всей вероятности, Фоллс. Почти уверен, что ее привезли из Ирландии в ваш приют.

Тишина, повисшая в кабинете, была красноречивее любых слов. Мать-настоятельница поочередно коснулась перьевой ручки, канцелярского ножа и телефонной трубки, но при этом с места ничего не сдвинула.

— Что именно вы хотите узнать об этом ребенке? — спросила она, на сей раз не глядя на Квирка.

«Не о девочке, а о ребенке», — подметил Квирк, а вслух сказал:

— Интерес тут сугубо личный.

— А-а, ясно.

Снова повисла тишина. Отец Харкинс смотрел то на Квирка, то на монахиню, но не произнес ни слова.

— Девочка умерла, — неожиданно объявила сестра Ансельм, стоявшая у камина.

Священник повернулся к ней с перекошенным от страха лицом и резко поднял руку. «Неужели ударит?» — подумал Квирк. Зато мать-настоятельница не шелохнулась, она рассматривала его, как ни в чем не бывало. Отец Харкинс взглянул на нее, облизал губы и снова растянул их в приторной улыбке.

— Ах, да... — протянул он. — Маленькая Кристин. Да, сейчас я... — Он снова облизал губы и захлопал бесцветными ресницами. — Увы, произошел несчастный случай. Малышка жила в семье. Очень, очень жаль. Настоящая трагедия.

— В какой еще семье? — после очередной паузы спросил Квирк, и отец Харкинс вскинул брови. — С кем жила девочка?

Священник хрипло хохотнул и поднял обе руки, словно ловя коварный пас Квирка.

— Мистер Квирк, подобная информация не разглашается, — зачастил он. — В такой ситуации нужна предельная деликатность, и я уверен, вы...

— Я бы хотел побольше узнать об этой девочке. Например, откуда она и как попала сюда.

Отец Харкинс собрался ответить, но мать-настоятельница с шумом втянула воздух, и он тотчас закрыл рот.

— А вы разве не в курсе? — широко улыбнувшись, поинтересовалась монахиня, и Квирк понял, что допустил грубую ошибку. Если бы он знал, этот разговор бы не состоялся. По большому счету, что ему известно, кроме имени девочки? Сестра Стефания резко встала и с безапелляционностью судьи, оглашающего приговор, объявила:

— Простите, мистер Квирк, но помочь мы вам не можем. Отец Харкинс совершенно прав: тут нужна предельная деликатность, интересующая вас информация конфиденциальна. У нас в приюте свои строгие принципы, вы наверняка понимаете. — Очевидно, монахиня нажала невидимую посетителям кнопку звонка, потому что скрипнула дверь, и сестра Стефания обратилась к вошедшей: — Сестра Анна, пожалуйста, проводите мистера Квирка! — Она

протянула руку — Квирку пришлось подняться со стула и ответить на рукопожатие. — Всего доброго, мистер Квирк. Приятно было с вами познакомиться. Передайте наши наилучшие пожелания мистеру Кроуфорду. Нам сообщили, что он не в добром здравии.

Даже раздраженный высокопарными «мы», «нас» и «нам» Квирк невольно восхитился мастерством, с которым мать-настоятельница завершила неприятный для нее разговор. Он взглянул на сестру Ансельм, но та разглядывала потолок и не отреагировала. В зеленых глазах отца Харкинса читалось искреннее облегчение. Он проводил Квирка до двери и даже хотел дружески похлопать его по спине, но передумал.

— Вы ведь не член ордена? — спросил он и, натолкнувшись на непонимающий взгляд Квирка, пояснил: — Ну, Рыцарей Святого Патрика. У мистера Кроуфорда пожизненное членство. Если не изменяет память, он один из основателей.

— Нет, — сухо проговорил Квирк. — Память вам не изменяет.

Зубастая монахиня распахнула дверь и, опираясь на трость, Квирк поволок себя прочь из комнаты, как раздраженный отец непослушного ребенка. Сильно хромя, он спустился по ступенькам крыльца, и Энди Стаффорд спешно убрал ноги с приборной панели, выпрямил спину и надел фуражку. Квирк молча вошел в салон, отказавшись от его помощи. «Злой как сто чертей, — догадался Энди. — Что у него за дела в приюте?» Ему упорно казалось, что дела эти связаны с маленькой Кристин. Абсурд конечно, только по спине в очередной раз побежали ледяные мурашки.

У самого конца подъездной аллеи, Квирк похлопал Энди по плечу, веля остановиться. Он оглядывался на здание приюта, пока не увидел, что из двери черного хода выскользнула сестра Ансельм.

— Подожди меня здесь, — бросил Квирк, кряхтя, выбрался из машины и под пристальным взглядом Энди заковылял туда, где ждала монахиня. Вскоре они, оба сильно хромя, вместе побрели по дорожке под сенью голых деревьев.

Сперва монахиня не желала разговаривать, только Квирк не сомневался: на улицу она выскользнула неспроста. Они молча шли рядом, в студеном зимнем воздухе клубилась дымка их дыхания. Их взгляды в очередной раз пересеклись — зачем слова, если и так ясно, что они два сапога пара: у него сломанное колено, у нее изуродованное бедро. Под деревьями лежали неровные островки снега, на дорожке — опилки, густой, смолистый аромат которых напомнил Квирку сосновый бор за большим каменным домом в Каррикли. Сегодня среди опавших листьев суетились бесстрашные на вид коричневые птицы. Это граклы? Клушицы? Об Америке Квирк знал очень мало, даже основные виды птиц не помнил. Сквозь черное кружево ветвей тускло серело небо. У Квирка заныло колено, и лишь тогда он заметил, что монахиня вышла к нему в одной рясе.

— Сестра, вам не холодно? — спросил он. Монахиня покачала головой. Она скрестила руки на груди, и широкие рукава превратились в некое подобие муфты. «Сколько ей лет? — подумал Квирк. — Под пятьдесят?» Она не столько хромала, сколько на каждом втором шаге заваливалась набок, словно штырь, удерживающий ее в вертикальном положении, не докрутили.

— Пожалуйста, расскажите мне о девочке! — взмолился Квирк. — Я не со-

бираюсь никому вредить, хочу лишь выяснить, что произошло.

— Зачем?

— Не знаю, честное слово, не знаю.

— Вы ведь доктор? Вы принимали роды у матери девочки?

— Нет-нет, и я не доктор, а патологоанатом.

— Понимаю.

Квирк искренне сомневался, что она понимает. Кончиком трости он сковырнул опилки на дороге, и перед его мысленным взором неожиданно встала картинка — тусклый дублинский день, больничная палата, медсестра Филомена, усевшаяся на него верхом. Еще недавно он был в Дублине, а сейчас здесь, в Бостоне, зачем и почему, вроде бы ясно, а на деле пойти разберись.

— Хотя бы скажите, в какой семье она жила, что за люди ее удочерили.

— Удочерили! — фыркнула сестра Ансельм. — На такие юридические изыски мы тут время не тратим. — Она вдруг остановилась и пристально посмотрела на Квирка. Губы посинели от холода, красные слезящиеся глаза метали молнии. — Что вам известно, мистер Квирк? Я имею в виду происходящее здесь и у вас в Дублине.

Квирк поудобнее оперся на трость и встретил ее взгляд.

— Мне известно, что Джошуа Кроуфорд финансирует аферу, в рамках которой ирландских детей переправляют сюда, в Штаты. Подозреваю, что одной из них была Кристин.

Они зашагали дальше.

— Да, это самая настоящая афера, — кивнула сестра Ансельм. — Она продолжается уже двадцать лет. Вы знали об этом? Двадцать лет! Представляете, сколько детей переслали сюда как... — Монахиня замаялась, очевидно, не подбрав достаточно яркое определение. — Официально афера называется благотворительной кампанией, только при чем тут благотворительность, если все делается во имя власти?!

Где-то рядом Иревожно и настойчиво «а нюнил колокол.

— Власти? — удивился Квирк. — Какой еще власти?

— Власти над душами.

«Над душами» тревожило Квирка не меньше, чем звон колокола над приютом. «Обычно сеют семена, а я — человеческие души», — так сказал Джош Кроуфорд.

Они молча прошли несколько ярдов, и монахиня заговорила снова.

— Дети никого не интересуют. Точнее, интересуют, но не как личности, а как глина для ваяния себе подобных. — Сестра Ансельм невесело засмеялась. — Мистер Квирк, наш приют — настоящая религидзная теплица. Детей переправляют к нам месячными, а то и недельными. Мы проверяем, здоровы ли они — это моя работа, я — доктор, — монахиня мрачно усмехнулась. — А потом... потом их распределяют. — Колокольный звон прекратился, повисла тишина. Птицы, словно уловив слышный им одним звук, захлопали крыльями, взлетели, потом снова сели на опавшие листья. — Мы отдаем их в католические семьи, бедным, но порядочным людям, которым доверяем. Когда дети подрастают, их посылают в семинарии и монастыри, хотят они этого или нет. Настоящий рассадник, религиозная теплица, понимаете? — Она искоса взглянула на хмурого Квирка.

— Понимаю, — ответил он, — только...

— Только что в этом плохого? — подсказала монахиня. — Мы пристраиваем сироту в приличный дом...

— Я сам сирота, — признался Квирк. — И был счастлив, когда меня забрали из приюта в семью.

— Ох! — воскликнула сестра Ансельм и снова кивнула. Они вернулись к «бьюику», который стоял на холостом ходу, выпуская бледные струи выхлопных газов. — Это же неестественно, — проговорила монахиня, когда они в очередной раз остановились. — В этом-то весь смысл! Когда нечестивые люди берутся за якобы добрые дела, у этих дел появляется мерзкий запах. По-моему, вы его уже почувствовали.

— Расскажите мне о той девочке, о Кристин Фоллс.

— Нет, я и так сказала слишком много.

«Так же как Долли Моран», — мысленно отметил Квирк.

— Пожалуйста! — снова взмолился Квирк. — Случились страшные происшествия. — Монахиня вопросительно посмотрела на его трость. — И это, и кое-что ужаснее.

— Я замерзла и хочу вернуться в приют, — потупившись, сказала сестра Ансельм, но с места не сдвинулась. Вот она взглянула на Квирка, явно приняв решение. — Поговорите с медсестрой, которая ухаживает за мистером Кроуфордом.

— С Брендой? — удивленно переспросил Квирк. — С Брендой Раттледж?

— Если ее так зовут, то да. Эта медсестра в курсе того, что стало с маленькой Кристин. Думаю, она вам расскажет. 14 самое главное... — Монахиня взглянула через плечо Квирка на «бьюик». — Берегите себя. Некоторые люди — сущие оборотни, обличия меняют, как перчатки. — Сестра Ансельм улыбнулась. «Настоящий сирота, — подумала она. — Высокий, сильный, а топчетя вокруг меня, как мальчишка, вопросы глупые задает». — До свидания, мистер Квирк! Удачи вам! Я вас почти не знаю, но уверена, вы хороший человек, хотя сами вряд ли это понимаете.

Глава 29

Когда Квирк вернулся в Мосс-Мэнор, дом пока-зался ему распахнутым настежь, словно одна большая дверь. На подъездной аллее стояла карета «скорой помощи» и еще пара легковушек, а на крыльце — два мрачных типа в темных костюмах. Они негромко переговаривались, но, увидев Квирка, притихли и впились в него любопытными взглядами. Долго разглядывать не получилось: он буквально вбежал в дом и стал метаться из комнаты в комнату. Квирк страшно разозлился, хотя сам не понимал из-за чего: разве он услышал от сестры Ансельм что-то принципиально новое? Неужели необъяснимый гнев превратится в постоянного спутника и погонит его по жизни как ветер — беспомощную былинку? В главной гостиной Квирк застал служанку с бесцветными волосами — имя ее он забыл напрочь — она ставила букет из сухоцветов на крышку рояля, которую, по всей вероятности, никто никогда не поднимал. В камине пылал огонь. При виде Квирка служанка испуганно съежилась, а на вопрос «Где мисс Раттледж?» ответила недоуменным взглядом. «Медсестра! — теряя терпение, заорал Квирк и застучал тростью по полу. — Медсестра мистера Кроуфорда!» Служанка объяснила, что Бренда с мистером Кроуфордом, который «очень-очень плох». Смотреть на ее дрожащие губы желания не было, и Квирк стал подниматься по лестнице, проклиная висящую мертвым грузом ногу. У комнаты, которую считал спальней Джоша Кроуфорда, он остановился и, легонько постучав, открыл дверь.

Взору Квирка предстала неправдоподобно драматичная сцена — реши художник написать картину под названием «На смертном одре», он тотчас схватился бы за кисть. Джош Кроуфорд лежал на высокой белой кровати, раскинув руки по сторонам. Пижамную куртку расстегнули, выставив на всеобщее обозрение вздымающуюся грудь, заросшую седыми волосами. К лицу прижали кислородную маску, но и в ней Джош дышал с трудом. По звукам казалось, он тянет через себя тяжелую цепь, передвигая каждое звено ценой огромных мучений. У кровати на стульчике сидела Фиби и сжимала дедушкину руку в ладонях. Рядом стояла Бренда Раттледж в белой форме и аккуратной шапочке — чем не прототип медсестры? О лучшей модели художники и не мечтают! По другую сторону от кровати застыла Роуз Кроуфорд с поднятой к подбородку рукой. Вот еще один прототип, воплощение качеств, совершенно ей несвойственных, — терпения, верности, подобающего жене спокойствия. Услышав скрип двери, Бренда Раттледж обернулась, и Квирк кивком попросил ее выйти в коридор. Она послушалась, беззвучно притворила за собой дверь и собралась заговорить, но Квирк рубанул по воздуху ладонью — молчи, мол.

— Это ты привезла сюда ребенка? — сурово спросил Квирк. Бренда насупилась, а потом на ее лице мелькнул страх, щедро сдобренный чувством вины. — Ну, выкладывай!

— Какого ребенка?

— Какого-какого... Девочку, ее звали Кристин. Тебя заставили привезти ее в Америку?

— Не понимаю, о чем вы...

Дверь распахнулась, и в коридор выглянула Фиби.

— Скорее! — шепнула она Бренде, начисто игнорируя Квирка. — Нужна ваша помощь! — Фиби скрылась в комнате, и Бренда шмыгнула следом. За-

крыться дверь так и не успела: в коридор выскользнула Роуз Кроуфорд.

— Пойдемте, мне нужна сигарета, — глухо проговорила она и повела Квирка в гостиную. Вопреки его ожиданиям, служанки там уже не было. На каминной полке стояла большая лакированная сигаретница. Роуз достала две сигареты, раскурила обе и вручила одну Квирку.

— Простите, в помаде испачкала, — буркнула она.

Квирк подошел к окну. Снег падал крупными пушистыми хлопьями, сквозь них просматривался торец Хрустальной галереи, гигантским айсбергом тянущейся к свинцовому небу.

— Роуз, я очень вам сочувствую, — проговорил Квирк и встретил недоуменный взгляд. — Тяжело вот так сидеть и ждать конца. — Он тщетно вспоминал, как называется затрудненное дыхание умирающих. Существовал специальный термин, но Квирк забыл его, как и многое другое.

— Да, — пожалала плечами Роуз, — конечно. — Носком туфли она поддела бревно в камине. — Фиби с ним ведет себя просто прекрасно. Я даже не ожидала! Кстати, Джош упомянул ее в завещании.

— Правда? — Квирк отвернулся от окна и вздрогнул. Он предполагал, что так получится, но слышать, как об этом объявляет Роуз, было больно. Сам Квирк никого в завещание не включил: он его вообще не составил.

— Правда. Фиби получит большую денежную сумму.

— И как вы к этому относитесь?

Роуз запрокинула голову и беззвучно засмеялась.

— Прекрасно отношусь. Не волнуйтесь, я свою долю тоже получу и, бог свидетель, немалую. Но Фиби станет богатой девушкой.

— Мне это не нравится.

— Почему? Вы не хотите, чтобы она наследовала дедовы деньги?

— Хочу, чтобы она жила нормальной жизнью.

Роуз смерила его снисходительно-насмешливым взглядом. Квирк снова повернулся к окну, и ему показалось, что половина хлопьев не падает, а летит вверх.

— Разве нормальная жизнь существует? — спросила Роуз.

— Да, и Фиби вполне могла бы ее прожить.

— Могла бы, если...

— Если вы не станете удерживать ее возле себя.

Роуз снова беззвучно засмеялась, на сей раз в знак протеста.

— Удерживать ее возле себя?! Ну и мысли у вас!

Квирк взгляделся в пылающий кончик сигареты.

— По словам Фиби, вы просили ее остаться в Бостоне.

— Вам такой вариант не нравится?

Квирк подошел к камину и швырнул в него окурок. Роуз шагнула вперед, и они оказались совсем рядом, лицом к лицу. На радужке левого глаза у нее имелся небольшой дефект — тоненькая белая полоска среди блестящей черноты.

— Послушайте, миссис Кроуфорд...

— Роуз.

Квирк судорожно втянул воздух.

— Я приехал в Бостон по просьбе Сары. Она просила меня присмотреть за Фиби.

Роуз потупилась и взглянула на него из-под опущенных ресниц.

— Сара... — повторила она. — Да, конечно, Сара... Она меня ненавидит. — Квирк растерялся. Он никогда не думал, как Сара относится к женщине чуть старше себя, которая, выйдя замуж за Джоша, стала ее мачехой. Роуз подошла еще ближе и заглянула Квирку в глаза. — Мистер Квирк, — начала она мягким тягучим голосом, — возможно, я вам не нравлюсь — если честно, меня это совершенно не волнует — но признайте: лицемеркой меня не назовешь.

Чурка, которую Роуз поддела носком туфли, наконец рассыпалась, превратившись в кучу серого пепла. Роуз буравила Квирка взглядом, словно желая запомнить его лицо навсегда. Со второго этажа донесся встревоженный женский голос: «Роуз! Роуз!», но прекрасная миссис Кроуфорд отреагировала далеко не сразу. Когда она наконец отвернулась, Квирк почувствовал тяжелый, волнуемый аромат ее надушенной кожи.

Вечером, когда умер Джош Кроуфорд, дом погрузился в тишину. Уехала не понадобившаяся карета «скорой помощи», следом — мрачные типы в строгих костюмах на своих легковушках. Квирк так и не понял, кто они, но предполагал, что адвокаты, вызванные Роуз засвидетельствовать кончину супруга. Подобный шаг очень в ее стиле! Подали ужин, есть который было некому: Роуз и Фиби закрылись в спальне, а Квирк разыскал Бренду Раттледж и привел к бассейну. Бренда села в плетеное кресло и уставилась на воду. Казалось, над ними среди колышущегося эхо висит большая полужидкая неопределенность. Квирк протянул сигарету, и на сей раз Бренда взяла. Она держала ее неумело, деревянными пальцами, набирала дым в рот и выпускала, не вдыхая. «Так курит кто-то еще, — подумал Квирк. — Кто именно, Фиби?» Когда Бренда шевелила ногами, резиновые подошвы ее туфель скрипели по кафелю.

— Кто это организовал? — спросил Квирк.

Бренда выпятила нижнюю губу и на миг превратилась в капризного ребенка.

— Старшая медсестра, — ответила она, пожав плечами.

— Какой больницы? Святого семейства?

— Она знала, что мистер Гриффин устроил меня сюда ухаживать за мистером Кроуфордом, и предложила оказать ответную услугу. Естественно, за определенную плату. Я подумала: что плохого, если привезу бедную малышку в Бостон? — Бренда взглянула на зажатую между пальцами сигарету. — Господи, что я делаю? Я же не курю.

— А она сказала, чей это ребенок? Ну, кто его родители, в частности, отец?

Бренда нагнулась, положила наполовину выкуренную сигарету на пол, аккуратно раздавила ее носком туфли, подняла расплющенный окурочек и опустила в карман. Квирк вспомнил рыжеволосую Мейзи: она наверняка уже родила ребенка и потеряла.

— Она сказала, мне это знать не следует, мол, так лучше для всех. Я решила, что отец — известный в городе человек.

— Например?

Бренда обняла себя за плечи и стала раскачиваться на кресле.

— Не знаю, говорю вам, не знаю!

— Но мысли, подозрения какие-то наверняка есть.

Бренда ударила кулаками по коленям и гневно взглянула на Квирка:

— Что вы от меня требуете?! Сказала же, не знаю!

Квирк откинулся на спинку кресла, шумно выдохнул, и тонкие переплетенные прутья обреченно заскрипели.

— Когда мистер Гриффин предложил тебе эту работу?

— В начале прошлого лета, — ответила Бренда, потупившись.

— Шесть месяцев назад? Нет, даже больше... И ты мне ничего не сказала!

— Вы не спрашивали! — гневно парировала Бренда.

Сколько секретов! — покачал головой Квирк. — Не ожидал от тебя такого...

Бренда не реагировала — она смотрела на воду и слушала ее таинственный плеск.

— Я сделала для него все, что смогла, — проговорила она, и Квирк не сразу понял, о ком речь. Не без труда оторвав взгляд от бассейна, Бренда чуть ли не с мольбой посмотрела на Квирка.

— По-вашему, мистер Кроуфорд был плохим человеком?

Квирк развел руками.

— Он был человеком, Бренда, а сейчас умер.

Глава 30

Сестру Ансельм удивило не само известие, а его внезапность и бесповоротность. Когда ей велели немедленно явиться в кабинет сестры Стефании, она догадалась в чем дело, а застыв перед огромным столом матери-настоятельницы, почувствовала себя новообращенной. В памяти неожиданно всплыли обрывки молитв, абзацы старых текстов по медицине, куплеты песен, которые она не слышала лет сорок. Отдельные воспоминания походили на яркие картинки — Самнер-стрит, детские игры, волчки, скакалки, классы на асфальте. Вот отец, который пел песни, а потом срывался на крик. Вот мама с веснушчатými руками, по локоть опущенными в корыто с мыльной пеной; выпятив нижнюю губу, она убирает с глаз пряди, выбившиеся из вечного пучка. Когда отец столкнул Пегги с лестницы, она попала в больницу, а домой вернулась с металлической шиной на ноге. Соседские дети сперва шарахались от нее, но вскоре начали дразнить Костыляшкой Пегги и Хромоногой Фаррелл. Монастырь стал для нее самым настоящим убежищем. Давным-давно юная Пегги с горькой иронией сказала себе, что там все убогие, значит, она выделяться не будет. Никакого призвания свыше она не чувствовала, но монахини помогли получить образование. Учиться Пегги мечтала, быстро сообразив, что это единственный шанс проявить себя. Монахини послали и ее в колледж, потом в университет. Монахини ею гордились. У одной дядя служил в «Бостон глоуб» и написал о Пегги маленькую статью под заголовком «Медицинский диплом девушки из южного Бостона». Монахини всегда были к ней добры, так по какому праву она сейчас ропщет?

— Искренне сожалею, — проговорила сестра Стефания. Как всегда в трудные минуты она проводила «инвентаризацию на ощупь» — легонько касалась лампы, промокашки, телефона. — Сегодня утром мне позвонили из канцелярии архиепископа. Они хотят, чтобы вы немедленно уехали.

— Да, знаю, в Ванкувер, — бесцветным голосом проговорила сестра Ансельм и кивнула.

— В монастырь Святого Иакова срочно нужен доктор.

— Здесь тоже нужен доктор.

Сестра Стефания притворилась, что не поняла.

— Верно, нам пришлют новенькую. Совсем молодую девушку, только из университета.

— Вот здорово!

В кабинете было холодно: Стефания вечно на всем экономила — и на отоплении, и на горячей воде, и на белье для послушниц. Сестра Ансельм переступила с ноги на ногу, чтобы не нагружать изувеченное бедро. Стефания предложила ей сесть, но она будет стоять, как тот смелый патриот — откуда он, из оперы? — который перед расстрелом отказался надеть на глаза повязку. Ага, хромая Пегги Фаррелл — последняя из героев!

— Искренне сожалею, — повторила сестра Стефания, — но поделаться ничего не Мою. Нам обеим известно: в последнее время вам здесь не нравится.

— Верно, но не совсем: мне не нравится то, что здесь происходит.

— Не нам судить об этих делах! — Сестра Стефания ткнула кожаную настольную подкладку указательным пальцем. — Мы поклялись служить Господу, так что смирение, сестра! Наш долг — смиренно повиноваться Его воле.

— А вы твердо уверены, что знаете Его волю? — сухо усмехнулась сестра Ансельм.

Сестра Стефания раздраженно вздохнула. Она казалась усталой, а когда поджимала губы, жесткие седые усики вставали торчком. «Она превращается в старую уродливую каргу, — подумала сестра Ансельм. — А ведь когда-то слыла первой красавицей южного Бостона». Моника Лейси, дочь адвоката, училась в престижнейшем Бринмор-колледже. Дорогой колледж едва не разорил ее отца, зато Моника стала настоящей леди. Вернувшись домой, она огорошила родителей заявлением, что услышала зов Господа и хочет постричься в монахини. «Господи, моя дочь — Христова невеста!» — кричал ошарашенный Луис Лейси.

— У вас обостренное чувство совести! — процедила сестра Стефания. — Только мир не идеален, и позвольте нам жить в нем так, как получается. Уверяю вас, это нелегко. Сейчас меня ждут дела, а вам пора собираться.

Повисла тишина. Сестра Ансельм посмотрела в окно на хмурое зимнее небо. Что же судьба уготовила каждой из них?

— Ах, Моника Лейси, до чего мы с тобой дожили! — тихо проговорила она.

Глава 31

День похорон Джоша Кроуфорда выдался холодным, синоптики обещали снегопад. Погребение задержали, чтобы дожидаться родственников из Дублина — судью Гриффина, Мэла и Сару. На кладбище судья Гриффин со слезящимися от холода глазами казался растерянным, Сара в черной шляпке с вуалью больше напоминала вдову, чем дочь; а Мэл в черном костюме с белой рубашкой и черным шелковым галстуком — официальное лицо, отвечающее за проведение траурного мероприятия, если не распорядителя похорон, то его первого помощника. «И это человек, который помогает младенцам появиться на свет! — с горькой иронией подумал Квирк. — Хорошенькое впечатление он производит!»

Проститься с Джошем явились самые видные представители бостонских ирландцев — мэр, ю-бернатор, архиепископ, который отслужил траурную мессу и прочел молитвы на кладбище. Ждали кардинала, но он буквально в последнюю минуту прислал соболезнования и объявил, что появиться не сможет. Таким образом, подтвердились слухи о том, что они с Джошем год назад повздорили из-за крупного подряда на транспортировку. «У стариков крепкая память», — мрачно пошутил кто-то из гостей. Архиепископ, высокий, красивый, седовласый — ни дать ни взять голливудский актер в роли священника — нараспев прочел поминальную молитву, а когда закончил, в могилу упала снежинка, словно в знак благословения, которое неохотно даровали небеса. После молитв стали кидать на гроб землю — мрачноватый обычай, но Квирку он с детства нравился. Первой маленькую серебряную лопатку взяла Сара — на гроб с глухим стуком упал ком сырой глины. Когда очередь дошла до судьи Гриффина, он покачал головой и отвернулся.

Архиепископ коснулся его плеча и грациозно наклонил красивую, как у голливудского актера, седовласую голову.

— Гаррет, я очень рад вас видеть, даже в такой печальный день.

— Думаю, нашему другу понравилось бы, как его проводили в последний путь.

— Да, Джошуа был великим человеком и верным сыном церкви.

К машинам Квирк шел вместе с Сарой. «Она похудела, — отметил он. — Нервная стала, дерганая». Сара спросила, говорил ли он с Фиби, и встретив недоуменный взгляд, раздраженно зацокала языком.

— Ты передал ей то, что я тебе сказала? Господи, Квирк, неужели ты забыл?

— Нет, не забыл.

— Так в чем дело?

Что он мог ответить? Губы Сары, едва заметные под густой вуалью, сжались в недовольную тугую полоску. Она резко прибавила шагу, оставив Квирка ковылять следом.

Осиротевшие родственники собрались в холле Мосс-Мэнора, ожидая остальных участников похорон. Лицо Фиби покраснело от слез, судья Гриффин оглядывался по сторонам, точно не понимая, где находится. Мэл и Сара держались поодаль друг от друга. Сара сняла шляпку и бездумно теребила вуаль. На Квирка она смотреть не желала, зато Роуз Кроуфорд взяла его за руку и отвела в сторонку.

— Вижу, родственники не слишком вас жалуют, — шепнула она и тяжело

вздохнула, увидев машины, сворачивающие на подъездную аллею. — Давайте держаться вместе! День наверняка будет длинный и тяжелый.

Держаться вместе не получилось: вошел прекрасный, величественный архиепископ и Роуз следовало его поприветствовать. Следом подтянулись остальные: священнослужители, политики и бизнесмены с женами — бледные, с посиневшими губами, они жаловались друг Другу на холод и тайком оглядывались по сторонам, мечтая о растопленном камине, еде и напитках. Квирк увидел рыжего священника приюта Пресвятой Девы Марии, Костигана в роговых очках и костюме из блестящей ткани и еще несколько человек, присутствовавших на приеме у Мэла и Сары. Квирк смотрел, как они собираются, вслед за ними проследовал в главную гостиную, куда подали поминальную еду, слушал нестройный хор их голосов и чувствовал почти физическое отвращение, нарастающее с каждой секундой. Эти люди убили Кристин Фоллс и ее дочь, подослали к Долли Моран садистов-убийц, приказали столкнуть его, Квирка, с грязной лестницы и изувечить. Разумеется, среди них были и невинные, по крайней мере, в этих преступлениях. А разве он сам невиновен? Разве имеет право смотреть на этих людей свысока, если не может набраться храбрости и сказать своей дочери, кто ее настоящие родители?

Квирк подошел к Мэлу, который в одиночестве стоял у высокого окна, глядя на сад и усиливающийся снег.

— Выпей, Мэл, легче станет, — предложил Квирк.

Глаза у Мэла были пустые и затуманенные — он мельком взглянул на Квирка и снова повернулся к окну.

— По-моему, тебе от этого легче не стало, — мягко сказал он.

Бам! — ветер швырнул в окно целую горсть влажного снега.

— Я знаю про ребенка, — проговорил Квирк.

Мэлэки чуть заметно помрачнел, но от окна не отвернулся, лишь глубже засунул руки в карманы пиджака. Что там позвякивало — ключи, монетки или номерки трупов?

— Про какого еще ребенка?

— Про девочку, которую выносила Кристин и родила живой, а не мертвой. Малышку тоже назвали Кристин.

Мэл вздохнул и после долгой паузы проговорил:

— Странно, но в тот давний приезд снег я не запомнил. — Наконец он повернулся к Квирку и пронзил испытующим взглядом. — А ты запомнил снег?

— Конечно, та зима была снежная.

— Значит, снежная... — Мэл снова уставился в окно, медленно кивая, словно ему напомнили о давно забытом чуде. — А у меня это не отложилось. — В свете, льющемся из заснеженного сада, его лицо казалось мертвенно-бледным. Мэлэки о чем-то думал и хрустел костяшками пальцев.

— Ребенок ведь твой? — спросил Квирк.

Мэл опустил глаза и растянул губы в улыбке.

— Ах, Квирк! — воскликнул он чуть ли не с нежностью. — Говорил я тебе: ты ничего не знаешь.

— Я знаю, что та девочка мертва.

Возникла очередная пауза. Мэл снова нахмурился и рассеянно смотрел то в окно, но на длинные, перехваченные веревкой шторы, словно что-то потерял и надеялся найти в саду или в складках тяжелой ткани.

— Мне очень жаль, — равнодушно проговорил он, потом вдруг повернулся лицом к Квирку и положил ему руку на плечо. «Когда мы в последний раз касались друг друга?» — вспоминал Квирк, глядя на его ладонь. — Почему бы тебе не выбросить это дело из головы?

— Не выбрасывается.

Мэл задумался, скептически поджал губы и убрал руку с плеча Квирка.

— Откуда столько желания докопаться до сути? На тебя это не похоже.

— Пожалуй, ты прав, — отозвался Квирк. Внезапно он взглянул на происшествие другими глазами и понял, как сильно ошибался и по отношению к Мэлу, и по отношению ко всему остальному. Мэл слабо кивнул: он внимательно наблюдал за ним и, очевидно, догадался, что у него на уме.

Квирк бродил по дому и заглянул в библиотеку Джоша Кроуфорда. В камине как всегда горели толстые сосновые чурки, северное полушарие глобуса блестело в льющемся из окна свете. Квирк подошел к столику для коктейлей и налил себе полстакана скотча. Из-за его спины раздался голос Роуз Кроуфорд:

— Боже, мистер Квирк, вид у вас мрачнее некуда!

Квирк быстро обернулся. Роуз сидела в кресле под высокой пальмой. Обтягивающее черное платье собралось на бедрах, одну туфлю Роуз скинула, в правой руке держала сигарету, в левой — пустой бокал для мартини. Чувствовалось, что она уже навеселе.

— Налейте мне еще порцию обезболивающего? — попросила она, протянув бокал.

Квирк налил ей мартини и вернулся к столику.

— Как вы себя чувствуете?

— Как я себя чувствую? Я уже по нему скучаю! — Роуз пальцами выловила оливку и с задумчивым видом разжевала. — Джош был смешной. В смысле, с очень своеобразным чувством юмора, но я смеялась от души. — Роуз выплюнула косточку на ладонь и зажала в кулаке. — Даже в самые последние и тяжелые для него дни мы смеялись. Здорово иметь в мужьях человека с таким чувством юмора! Думаю, вам бы его шутки понравились. — Роуз протянула руку, и Квирк забрал у нее оливковую косточку. — Спасибо! Да вы садитесь, терпеть не мшу, когда надо мной стоят...

Квирк сел на диванчик чуть поодаль от камина. На улице снег повалил сильнее. Квирку чудился шепот снежинок, которые, заполонив воздух, падали на уже запорошенную лужайку, невидимые клумбы, каменные ступеньки и гравийные дорожки. Он подумал об океане, представил, как высокие грязно-фиолетовые волны глотают бесконечные белые хлопья. Роуз тоже смотрела в окно на косую трепещущую белизну.

— Я только что поняла: Джош умер в годовщину нашей свадьбы. Вот так совпадение! Уверена, он специально подгадал! — засмеялась она. — Скажете, я сочиняю, но Джош умел читать мои мысли. Возможно, он и сейчас их читает. — Она растянула губы в ленивой хитрой улыбке. — Хотя, надеюсь, что нет. — В судорожном вздохе Роуз чувствовала усталость и печаль. — Все говорят: «Старый хрыч!», но Джош был моим старым хрычом... — Ее сигарета погасла, Квирк встал, тяжело опираясь на трость, взял со стола зажигалку и протянул ей. — Только взгляните на себя! — фыркнула Роуз. — Вас что, отметили?

— Угу, отметили. — Квирк вернулся к диванчику и лишь тогда заметил, что его стакан опустел.

— Вы должны радоваться: Сара приехала, — съязвила Роуз и ухмыльнулась. — Расскажите мне о ней, заодно о Мэле и вас с Делией.

— Старая история! — отмахнулся Квирк.

— Старые истории самые лучшие. Джош говорил, что секреты, как вино: с каждым годом богаче букет и ярче вкус. Живо представляю здесь вас четверых, — Роуз покачала ножкой бокала, показывая, что подразумевает под «здесь», — молодые, беззаботные, сплошной теннис и вечеринки. Две красавицы-сестры и два блестящих молодых медика. Джош наверняка вас ненавидел!

— Джош так говорил? — заинтересованно спросил Квирк. — Он говорил, что меня ненавидит?

— Ну, мистер Квирк, в разговорах о вас так далеко мы вообще не заходили! — снова поддела Роуз и насмешливо взглянула на него поверх края бокала.

— Вы продолжите финансировать благотворительную кампанию, которую он проводил? Ну, с младенцами?

Роуз вскинула брови и сделала большие глаза.

— С младенцами? — она недоуменно пожала плечами. — Ах да... Джош взял с меня слово, пригрозил: если брошу, не выбераться мне из чистилища. Он по-настоящему верил в рай, ад, искупление грехов, крылатых ангелов и так далее. Если я смеялась, он злился. Только как над этим не смеяться? Бедный Джош! — Роуз потупилась и беззвучно заплакала. Поймав кончиком пальца слезинку, она показала ее Квирку. — Смотрите, настоящий джин «Танкерей» и чуть-чуть сухого вермута. — Роуз подняла голову, жесткий пальмовый лист скользнул по ее щеке, и она раздраженно отмахнулась. — Чертовы пальмы! Велю вырвать каждую с корнем и сжечь! — Роуз устало ссутулилась и всхлипнула, а потом, изображая девчонку-подростка, шепнула: — Джентльмен предложил бы носовой платок.

Квирк поднялся, доковылял до ее кресла и протянул платок. Роуз шумно высморкалась, и он почувствовал, что хочет ее приласкать: прикоснуться к высоким гладким скулам, погладить по голове.

— Что будете делать дальше?

Роуз скомкала платок и с кривоватой извиняющейся улыбкой вернула Квирку.

— Еще не решила. Возможно, продам эти хоромы и переберусь в старушку Европу. Представляете меня самой популярной вдовой Монте-Карло? Всю в мехах, с маленькой собачкой под мышкой? Вы бы стали меня добиваться? Ну, водить по казино, плавать на моей яхте по греческим островам? — Роуз негромко засмеялась. — Нет, это совсем не в вашем стиле. Вы будете мокнуть под дублинским дождем и упиваться безответной любовью... — Она сделала эффектную паузу. — К Са-а-аре!

В камине шевельнулась толстая сосновая чурка, посыпались трескучие искры.

— Роуз! — начал Квирк, неожиданно для себя назвав ее по имени. — Я хочу, чтобы вы отказались от благотворительной кампании Джоша. Хочу, чтобы перестали ее финансировать.

Роуз склонила голову набок и криво улыбнулась.

— Раз хотите, придется меня ублажать. — Она протянула опустевший бокал. — Для начала налейте мне еще.

Немного позднее, когда снег перестал, а из-за туч выплыло робкое солнце, Квирк забрел в Хрустальную галерею, сам не понимая зачем. Он переборщил со скотчем и чувствовал себя неважно. Левая нога словно выросла и потяжелела, перевязанное колено распухло и страшно чесалось. Квирк опустил на чугунную скамью, ту самую, на которой в день приезда сидел с Джошем Кроуфордом. Давно это было, словно в другой жизни! Снег накрыл дом колпаком тишины, которая звенела в ушах вместе со звоном виски. Стоило закрыть глаза, подкатывала тошнота, и Квирк снова их открывал. Вдруг из зимнего света и тишины появилась Сара. Она стояла рядом со скамьей, комкала что-то в руке и смотрела на темнеющий вдали океан. С огромным трудом Квирк поднялся и подошел к ней. Шорох шагов напугал Сару, словно она его не видела или забыла, что он здесь.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Сара.

— Ничего, — отмахнулся Квирк. — Только устал, и нога ноет.

Сара не слушала, она снова смотрела на горизонт.

— Я уже забыла, как здесь красиво. Часто думаю, что мы зря уехали в Дублин.

Квирк пытался рассмотреть, что она комкает.

— Мы? — переспросил он.

Ну да, мы с Мэлом. Все могло бы сложиться иначе. — Сара перехватила его взгляд и пояснила: — Это шарф Фиби. Они с Гарретом собираются гулять, если Роуз найдет, кому расчистить дорожки. — Квирк, вспотевший от алкоголя и сильной боли в колене, доковылял до скамьи и тяжело на нее опустился. Бам! — это трость стукнулась о чугунное сиденье. — Я видела, как вы с Мэлом шептались. У него от меня секретов нет. Он думает, что есть, но сильно ошибается. — Сара отошла на несколько шагов к пальмам и высоким папоротникам. — Мы ведь были здесь счастливы, правда? Ты, я, Мэл... — не оборачиваясь, проговорила она.

Квирк положил ладони на перебинтованное колено, сжал и содрогнулся наполовину от боли, наполовину от садистского удовольствия.

— А еще Делия, — добавил он.

— Да, еще она.

Квирк снова сжал колено, с шумом втянул воздух и поморщился.

— Ты что делаешь? — Сара, наконец, удостоила его взглядом.

— Наказываю себя. — Тяжело дыша, Квирк откинулся на спинку скамьи. Порой казалось, он чувствует горячую стальную спицу, пронизывающую кость.

— Делия спала с тобой, в этом дело? — спросила Сара новым бездушным голосом, терзавшим Квирка не меньше, чем спица в ноге. — Она уступила, а я отказывалась — все просто, как дважды два! Мэл почувствовал, что ему предоставляется шанс, и не упустил его. — Смех Сары был таким же холодным, как голос. Она до сих пор стояла вполоборота и что-то высматривала на горизонте. — Ты замечал, что время и пространство диаметрально противоположны? В пространстве чем дальше, тем хуже видно, а со временем наоборот — чем больше лет проходит, тем яснее все становится. — Сара сделала паузу. — О чем вы шептались с Мэлом? — Она перестала глядеть вдаль и повернулась к

Квирку. От худобы ее лицо заострилось — Сара стала красивее, а вот спокойствия и безмятежности как не бывало. — Ну, скажи, о чем?

— Мэла спроси, — парировал Квирк, покачав головой.

— Он не говорит.

— Тогда и я не стану. — Квирк похлопал по скамье, приглашая Сару сесть. Пусть не сразу, но она подошла ближе, упорно глядя себе под ноги, словно сомневалась в прочности пола или своей способности по нему передвигаться. — Хочу, чтобы Фиби вернулась со мной в Ирландию, — сказал Квирк, когда Сара, наконец, села. — Поможешь мне ее убедить?

Сара чуть подалась вперед, словно у нее сильно болел живот, и уставилась прямо перед собой.

— Хорошо, но с одним условием.

— С каким? — спросил он, заранее зная ответ.

— Ты с ней поговоришь.

С океана напозала густая дымка, завывли туманные горны.

— Хорошо, — мрачно, чуть ли не зло ответил Квирк. — Хорошо, поговорю сию секунду.

Он нашел Фиби в холле с высоким сводчатым потолком: она сидела на стуле рядом с подставкой для зонтов в виде слоновьей ноги и обувала черные резиновые боты. Она уже надела теплое пальто с капюшоном и сказала, что хочет прогуляться и уговаривает дедушку пойти с ней. Может, и Квирк к ним присоединится? Он понимал, что запомнит навсегда, или насколько продлится его «навсегда», как она сидела с приподнятой вверх ногой и улыбалась. Новость он выложил без всякой преамбулы, глядя, как медленно, в несколько этапов, улыбка сползает с ее лица — сперва с глаз, затем с области вокруг глаз и наконец с губ. «Не понимаю», — тихо сказала она. Он повторил, стараясь выразиться проще и яснее, а закончил искренним «Извини, что так получилось». Она опустила сапог и поставила затянутую в нейлон HÖiу на пол — в простых движениях сквозила робость, словно воздух стал хрупким, и она боялась его разбить. Потом она покачала головой и издала какой-то хриплый звук, в котором он не сразу узнал смех. Почему она не встанет? Он бы коснулся ее, обнял, прижал к себе. Нет, к чему себя обманывать: он все равно не решится. Она бессильно опустила руки и хмуро посмотрела по сторонам: она потерялась, попала в чужой мир, где не знала никого и ничего, даже себя.

Глава 32

К полудню гости начали расходиться, последовав примеру архиепископа и его свиты. Костиган и другие члены ордена Рыцарей Святого Патрика хотели побеседовать с Роуз Кроуфорд, но она поднялась в свою комнату, захватив бокал с мартини. Ощущение надвигающегося кризиса проникло в дом, словно газ. В гостиной Квирк застал Костигана и священника из приюта Пресвятой Девы Марии — они сидели на диване и оживленно разговаривали. Мэл застыл у камина: одной рукой опирался на полку, другую запустил в карман пиджака, словно позируя для портрета. Заметив на пороге Квирка, Костиган осекся на полуслове, растянул губы в улыбке, спросил его, как нога, и быстро ли возвращаются силы. Мэл невозмутимо взглянул на них и промолчал. Вопрос Квирк проигнорировал. Сильно болела голова, и он поднялся в свою комнату. Когда заглянула Бренда Раттледж, он без пиджака сидел на кровати, курил и апатично разглядывал фотографии, что стояли на комодe из орехового дерева — в одной рамке их было сразу две, Делии Квирк, урожденной Кроуфорд, и ее дочери Фиби.

Прежде Квирк почти всегда видел Бренду в белой форме медсестры, поэтому сейчас не сразу сообразил, кто перед ним. Дверь он открывал со страхом и надеждой: вдруг Фиби смилостивилась и пришла поговорить. Бренда скользнула в комнату, бесшумно притворила дверь и застыла, глядя куда угодно, только не на Квирка. Она была в простом сером платье, туфлях на низком каблуке и совершенно без макияжа. «В чем дело?» — спросил Квирк, и Бренда потупилась, явно не зная, с чего начать. Он поднялся, едва сдержав стон — выпито море алкоголя, а колено все равно раскалывалось — и подошел к Бренде.

— По-моему... по-моему, я знаю, кому отдали ребенка, — со стороны казалось, Бренда говорит сама с собой. Квирк взял ее за локоть, посадил на кровать и сел рядом. — Я видела их здесь на рождественском празднике. Тогда они были с малышкой, и я особо не всматривалась, а потом встретила в приюте уже без нее. Во второй раз молодая женщина выглядела ужасно. — Бренда уставилась на свои руки, словно они вдруг стали чужими. Завыл туманный горн, и она со смутной тревогой повернулась к окну — там под тяжелым грязно-розовым небом простирались бескрайние снежные поля. Вспомнилась родина, снежная зима в год, когда ей исполнилось семь или восемь. Братья смастерили сани и взяли ее с собой кататься по запорошенному, спускающемуся в овраг лугу. Как они веселились! Зря она сюда приехала, зря спуталась с этими людьми. Они ей не ровня — слишком умны, богаты и опасны. Квирк о чем-то спросил, а она прослушала. — Это Стаффорды! — почти раздраженно объявила она. Квирк не понял, о ком речь. — Энди Стаффорд, водитель мистера Кроуфорда, и его жена. Девочку отдали им, я уверена.

Перед мысленным взором Квирка возникли набриолиненные волосы, по-детски маленькая голова молодого водителя и его блестящие черные глаза в зеркале заднего обзора. Он потянулся к комоду и повернул серебряную рамку фотографиями к стене.

Такси из Бостона ехало целую вечность. Снова повалил снег, таксист, коротышка-мексиканец, едва достававший ногами педали, гонять явно не любил, и машина с недовольным урчанием ползла по извилистым дорогам. Быстро темнело, Бренда Раттледж и Квирк сидели на заднем сиденье, глядя в разные

стороны. Былая непринужденность исчезла — оба смущались и не разговаривали. Бренда надела черное пальто с капюшоном, в котором походила на монашку. Юг Бостона словно вымер. По асфальту мела поземка, проезжая часть превратилась в бурую кашу. Каркасные дома на Фултон-стрит словно ежились от холода и снега. Адрес Квирк не без труда выпытал у Дейдр, вечно испуганной служанки Роуз Кроуфорд.

Дверь открыла худощавая женщина в коричневом фартуке. «Странная пара», — говорил ее недоверчивый взгляд, скользнувший по трости Квирка и монашескому пальто Бренды. Квирк объяснил, что они родственники Джошуа Кроуфорда, приехали из Мосс-Мэнора.

— Он ведь умер, да? — спросила женщина. На левой скуле у нее угрожающе наливался свежий синяк. Она объяснила, что Стаффорды живут на втором этаже, но Энди дома нет. — Он вроде в Норт-Скайтуэйт, — настороженно проговорила она. Ей очень не нравились эти двое: об Энди они расспрашивали с таким видом, словно знали о нем что-то плохое. Когда Квирк поинтересовался, дома ли миссис Стаффорд, женщина пожала плечами и презрительно ухмыльнулась, обнажив верхний клык. — Наверное, дома. Она же почти никуда не выходит.

Во дворе лежал снег, но женщина вместе с незваными гостями обошла вокруг дома, встала под карнизом и, скрестив руки на груди, смотрела, как они поднимаются по лестнице. Квирк осторожно постучал в застекленную дверь, но ответа не последовало.

— Дау них открыто! — крикнула снизу женщина.

Дверная ручка повернулась без труда, и Квирк с Брендой вошли в узкий коридор.

Клэр Стаффорд они нашли на маленькой кухне. В розовом халате, босая, она сидела боком к столу, одну руку положила на его пластиковую крышку, другую — на колени. Светлые волосы вялыми прядями висели вокруг бледного как полотно лица. Глаза покраснели, губы, наоборот, словно выцвели.

— Миссис Стаффорд! — негромко позвала Бренда. Клэр не ответила. Она сидела, не шевелясь. — Миссис Стаффорд, моя фамилия Раттледж. Я медсестра, служу, точнее, служила у мистера Джошуа Кроуфорда вместе с Энди. Мистер Кроуфорд умер. Вы... вы об этом знаете?

Клэр шевельнулась, словно уловила слабый звук, повернула голову и наконец посмотрела на незваных гостей. Ни любопытства, ни удивления в ее взгляде не было. Квирк встал напротив нее, опершись на спинку стула.

— Миссис Стаффорд, не возражаете, если я присяду? — спросил Квирк.

Клэр чуть заметно покачала головой. Квирк выдвинул стул, устроился поудобнее и показал Брендe на соседний, садись, мол.

— Мы хотим поговорить о девочке, — начала Бренда. — Ну, о том, что с ней случилось. Вы нам расскажете?

В бледно-голубых, почти бесцветных глазах Клэр мелькнуло что-то вроде отрицания или протеста.

— Он не хотел, — прошелестела она, сдвинув брови. — Я знаю, что не хотел. Это несчастный случай.

Квирк и Бренда переглянулись.

— Как это произошло? — спросил Квирк. — Пожалуйста, миссис Стаффорд, расскажите, как произошел тот несчастный случай.

Бренда осторожно накрыла руку Клэр своей, и женщина впилась взглядом в ее ладонь.

— Он хотел, чтобы малышка перестала плакать, — проговорила Клэр, обращаясь только к Бренде. — Он терпеть не мог, когда она плакала, поэтому и тряхнул ее, просто тряхнул. — Теперь на бледном лице Клэр читалось замешательство и неподдельное, искреннее удивление. — Голова Кристин была такой тяжелой, — громко шептала она, — и теплой, почти горячей. — Клэр перевернула лежащую на коленях ладонь и сложила пригоршней, точно повторяя форму детской головки. — Такой тяжелой...

— Что вы сделали потом? — тихо спросила Бренди. — Что сделал Энди?

— Позвонил в приют. Ушел звонить и пропал... Приехал отец Харкинс. Я рассказала про несчастный случай. Потом вернулся Энди.

— Отец Харкинс позвонил в полицию? — Ответ Квирк знал заранее, но решил проверить.

— Нет, — коротко ответила Клэр и повернулась к Бренде, точно взывая к ее здравому смыслу: — Зачем? Это же несчастный случай.

— Миссис Стаффорд, а где она сейчас? — не унимался Квирк. — Где ваша девочка?

— Ее увез отец Харкинс. Я ее видеть больше не хотела. Это плохо с моей стороны? — Клэр снова обращалась к Бренде.

— Нет, — заверила та, — конечно, нет.

— Я до сих пор чувствую тепло и тяжесть ее головки. До сих пор...

Повисла тяжелая тишина. В дом, правда, влетело что-то мягкое и бесшумное, или Квирку только показалось? Он устал, как же он устал! Квирк словно стоял у конца дороги, по которой брел так долго, что странствие уподобилось отдыху. Только тот отдых не давал передышки, и в результате истерлись кости, заболело сердце, притупился ум. Путь был нелегким, а он перепутал указатели и заблудился.

Глава 33

Энди понял, что нужно девушке, когда вошел в гараж и обнаружил ее на заднем сиденье «бьюика». Она сидела в теплом пальто, бледная, не то расстроенная, не то напуганная и смотрела прямо перед собой. Она молчала, и Энди тоже не стал разговаривать, только застегнул куртку, сел за руль и завел машину. Он ехал, куда глаза глядят — этого же она хотела. «Отвезите меня куда-нибудь», — попросила она в прошлый раз после того, как они оставили того здоровяка в деревне. Снова начался снегопад, что Энди совсем не огорчило: на дорогах будет свободно. Они снова оказались на побережье. Энди спросил, нет ли у нее сегодня тех английских сигареток, но девушка молча глянула на него в зеркало заднего обзора и покачала головой. В глазах читались страх и бессилие, но Энди чувствовал: она думает об одном и готова на все. Еще он чувствовал, что будет у нее первым.

Энди знал, куда ехать и пригнал «бьюик» на мыс. Место что надо: вокруг ни души. От сильного ветра тяжелая машина раскачивалась, снег моментально собрался на «дворниках» и у основания окон. Сперва девушка отпиралась, якобы не понимала, в чем дело, и чего он хочет, а ведь сама хотела того же, только не признавалась. Пришлось вытащить нож — не собирался ведь, совершенно не собирался! — который на двух магнитах сидел под щитком управления. При виде ножа девушка заплакала, но Энди велел ей заткнуться. Потом велел снять дурацкие резиновые сапоги — чушь, конечно, но он завелся с полуоборота. Между передними и задними сиденьями почти не было места, потому девушка и сгибала ноги, и поднимала, сверкая то поясом, то нежной кожей на внутренней поверхности бедер, то кружевными трусиками.

До чего же хорошо ему было! Девушка брыкалась, но это заводило еще больше. Энди позаботился, чтобы она лежала на своем пальто: пачкать сиденья очень не хотелось. Точнее, она полулежала-полусидела, и он долго корячился, прежде чем смог в нее войти. Она смешно пискнула прямо ему в ухо, и Энди, расчувствовавшись, чуть отстранился и поднял голову. Окно почти запылило, но он разглядел, что вдали, у входа в гавань, море вздымается. Энди догадался, что приливная волна меняет направление, и сейчас в гавань хлынут высокие темно-фиолетовые волны с белыми барашками пены. Долго сдерживаться не получилось: Энди выгнулся дугой и вошел в девушку во всю длину. Ритмичная пульсация родилась глубоко внутри него, он содрогнулся и укусил девушку за шею так, то она вскрикнула.

Едва приятное закончилось, возникла проблема: что делать с девушкой. Не домой же ее везти! В Мосс-Мэноре Энди возвращаться не желал, ни сейчас, ни когда-либо. Раз старик умер, пора сматывать удочки. Надменная сучка, превратившаяся в богатую вдову, продаст дом в мгновение ока — она частенько бродила по Мосс-Мэнору и презрительно кривилась, думала, никто не видит, только от Энди не скроешься! — и переберется в место поинтереснее. У Энди тоже имелся план, а после этого неожиданного приключения стало ясно: время пришло, нельзя терять ни минуты. Он уже попросил приятеля, торговца антикварными машинами, обосновавшегося в Розуэлле, найти умельцев, которые поколдуют над «бьюиком», сделают его «ничейным» и продадут. Но время, время поджимало. Для начала следовало избавиться от девушки. Когда въехали в Норт-Скайтуэйт, она лежала на заднем сиденье, по-кошачьи свер-

нувшись в клубок. Снег усилился, улицы опустели. Хотя разве в этом захолустье бываетлюдно? Энди притормозил на углу, где пару дней назад забрал Квирка, распахнул дверцу и велел вылезать. Подмораживало, но девушка была в пальто и в сапогах, значит, не замерзнет. Энди даже вручил ей горсть мелочи для таксофона. Девушка вылезла из машины. «Точь-в-точь оживший мертвец, — подумал Энди — Ее лицо словно смазалось, глаза помутнели, как у слепой». Он покатил прочь, напоследок взглянув в зеркало заднего обзора. Девушка неподвижно стояла на углу, пальто, расширяющееся книзу дело ее похожей на скво, отставшую от своего племени.

Энди понимал, что крупно влип, пожалуй, сильнее, чем когда-либо. Грозить девушке ножом, конечно, не следовало, хотя он не слишком волновался. Сердце пело от счастья: он отличился, показал, на что способен. Колени еще не высохли, зато на спине и в подмышках остывший пот ласкал кожу, словно масло, словно этот, как же его, бальзам. Жаль, Кора Беннетт не видела, как он забавляется с девушкой в «бьюике»! Притащить бы ее на мыс и заставить смотреть. И ее, и Клэр, и того здорового ирландца, и Роуз Кроуфорд, и Джо Лэнигана с коротышкой-приятелем, похожим на Лу Костелло, — Энди представил, как все они стоят вокруг машины, смотрят в окна, кричат «Хватит!», а он смеется над ними.

Однажды ночью Кора Беннетт смеялась во все горло: у нее пошла кровь, а Энди, почувствовав на бедрах горячую липкую влагу, испуганно отстранился. «Черт подери, это же только кровь!» — хохотала она. Сегодня у девушки тоже шла кровь, но куда меньше. Окажись рядом Кора, он намазал бы кровь ей на лицо, и захохотал: «Черт подери, Кора, это же только кровь!» В ту ночь Кора почувствовала, что Энди злится, и извинилась, хотя ухмылку с лица так и не стерла. Она скрылась в туалетной комнате, а вернувшись, села на краешек кровати, помассировала Энди спину и снова извинилась. Якобы смеялась она не над ним, а от облегчения. У нее, мол, стабильный цикл, а тут задержка на две недели. Мол, вдруг Клэр наврала или сочинила очередную бредовую небылицу. Мгновенно насторожившись, Энди спросил, в чем дело и что наговорила Клэр. «Ты стреляешь холостыми, ковбой! — Кора снова ухмыльнулась и взъерошила ему волосы. — Поэтому у вас не получаются ни маленькие Энди, ни маленькие Клэр, ни свои маленькие Кристин».

Что она несет? Сперва Энди не понял, о чем речь: Клэр сказала Коре, что дети не получаются по его вине? Анализы сдавали они оба, и, когда забрала результаты, Клэр выдала совсем иное: по словам доктора, проблемы у нее, ей не забеременеть, как ни старайся... Кора, которая явно сожалела, что заговорила об этом, настаивала на обратном. Якобы однажды Энди уехал на службу, а она поднялась к Клэр выпить кофе и услышала другую историю. Дескать, Клэр плакала, вспоминала малышку и несчастный случай, а потом выложила правду о результатах анализов и призналась, что солгала мужу.

У Энди задрожала правая нога, как всегда, когда он нервничал или злился. Почему, ну почему Клэр сказала, что дело в ней, если это он, он не может... «Ну, милый, она, видимо, не хотела тебя расстраивать», — успокаивала его Кора. Она даже ухмыляться перестала, сообразив, что наломала дров. Энди ее ударил. Понимал, что нельзя, но ведь и Коре нельзя было об этом заговаривать. Ударил он ее сильно, по щеке, задев переносицу. Снова потекла кровь, Кора молча сидела на кровати, отстранившись от него, и прижимала руку к

щеке. Глаза у нее были колючие, холодные, как лед. Разумеется, их встречам настал конец. Возможно, Кора, успокоившись, захотела бы продолжения, только Энди она надоела — и ее дряблый живот, и плоская грудь, и лицо, на котором уже давно появились морщины.

По дороге из Норт-Скайтуэйт Энди решил взять Клэр с собой, чему искренне удивился и обрадовался. Наверное, он впрямь любил ее вопреки всему, даже тому, что она наговорила Коре Беннетт. Машину он оставил чуть дальше по улице, и не из страха показать соседям дорогой автомобиль — «бьюик» они уже видели — а из желания попасть в дом, не сталкиваясь с Корой Беннетт. Энди прошмыгнул через двор и поднялся по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. «Хорошо, что идет снег! — радовался он. — Шагов моих не слышно».

Клэр в своем неизменном халате сидела у телевизора и смотрела дурацкую телевикторину. Господи, ну кому интересна столица Северной Дакоты?! Энди встряхнул ее за плечи и велел собираться. Клэр даже не шевельнулась, тогда Энди загородил телевизор, показал ей кулак и наорал. Чуть позже в спальне, запихивая рубашки в старый саквояж отца, он внезапно почувствовал, что Клэр рядом. Энди даже не оглянулся: на присутствие жены он реагировал интуитивно, будто она уже стала призраком. Как всегда усталая, поникшая, Клэр стояла на пороге, плотно запахнувшись в халат. Она переплела руки на груди, словно иначе могла рассыпаться.

— Сегодня к нам гости приезжали, — объявила она.

— Правда? И кто? — безразлично спросил Энди. Господи, откуда у него столько рубашек, джинсов и пиджаков?!

— Они спрашивали про девочку, — сказала Клэр.

Энди вздрогнул и медленно обернулся, держа в руках ремень с пряжкой в виде бычьей головы.

Клэр объяснила. В последнее время ее голос звучал слабо, словно внутри сидела батарейка — еще немного, он исчезнет, и Клэр начнет по-рыбьи беззвучно открывать рот. Итак, приезжали здоровый ирландец с медсестрой. Они спрашивали про маленькую Кристин и как произошел несчастный случай. После двух фраз Клэр затихла и стала теревить ниточки на халате. Она словно не о девочке, а о погоде рассказывала! Чтобы услышать продолжение, Энди пришлось ее встряхнуть. Господи, его жена превращается то ли в призрак, то ли в заводную куклу! Энди отхлестал бы Клэр ремнем, если бы не ее странный отсутствующий вид. Она словно потерялась внутри себя самой.

Энди нервно расхаживал по спальне, кусая костяшки пальцев. Уезжать нужно сегодня, сейчас! Клэр словно прочла его мысли и лишь тут заметила саквояж, распахнутые настежь дверцы шкафа и выдвинутые ящики.

— Ты бросаешь меня? — судя по тону, Клэр совершенно не возражала.

— Нет, — Энди остановился, положил руки на пояс и заговорил медленно, чтобы Клэр поняла: — Нет, детка, не бросаю. Ты поедешь со мной на запад. В Розуэлле нас ждет Уилл Дейке. Он поможет нам, работу мне найдет. — Энди подошел ближе и коснулся щеки Клэр. — Мы начнем все сначала. Возьмешь себе другую малышку, ты ведь этого хочешь, да детка? — Удивительно, как мало его волновало то, что Клэр сказала Коре о результатах анализов, а здоровому ирландцу про несчастный случай, да и остальное тоже. Здоровый ирландец, Роуз Кроуфорд, монахиня, рыжий священник — всех их Энди уже считал

прошлым. Только это прошлое попробует его настигнуть, причем скоро, поэтому им с Клэр нужно бежать. Щека Клэр казалась холодной, словно кровь ее совсем не грела. Клэр, его Клэр, детка... Никогда в жизни он не чувствовал к ней такой нежности, как сегодня на пороге спальни, озаренной лучами заката. За окном ореховое дерево вздымало к небу голые ветви, и догорал их последний день в Бостоне.

«Бьюик» летел слишком быстро. Из-за свежесвыпавшего снега дороги стали скользкими. Каждый раз, когда навстречу попадалась патрульная машина, Энди ждал, что копы развернутся, пересекут разделительную полосу, включат сирену, мигалки и помчатся следом. Девушка уже наверняка вернулась домой и пожаловалась родственникам. Что именно она наговорила, Энди не волновало. Через два дня они с Клэр будут в Нью-Мексико, Уилл Дейке спилит номер с двигателя или что там полагается спиливать и продаст «бьюик». Они получат деньги и отправятся в Техас или на север, в Колорадо, Юту или Вайоминг. Им открыт целый мир, этот самый мир, под этими небесами. Клэр забудет маленькую Кристин, и они заживут так, как еще не жили. Сквозь густой снег мигнул красный огонек — ясно, впереди переезд. Энди с удовольствием вспомнил, как та девушка, Фиби, ерзала под ним на заднем сиденье, и сильнее нажал на педаль газа. Настоящая жизнь только начинается, его место на бескрайних равнинах, напоенных ароматным воздухом. Шлагбаум опускался, но Энди верил: они проскочат, ведь их ждет новая жизнь, новый мир, новые люди. В лице Клэр читалось то же радостное волнение — она подалась вперед и широко раскрыла глаза. «Бьюик» въехал на рельсы, и Клэр — Господи, что она творит?! — схватилась за руль, оттеснив Энди. Мощная машина со скрипом повернулась на блестящих стальных рельсах и остановилась. Остановился двигатель, остановился весь мир, только поезд стремительно приближался, слепя единственным глазом. В последний момент поезд словно поднялся над землей, он словно хотел догнать клубы черного дыма, пламя, крик, и лететь, лететь, лететь...

Глава 34

Фиби с первого взгляда невзлюбила комнату, в которой ее поселили. Роуз хотела, как лучше, но комната больше напоминала детскую, чем спальню взрослого. Фиби устала, страшно устала, но заснуть не могла. Они думали, ей нужно, чтобы с ней сидели, держали за руку, смотрели полными жалости глазами. В итоге Фиби притворилась спящей, чтобы ее оставили в покое. После разговора с Квирком хотелось побыть одной, чтобы подумать и во всем разобраться. Поэтому она спустилась в гараж и села в «бьюик», совсем как в детстве, когда пряталась в папиной машине.

Ах, папа...

Энди Стаффорда Фиби едва заметила. Он ведь водитель — зачем о нем думать? Вероятно, он пришел отполировать корпус «бьюика», проверить масло, накачать шины и так далее. Фиби не испугалась, когда Энди завел машину и вывел ее из гаража, не испугалась, когда он свернул с дороги на тропу, которая тянулась вдоль дюн на мыс, где дул сильный ветер и валил густой снег. Зря она молчала: надо было что-то сказать, велеть ему ехать обратно. Вдруг он бы послушался, ведь водитель обязан слушать хозяев. Но она не сказала ничего, а потом «бьюик» остановился, Энди полез к ней на заднее сиденье и вытаскивал нож.

Когда Энди ее высадил, в Мосс-Мэноре Фиби звонить не стала. Причин было много, но, прежде всего, она не знала, что сказать. Как объяснить случившееся? В общем, несмотря на холод, снег и иудящую боль в ногах, она пошла сперва по главной улице деревни, потом по дороге. Дверь открыла Роуз. Оттолкнув служанку Дейдр, она взяла Фиби за руку и повела на второй этаж. Долгих объяснений не потребовалось, хватило нескольких слов: машина, водитель, дюны, нож — и Роуз все поняла. Она заставила Фиби глотнуть бренди и велела Дейдр наполнить ванну. Лишь усадив в нее Фиби, она позвала Сару и Мэла. Квирка на месте не оказалось, впрочем, как всегда.

Все разом засуетились, забегали на цыпочках с теплым чаем и супом, зашептались у порога. Вызвали неуклюжего седовласого доктора с большим саквояжем и пахнущим мятой дыханием, за ним — инспектора полиции, который, ежесекундно откашливаясь, крутил шляпу, явно смущенный своими вопросами. Потом состоялся странный разговор с мамой, то есть с Сарой. Речь шла словно не о ней, Фиби, а о совсем другой девушке из прошлой жизни, что, в принципе, было недалеко от правды. Прежде Фиби знала, кто она такая, а сейчас стала никем. «Ты по-прежнему моя малышка!» — заверила Сара. Фиби не ответила: сказать ей было нечего. Мэл как всегда не давал воли эмоциям, но из этих двоих — еще несколько часов назад они считались ее родителями — Фиби больше любила Мэла. Или слово «любить» уже неуместно?

Больше всего Фиби волновал укус: зубы Энди Стаффорда оставили след на ее шее. Именно укус Фиби воспринимала, как насилие. Почему, она не понимала и объяснить не могла, но чувствовала именно так.

Об Энди Стаффорде Фиби говорить не желала не из-за ножа или того, что он с ней сотворил, точнее, не только из-за его деяний, а потому что не представляла, какими словами их описать. Когда позвонили из полиции и объявили: Энди с женой погибли из-за того, что «бьюик» заглох на железнодорожном переезде, Фиби единственная не испытала ни шока, ни даже удивления. Гибель

Стаффордов казалась понятной и закономерной, как финал сказок, которые она слушала в детстве: после страшного начала все проблемы постепенно решались, злых троллей убивали, и довольная Фиби спокойно засыпала. Сам Энди ни злости, ни отвращения не вызывал: он был лишь острым лезвием у ее горла и вонзающимся в нее телом.

Наконец объявился Квирк, тут же поднялся на второй этаж и замер у кровати Фиби, неуклюже опираясь на трость. Он просил вернуться с ним в Ирландию, но Фиби отказалась.

— Поживу немного здесь, а потом увидим, — проговорила она. Казалось, Квирк станет умолять, поэтому Фиби, откинувшись на подушки, сделала упрямое лицо, и он понурил голову, как раненый бык. — Хочу спросить... Кто придумал мне имя?

Квирк поднял голову и сдвинул брови.

— В каком смысле?

— Кто назвал меня Фиби?

Квирк снова потупился.

— Тебя назвали в честь бабушки Сары, матери Джоша.

Фиби долго молчала, обдумывая услышанное.

— Ясно, — наконец проговорила она. Глаз Квирк не поднял и, прихрамывая, вышел из комнаты.

Сара и Мэл сидели на диванчике с золотистой обивкой в просторном фойе, которым заканчивалась дубовая лестница. Последние лучи заката робко лились в высокие окна с гнутыми стеклами. Подобно Квирку, Сара чувствовала себя так, словно целый день брела по льдам и трясинам, замерзшим пустошам и опасным дорогам и наконец добралась до финишной черты. Кожа рук стала серой и шершавой, она точно съезживалась так же, как сознание. Большой ковер, напоминающий ворсистую бледно-розовую льдину, вызывал тошноту, как почти все остальное, что появилось по желанию Роуз, которая, наверняка, безоговорочно верила в то, что у нее хороший вкус.

— Что будем делать теперь? — спросила Сара.

— Жить дальше так, как сможем. Фиби понадобится наша помощь, — ответил Мэл. Он казался спокойным, кротким, смирившимся. «Что у него на уме?» — гадала Сара и уже не впервые поразилась, как плохо знает человека, с которым прожила большую часть жизни.

— Зря ты мне не рассказал, — проговорила она.

Мэл заерзал, но на Сару не посмотрел.

— Что не рассказал?

— О Кристин Фоллс. О ребенке. Обо всем.

Мэл шумно выдохнул: казалось, с воздухом вытекает часть его существа.

— О Кристин Фоллс, — эхом повторил Мэл. — Откуда ты про нее узнала? Квирк сказал?

— Нет. Какая разница, откуда я узнала? Зря ты мне не рассказал, тем более, с тебя причиталось. Я бы выслушала и постаралась понять.

— Я хотел исполнить свой долг.

— Господи, какой ты лицемер! — дрожащим голосом воскликнула Сара.

— Я думал о долге перед всеми нами, — упрямо повторил Мэл. — Я должен был держать себя в руках и контролировать ситуацию. Никто другой даже не пытался. Все бы рассыпалось.

Сара взглянула на ковер, и пиццевод снова сжался. Она закрыла глаза и, глядя во мрак, проговорила:

— У тебя еще есть время.

— Время? — недоуменно переспросил Мэл.

— Время искупить грехи.

С губ Мэла слетел странный звук, который Сара не сразу узнала — он хохотнул.

— Милая Сара! — как редко он называл ее по имени! — Боюсь, уже поздно.

Начали бить часы, потом еще одни, потом еще — сколько же их?! Неужели в этом доме на каждом этаже, в каждой комнате свое время?

— Я сказала Квирку про Фиби. Теперь он в курсе целиком и полностью.

— Правда? — Мэл снова хохотнул. — Интересная, наверное, получилась беседа!

— Зря я молчала все эти годы. Квирк должен был узнать про Фиби, а я — про Кристин Фоллс.

Мэл закинул ногу на ногу и судорожно натянул брюки на коленях.

— Про Фиби ты могла не рассказывать, — тихо проговорил он. — Квирк уже знал.

Что она слышит — слабые отзвуки боя часов? Сара затаила дыхание, боясь того, что сейчас слетит с ее губ.

— О чем это ты? — наконец пролепетала она.

Мэл уставился в потолок, словно там было нечто интересное — какой-то знак, иероглиф.

— Кто, по-твоему, упросил моего отца позвонить мне в Бостон сразу после смерти Делии? — он словно не к Саре обращался, а расспрашивал нечто, одному ему видное в тених под потолком. — Кто не смог справиться с трагедией? Кто не смог даже думать о ребенке и отдал его нам?

— Нет, это неправда, — покачала головой Сара, хотя понимала: Мэл не лжет. Ах, Квирк... Она ведь давно это чувствовала, только себе не признавалась. Сейчас ни злобы, ни обиды на душе не было, только грусть. Об этом Фиби она не скажет: зачем девочке знать, что родной отец отказался от нее добровольно и даже с готовностью.

— По-моему, я больна, — после минутной паузы проговорила Сара.

Мэл замер, а Саре почудилось, что к земле прижался неприрученный зверь, сама настороженность.

— Почему ты так думаешь?

— Голова с каждым днем болит все сильнее.

Мэл потянулся и сжал ее холодную вялую ладонь.

— Ты мне нужна, — проговорил он апатичным бесцветным голосом. — Без тебя ничего не получится.

— Тогда положи конец истории Кристин Фоллс и ее ребенка! — неожиданно резко потребовала Сара, перевернула ладонь и сама стиснула пальцы Мэла. — Обещаешь? — Теперь вялой стала ладонь Мэлэки — он чуть заметно покачал головой. Сара выпустила его руку и встала. Его так называемый долг заключался во лжи, притворстве и укрывательстве. Его долг искалечил столько жизней!

— Ты знал про Квирка и Фиби, знал про Кристин Фоллс, знал все и ничего мне не сказал. Все эти годы ты лгал мне... Почему, Мэл, как ты мог?

Мэл поднял голову и посмотрел на нее — в его глазах не было ничего, кроме усталости.

— Вероятно, причина та же, по которой ты с самого начала не сказала Квирку, что Фиби — его дочь. Ты же думала, он не в курсе. — Мэл слабо улыбнулся. — Никто не безгрешен.

Глава 35

Квирк знал: пора ехать, в Бостоне дел больше нет, если они вообще были, если было что-то помимо его бесконечных ошибок, сумятицы и вреда окружающим. Фотографии Делии и Фиби он повернул лицом к стене: страх перед покойной женой исчез, точно изгнали ее дух. Квирк начал собирать вещи. День догорал, заснеженные силуэты деревьев растворялись в сгущающихся сумерках. Квирк чувствовал себя неважно. Из-за центрального отопления в доме царил духота, казалось, головная боль мучает его с самого приезда в Мосс-Мэнор, только больше или меньше. Он не знал, что думать о Фиби, Мэле, Саре, Энди Стаффорде — о каждом из них, и устал от бесплодных попыток настроиться на нужный лад. Злость на всех и вся превратилась в фоновый гул. Помимо нее, Квирк чувствовал медленно кипящее отчаяние — совсем как в детстве, когда наступивший день не сулил ничего хорошего и интересного. Неужели его существование навсегда уподобилось эдакому прижизненному посмертию и блужданию по чистилищу с похожими на него душами — не проклятыми, но и не спасенными?

Как только в комнату вошла Роуз Кроуфорд в свободных темных брюках и черной блузке, Квирк понял, что сейчас случится.

— По-моему, траур мне к лицу, а вам как кажется? — спросила она. Квирк снова взялся за сборы. Роуз стояла посреди комнаты, заложив руки в карманы брюк, и смотрела на Квирка. Он держал в руках рубашку, которую Роуз забрала и сложила поразительно ловко и умело. — В свое время я работала в химчистке, — бросила она через плечо. — Удивлены, да?

Теперь Квирк стоял столбом и буравил ее взглядом.

— У меня к вам две просьбы, — проговорил он, закурив сигарету.

— Правда, и какие же?

— Пообещайте, что прекратите финансировать аферу с младенцами и отпустите Фиби со мной в Ирландию.

— Фиби остается здесь, — покачала головой Роуз, глядя на рубашку.

— Нет, отпустите ее, — тихо и спокойно проговорил Квирк.

Роуз положила рубашку в чемодан поверх другой, взяла у Квирка сигарету, затянулась и вернула ему.

— Ой, опять в помаде испачкала! — Она наклонила голову и смерила Квирка смеющимся взглядом. — Поздно, Квирк, вы ее потеряли.

— Вы в курсе, что она моя дочь?

— Разумеется! Джошуа сообщили о вашем, хм, родственном обмене, а он от меня ничего не скрывал. Вот он, маленький секрет крепкой семьи!

Казалось, с потолка на него спикировало что-то темное, страшное, крылатое. Квирк схватил Роуз за плечи и потрянул так, что она выронила сигарету.

— Мерзкая эгоистичная сучка! — процедил он, слыша, как над головой хлопают черные крылья.

Роуз без труда вырвалась из его тисков, подняла с ковра раскуренную сига-

ретену и бросила в камин.

— Осторожнее, Квирк, так и дом спалить недолго! — пожурила Роуз и расправила плечи. — Ну и силища у вас...

Квирк чувствовал, что Роуз едва сдерживает смех. Он выставил вперед сломанную Ною и пересек разделяющее их расстояние таким широким шагом, словно хотел не подойти поближе, а плашмя рухнуть на пол. Что с ней сделает — отвесит пощечину или собьет с ног — он еще не решил, но вместо этого сжал в объятиях. Роуз оказалась на диву тоненькой и легкой, все косточки прощупывались! Поцеловав ее, Квирк почувствовал солоноватый вкус крови, только чьей, не знал.

Плотная ночная тьма заглядывала в высокие окна спальни.

— Оставайся здесь вместе с Фиби, — предложила Роуз. — Гриффины пусть возвращаются в родную Ирландию, а у нас троих все получится. Признайся, Квирк, я подхожу тебе больше, чем твоя драгоценная Сара — у нас обоих холодные сердца и пылкие души. — Квирк начал что-то объяснять, но Роуз прижала пальчик к его губам. — Тише, не говори ничего! Зря я предложила. — Она отвернулась, села на кровать спиной к Квирку и, глянув на него через плечо, криво улыбнулась. — Неужели ты совсем меня не любишь?! Можешь соврать, ты же здорово врешь!

Квирк молча перевернулся на спину — колено просто раскалывалось! и уставился в потолок. Роуз нащупала сигареты в кармане его пиджака, вытащила одну и, закурив, вложила Квирку в рот.

— Бедняга Квирк, у тебя столько проблем! — тихо сказала она и, встав перед зеркалом, пригладила волосы. Отражение Квирка село и потянулось к тумбочке за пепельницей. «Большой белый медведь!» — с нежностью подумала Роуз. — Слушай, это, наверное, тебе не поможет, но скажу одну вещь. Ты ошибся насчет Мэла и той девушки... ну, с ребенком, забыла, как ее зовут. — Квирк поднял голову и заглянул в глаза ее отражению. — Поверь мне, насчет них ты здорово ошибся.

— Да, — кивнул Квирк, — знаю.

Рано утром Квирк приехал в приют и сказал, что хочет поговорить с сестрой Стефанией. Нервно заламывая руки, монахиня с лошадиными зубами завила, что в этот час его никто не примет, всем своим видом показывая: в любой другой час — тоже. Квирк справился о сестре Анселах, но она, по словам монахини, переехала в Канаду. Квирк не поверил. Он сел на стул в фойе, положил шляпу на колени, давая понять, что не сдвинется с места, пока его кто-нибудь не примет. Молодая монахиня исчезла, а через какое-то время появился отец Харкинс: правый глаз у него дергался, подбородок покраснел от утреннего бритья. Широко улыбаясь, он протянул руку. Квирк ее проигнорировал, встал, опираясь на трость, и заявил: ему нужно увидеть могилу девочки.

— Могилу? — Священник вытаращил глаза.

— Да, она ведь здесь похоронена. Хочу узнать, какое имя стоит на надгробии.

Отец Харкинс начал громко возмущаться, но Квирк тотчас его осадил и угрожающе поднял тяжелую трость.

— Я могу и в полицию позвонить! — зашипел священник.

— Конечно, можете! — подначил Квирк.

С каждой минутой священник нервничал все сильнее.

— Послушайте, — громко зашептал он, — там сейчас мистер Гриффин. Не надо ему мешать, он ведь скоро уезжает!

— Мне плевать, даже если там папа римский! — рявкнул Квирк. — Хочу увидеть надгробие!

Отец Харкинс затребовал у молодой монахини пальто и галоши. Та взглянула на Квирка с возросшим интересом, если не с восторгом. Очевидно, она не привыкла видеть отца Харкинса покорным и безропотным.

Утро выдалось сырое. Холодный ветер гнал по небу тяжелые тучи и швырял в лицо хлопья мокрого снега. Квирк и отец Харкинс обошли здание приюта, через побелевший огород прошагали до гравиевой дорожки, которая убежала к деревянной калитке. У калитки священник остановился.

— Прошу вас, мистер Квирк, послушайте меня! Уезжайте домой, в Ирландию, выбросьте эту историю из головы. Если откроете калитку и войдете, то... сильно об этом пожалеете.

Квирк молча поднял трость и показал на калитку. Отец Харкинс со вздохом отодвинул щеколду и отступил на несколько шагов.

Кладбище оказалось меньше, чем ожидал Квирк. Самое обычное поле, оно лежало на пологом склоне и смотрело на бостонские многоэтажки, сегодня скрытые морозной дымкой. Вместо надгробий на могилах — не длиннее пары футов, как с ужасом заметил Квирк — возвышались покосившиеся деревянные кресты. По петляющей тропке он зашагал к одинокой фигуре в пальто и шляпе. Мужчина опустился на одно колено. Квирк видел лишь его сторбленную спину и, еще не приблизившись вплотную, окликнул. Напряженной позой загнанного зверя мужчина напоминал Мэла, только это был не Мэл.

Мужчина не обернулся, и Квирк подошел ближе под аккомпанемент хруста гравия, неритмичного шороха своих шагов и стука трости. Ветер едва не унес его шляпу — Квирк вовремя удержал ее на месте. Вот он поравнялся с мужчиной в пальто, и тот наконец удостоил его взглядом.

Судья Гриффин поцеловал распятие, поднял носовой платок, на котором стояло колено, не без труда выпрямился и лишь тогда спрятал четки в карман.

— Ну, Квирк, ты доволен?

Маленькое кладбище они обошли трижды. Сильный ветер хлестал им лица, щеки судьи Гриффина посинели и покрылись пятнами, колено Квирка ныло от боли. Квирку казалось, именно этим он занимается всю жизнь — медленно кружит у царства мертвых.

— Я заберу отсюда маленькую Кристин, — проговорил судья Гриффин. — Похороню на нормальном кладбище или даже в Ирландию увезу и похороню рядом с ее матерью.

— На таможене проблем не возникнет? — поинтересовался Квирк. — Или вы все уладите?

Старик ухмыльнулся, сверкнув зубами.

Ее мать была чудесной девушкой, очень веселой. Именно это поразило меня, когда я впервые увидел ее у Мэлэки — как заразительно она смеялась.

— Сейчас вы, наверное, скажете, что поддались соблазну, — подначил Квирк.

Еще одна зубастая ухмылка.

— Прикуси язык, Квирк! Пострадавший здесь не ты. Если я и должен извиниться, то не перед тобой. Да, я согрешил, и Господь меня за это накажет. Уже наказал, забрав сперва Крисси, потом малышку. — Судья Гриффин сделал паузу. — А за что Он наказал тебя, когда забрал Делию?

— Мне нравится ваша позиция, Гаррет! — воскликнул Квирк, упорно глядя себе под ноги. — Грех и наказание — можно подумать, все так просто.

До ответа судья не снизошел — он внимательно смотрел на полускрытые дымкой высоты.

— Теперь я верю, что история повторяется, Ты потерял Делию, Фиби прислали сюда. У меня с Крисси случилось то же самое, словно так суждено.

— Делия была моей женой, а не служанкой в Доме моего сына. И по возрасту она не годилась мне в дочери, тем более, во внучки.

— Ах, Квирк, ты еще слишком молод и не представляешь, каково чувствовать, что силы уходят. Смотришь на свою дряблую кожу, проступающие сквозь нее кости и содрогаешься. Потом появляется девушка вроде Кристин, и тебе снова двадцать, — судья замолчал, погружившись в раздумье. — Твоя дочь жива, а моя погибла из-за того мерзкого ублюдка! Как же его фамилия? Стаффорд? Да, Стаффорд.

Отец Харкинс так и стоял у калитки. «Чего он дожидается?» — удивленно подумал Квирк.

— Я уважал вас, Гаррет, боготворил, считал единственным хорошим человеком в нашем порочном мире.

— Вероятно, во мне, действительно, немало хорошего. Порой Господь наполняет милостью слабейшие сосуды. — В голосе судьи звенел благоговейный трепет, как у пророка из Ветхого Завета. «Почему я раньше этого не замечал?» — мысленно удивился Квирк.

— Вы сумасшедший, — тихо сказал он, словно неожиданно сделал невероятное открытие.

— А ты, Квирк, бессердечный ублюдок и всегда таким был, — ухмыльнувшись, парировал судья. — Зато прежде обо всем, ну, или почти обо всем ты говорил честно. Не порти свою репутацию, не превращайся в лицемера! Не надо сказок про то, как ты меня боготворил. Да ты ни о ком, кроме себя, в жизни не думал!

— Афера с сиротами, Костиган, те головорезы — за всем этим тоже стояли вы? — после небольшой паузы спросил Квирк. — Вы с Джошем? — Судья в очередной раз не удостоил его ответом. — А кто велел расправиться с Долли Моран?

Судья остановился и поднял руку.

— Это Костиган. Он отправил бандитов что-то искать в ее доме. Трогать Долли им не следовало.

Они побрели дальше.

— А ко мне тех парней кто подослал?

— Господи, Квирк, ты мне как сын, думаешь, я позволил бы тебя обидеть?!

Квирк попытался связать все имеющиеся ниточки.

— Долли рассказала про дневник мне, я — Мэлу, он — вам, вы — Костигану, ну а тот послал за дневником головорезов. — В гавани загудел буксир. Квирку чудилось, он видит ту часть реки — сероголубую линию, придавленную быстро плывущими тучами. — Кто такой Костиган?

— Никто! — с презрением фыркнул судья. — Здесь их называют наймитами. Бескорыстных, готовых жертвовать собой ради веры, днем с огнем не сыщешь, а за деньги Джоша Кроуфорда — пожалуйста.

— Денег больше не будет.

— Что?

— Денег больше не будет. Роуз мне слово дала.

— Роуз? Как же ты вырвал такое обещание у этой особы? — Судья вопросительно взглянул на Квирка. — Что, язык проглотил? В общем, с деньгами Роуз или без них мы справимся. Бог нам в помощь! А ты, Квирк, можешь собой гордиться! — неожиданно хохотнул судья. — Так называемая афера началась благодаря тебе. Чистая правда! Блестящая мысль возникла у Джоша Кроуфорда на примере Фиби. Помню, он позвонил мне среди ночи и спросил, какая судьба ждет в Ирландии нежеланных малышей вроде Фиби. Я ответил, что у нас их пруд пруди. «Неужели? Тогда присылай их сюда, — сказал Джош. — Я быстро их пристрою, по семьям распределю». Вскоре мы переправляли детей не десятками, а сотнями.

— Сколько сирот...

— Разве Фиби — сирота? — молниеносно парировал судья. Его лицо потемнело, синеватые пятна на щеках побагровели. — Некоторые люди не должны, не имеют права заводить детей.

— А кто это решает?

— Мы, мы решаем! — закричал судья. — В трущобах Дублина и Корка женщины за восемнадцать лет рожают по семнадцать-восемнадцать детей. Какая жизнь ждет тех малышей? Разве им не лучше здесь, в семьях, где о них заботятся? Ну, отвечай!

— Значит вы и судья, и присяжные, и Господь Бог? — устало спросил Квирк.

— Как ты смеешь задавать мне такие вопросы?! Парень, ты лучше за собой последи!

— А какую роль играет Мэл — судьи или только секретаря?

— Мэл — всего лишь исполнитель. Не смог даже спасти бедную Крисси! Нет, Квирк, я мечтал о таком сыне, как ты.

Сильный порыв ветра швырнул им в лицо горсти ледяной крупы, больше похожей на мелкие иглы.

— Я забираю Фиби домой, — объявил Квирк. — Хочу отгородить ее от влияния Роуз. И от вашего тоже.

— Думаешь, сможешь стать отцом двадцатилетней девушки?

— Я попробую.

— Ага, попробуй, — с издевкой проговорил судья.

— Расскажите мне о Долли Моран.

— Что я должен о ней рассказать?

— Вы знали, что она годами ходила к приюту, — начал Квирк, глядя на свинцово-голубую полосу воды, которая была рекой, — и через ограду смотрела на детскую площадку, надеясь увидеть своего мальчика?

Лицо судьи стало непроницаемым.

— Чем только люди не занимаются... — пробормотал он.

— А что творится в Каррикли, знали? Вы были членом «совета посетителей»!

— Тебя-то оттуда вытащили! — голос судьи звенел от раздражения. — И не кто иной, как я.

— Вы вытащили, а кто упек? — спросил Квирк. Судья обжег его сердитым взглядом, что-то буркнул и решительно зашагал к калитке, у которой до сих пор топтался отец Харкинс в пальто и галошах. — Оглянитесь по сторонам, Гаррет! — крикнул ему вслед Квирк. — Полубуйтесь своими успехами!

— Это только мертвые, — обернувшись, проговорил судья. — Ты не видел живых. Наше дело праведное, Квирк. Много ли молодых лет через двадцать-тридцать захотят посвятить жизнь служению Господу? А мы будем посылать священников не только в Ирландию, но и в Европу. Наше дело праведное, ты нам не помешаешь. Даже не пытайся, Квирк, заклинаю тебя, даже не пытайся!

До самого последнего момента Квирк не сомневался, что Фиби выйдет попроститься. Пока таксист загружал чемоданы в багажник, он стоял на гравийной дорожке у Мосс-Мэнора и высматривал в окнах ее силуэт. День выдался холодный, даром, что солнечный, а с океана дул пронизывающий ветер. В дверях показалась не Фиби, а Сара. В одном кардигане она застыла на пороге, потом запахнулась поплотнее и зашагала по гравию. Сара уточнила во сколько самолет и пожелала счастливого пути, несмотря на погоду. Зима, мол, здесь кончатся не собирается. Опираясь на трость, Квирк приблизился и уже открыл рот, но заговорить ему Сара не позволила.

— Пожалуйста, Квирк не извиняйся! Я не вынесу.

— Я умолял Фиби полететь со мной в Ирландию. Она оказалась.

— Слишком поздно, — Сара устало покачала головой. — Ты сам понимаешь.

— Что ты теперь будешь делать?

— Поживу здесь, ну, хоть какое-то время, — Сара неуверенно засмеялась. — Мэл собирается отправить меня в Клинику Мэйо[28] проверить голову; — Она снова попыталась засмеяться, но на сей раз неудачно и, помрачнев, взглянула на океан. — Возможно, мы с Фиби... Возможно, мы сумеем стать подругами. — Сара грустно улыбнулась. — Кроме того, кому-то нужно отгонять от девочки Роуз, которая хочет отвезти ее в Европу и превратить в героиню романов Генри Джеймса[29]. — Она потупилась. Никогда Сара не была так дорога Квирку, как в этот момент, когда смотрела на гравий, словно выискивая на нем что-то невидимое. — Ты с ней спал? — тихо спросила она. — Ну, с Роуз?

— Нет, — покачал головой Квирк.

— Я тебе не верю, — беззлобно заявила Сара, глубоко вдохнула ледяной воздух, оглянувшись на дом, вытащила из-под кардигана бумажный рулон и вручила Квирку. — Вот, придумаешь, что с этим делать. — Рулоном оказался потрепанный школьный блокнот в ярко-оранжевой обложке. Квирк хотел снять резинку, удерживающую блокнот свернутым, но Сара сжала его ладонь. — Нет, в самолете прочтешь.

— Как он к тебе попал?

— Хозяйка прислала, бедная Долли Моран. Не представляю, зачем. Мы не виделись с тех пор, как Фиби была грудничком.

— Да, — кивнул Квирк, — но она не забыла тебя, спрашивала, как твои дела, вспоминала, что ты хорошо к ней относилась. — Так и не развернув, он спрятал блокнот в карман пальто. — Что мне с ним делать?

— Не знаю, сам решай.

— Ты его прочла?

— Сколько смогла.

— Ясно, значит, ты в курсе.

— Да, в курсе.

Квирк глубоко вдохнул и почувствовал, как холодный воздух обжигает легкие.

— Если я сделаю с ним то, что сочту нужным, — начал он, тщательно подбирая слова, — представляешь, к чему это приведет?

— Нет, а ты?

— Боюсь, ни к чему хорошему. Что станет с Мэ-лом?

— Ну, Мэл, особо не пострадает. Он почти ни в чем не замешан.

— Я думал...

— Да, ты думал, Мэлэки — отец ребенка той несчастной девушки. Я знала, что ты так считаешь. Поэтому и просила тебя с ним поговорить — надеялась, он объяснит, что к чему. Разумеется, он отмолчался. Он очень верный, в том числе и отцу, который никогда его не любил. Смешно и нелепо, правда?

Воцарилась тишина. Квирку хотелось поцеловать Сару, но он знал: это невозможно.

— Всего хорошего, Сара! — только и сказал он.

— Всего хорошего, Квирк! — лукаво улыбаясь, она заглянула ему в глаза. — Знаешь, тебя-то очень любили. Хотя, пожалуй, все дело в том, что ты этого не знаешь.

Эпилог

Пришла весна. Свежий порывистый ветер нес на дублинские улицы вести с далеких полей, лесов и рек. Квирк брел по улице и, периодически поднимая трость, делал шаг-другой без нее. Боль чувствовалась, хоть и не такая сильная, как прежде. Резкая, обжигающая, она услужливо напоминала о спице.

Его проводили в кабинет инспектора Хакетта, где солнечный свет едва просачивался в грязнущие окна. Большую часть комнатки занимал уродливый письменный стол, на полу примостилась стойка-вертушка с пожелтевшими папками, рядом — стеллаж с пыльными газетами и книгами. Корешки порваны, названий не разобрать — Квирк силился представить, какие книги читает инспектор. На столе царил полнейший бардак. Чего там только не было: документы, которые, очевидно, не разбирали месяцами, две кружки — в одной карандаши, в другой остатки утреннего чая, бесформенный кусок металла в память о бомбежке — «военный сувенир», как его называл инспектор, рядом свернутый рулоном блокнот Долли Моран. Сам инспектор в рубашке с коротким рукавом и шляпе откинулся на спинку стула, ноги поднял на краешек стола, а руки сложил на животе, выпирающем из-под туго застегнутого синего жилета.

— О славе Джеймса Джойса бедняжка Долли мечтать не могла! — хмыкнул инспектор, показав на блокнот, и зацокал языком.

— Но вы ведь сможете его использовать? — забеспокоился Квирк.

— Да, конечно, сделаю, что смою, — пообещал инспектор. — Только здесь нам противостоят очень влиятельные люди, да вы и сам это понимаете. Взять хотя бы Костигана — за ним у нас в городе большая сила.

— Но ведь за нами тоже сила! — заметил Квирк, кивнув на блокнот.

— А вы, мистер Квирк, человек мстительный! — снова хмыкнул Хакетт, сжав свой округлый живот. — Фактически, свою семью под удар подставляете. Скажите, — он понизил голос до заговорщицкого шепота, — зачем вы это делаете?

Квирк задумался.

— Не знаю, — наконец признался он. — Наверное, это мой первый настоящий поступок за всю жизнь.

Хакетт кивнул и шумно втянул воздух.

— Когда и если упадут эти столпы общества, поднимется страшная пыль. Море пыли, грязь, мусор... Захочется убежать подальше и спрятаться.

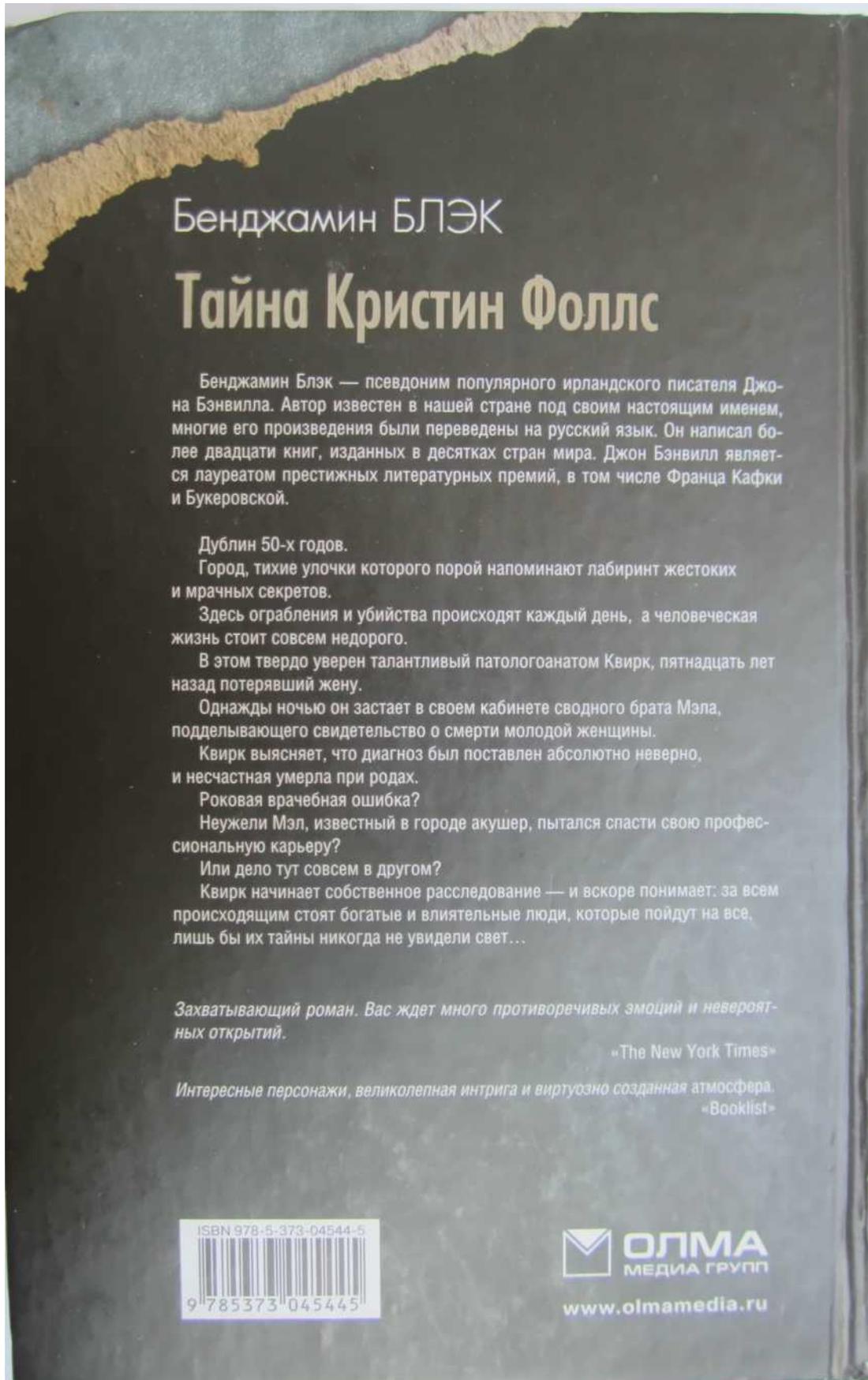
— Но вы не отступите!

Хакетт опустил ноги на пол, выудил из завалов на столе сигареты и протянул одну Квирку. Оба закурили.

— Постараюсь, мистер Квирк, — проговорил инспектор, — я постараюсь.

От автора

Выражаю глубокую признательность Дженнифер Барт, Питеру Билби, Алану Гилсенану, Луизе Гоуф, Джоан Иган и Робин Кершо. Огромное спасибо Эндрю Кидду, Линде Кледжис, Мэри Кэллери, Сандре Леви, Йену Мелдону, Хейзел Орм и Джо Питкину. Также хотелось бы сказать слова благодарности Беатрис фон Реззори, Марии Рейт, Барри Руану, Джону Стерлингу и Рою Хиберду.

Примечания

1

Американская музыкальная группа, образовавшаяся в начале 1930-х гг. «Инк Споте» исполняли свои песни в жанре, положившем начало возникновению ритм-энд-блюза и рок-н-ролла. — *Здесь и далее примеч. пер.*

[^^^]

2

Крупнейшее авиационное сражение Второй мировой войны, длившиеся с 9 июля по 30 сентября 1940 г.

[^^^]

3

Порода тяжеловозных лошадей, получивших свое название от региона в Шотландии.

[^^^]

4

Легкомысленный молодой аристократ, герой романов о Дживсе и Вустере известного английского писателя Пелама Гренвилла Вудхауса.

[^^^]

5

Газированный напиток, обычно изготовленный из коры дерева сассафраса.

[^^^]

6

Темное пиво, приготовленное с использованием жженого солода, добавлением карамельного солода и жареного ячменя.

[^^^]

7

Согласно шотландским легендам — волшебные кошки, служащие ведьмам. Данное слово образовано от английских слов «grey» («цвет») и «malkin» («кошка», *устар.*). В основном употребляется в значении «старая кошка» или «ворчливая старуха».

[^^^]

8

Персонаж комикса, созданный в 1946 г. американцем Аланом Ливингстоном.

[^^^]

9

Творческий псевдоним Мэриона Роберта Моррисона (1907–1979 гг.), знаменитого американского актера, которого называли королем вестерна.

[^^^]

10

Особый пресный хлеб в католицизме латинского обряда, использующийся во время литургии для таинства Евхаристии.

[^^^]

11

Знаменитый ирландский англоязычный поэт (1865–1939 гг.) и драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе.

[^^^]

12

В бейсболе — игрок нападения с битой.

[^^^]

13

Горбун с длинным крючковатым носом и в остроконечном колпаке, персонаж английского народного театра кукол.

[^^^]

14

Подруга Панча, также персонаж театра кукол.

[^^^]

15

Искусство фигурной стрижки деревьев и кустарников.

[^^^]

16

Персонаж из романа в стихах «Мармион» известного британского писателя и поэта Вальтера Скотта, умчавший свою возлюбленную на коне в день венчания девушки с его соперником.

[^^^]

17

Героиня произведений Пелама Гренвилла Вудхауса, о которой автор в романе «Дживс и скользкий тип» пишет так: «Одна из тех неутомимых атлетических девиц, которые имеют телосложение борца в среднем весе и смеются смехом, похожим на грохот Шотландского экспресса, проносащегося под мостом...» Отрывок из романа приводится в переводе И. Бернштейн.

[^^^]

18

Еще одну порцию, дружище! (*ирл.*)

[^^^]

19

Персонаж пьес «Генрих IV» и «Виндзорские насмешницы» Уильяма Шекспира.

[^^^]

20

Легендарный американский композитор (1904–1944 гг.), создатель и руководитель (до 1944 г.) всемирно известного джазового оркестра.

[^^^]

21

Знаменитый американский актер и комик (1906–1959 гг.), ставший популярным благодаря комедийному дуэту с Бадом Эбботтом.

[^^^]

22

Герой Второй мировой войны (1924–1971 гг.), сыграл в экранизации своей военной биографии и в нескольких вестернах.

[^^^]

23

Марш, которым на военных парадах приветствуют президента США, написанный композитором Джеймсом Сандерсоном.

[^^^]

24

Англосаксонская графиня, жена графа Мерсии, которая, согласно легенде, проехала обнаженной по улицам города Ковентри ради того, чтобы ее муж снизил непомерные налоги для своих подданных.

[^^^]

25

Великий голод, который произошел в Ирландии в 1845–1849 гг. Спровоцирован эпидемией картофельного патогенного микроорганизма, вызывающего фитофтороз.

[^^^]

26

Корабли, в годы картофельного голода отправлявшиеся из Ирландии к берегам США и Канады. Из-за антисанитарных условий и нехватки продовольствия большинство пассажиров на подобных судах погибали.

[^^^]

27

Корабль, на котором в Америку прибыли первые поселенцы.

[^^^]

28

Одна из самых известных медицинских организаций в мире.

[^^^]

29

Американский писатель (1843–1916 гг.), в произведениях которого поднимается тема непосредственности и наивности представителей Нового Света, бросающих вызов коварству Старого Света.

[^^^]